

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 25 МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

ТОМ 15 • № 2 • 2023 • АПРЕЛЬ-ИЮНЬ

DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-2

<https://fmp.msu.ru/nauka/vestnik-moskovskogo-universiteta>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) РФ

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-35059 от 23 января 2009 г.

Учредитель: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Главный редактор

Кокочин А.А. — академик РАН, доктор исторических наук, профессор, заместитель президента Российской академии наук, заведующий кафедрой международной безопасности факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Заместитель главного редактора

Юдин Н.В. — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Члены редколлегии

Бабынина Л.О. — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель Центра политической интеграции Института Европы РАН, Москва, Россия

Барсенков А.С. — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Бартенев В.И. — кандидат исторических наук, профессор Института перспективных стратегических исследований Научного исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия
Белокреницкий В.Я. — доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока, заместитель председателя ученого совета Института востоковедения РАН, Москва, Россия

Глазунова Е.Н. — кандидат исторических наук, доцент кафедры региональных проблем мировой политики факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Звягельская И.Д. — доктор исторических наук, профессор, заведующая сектором ближневосточных исследований ИМЭМО РАН, главный научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, профессор кафедры востоковедения МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Кузнецов В.А. — кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе Института востоковедения РАН, руководитель Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, Москва, Россия

Панов А.Н. — Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой дипломатии МГИМО МИД РФ, главный научный сотрудник Института США и Канады РАН, Москва, Россия

Потёмкина О.Ю. — доктор политических наук, заведующая отделом исследований европейской интеграции Института Европы РАН, Москва, Россия

Прохоренко И.Л. — доктор политических наук, заведующая сектором международных организаций и глобального политического регулирования ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Рыхтик М.И. — доктор политических наук, директор Института международных отношений и мировой истории ННГУ имени Н.И. Лобачевского, профессор РАН, Нижний Новгород, Россия

Сергунин А.А. — доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений факультета международных отношений СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия; профессор кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Сидоров А.А. — кандидат исторических наук, декан факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, заведующий кафедрой международных организаций и мировых политических процессов ФМП МГУ, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ, Москва, Россия

Степанова Е.А. — доктор политических наук, руководитель Группы по исследованию проблем мира и конфликтов ИМЭМО РАН, профессор РАН, Москва, Россия

Фененко А.В. — доктор политических наук, доцент кафедры международной безопасности факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Хахалкина Е.В. — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новой и новейшей истории и международных отношений факультета исторических и политических наук Томского государственного университета, Томск, Россия

Яковлев А.И. — доктор исторических наук, профессор кафедры региональных проблем мировой политики факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Редактор Малеванная Е.А.

Технический редактор Авдеев Б.А.

Lomonosov World Politics Journal

Vol 15 • No. 2 • SPRING • 2023

DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-2

<https://fmp.msu.ru/nauka/vestnik-moskovskogo-universiteta>

Founded in 2009

Founder: LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY

Editor-in-Chief

Andrei A. Kokoshin — Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor, Deputy President of the Russian Academy of Sciences, Head of the Chair of International Security, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Deputy Editor-in-Chief

Nikolay V. Yudin — PhD (History), Associate Professor at the Chair of International Organizations and World Political Processes, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Editorial Board

Lyudmila O. Babynina — PhD (Political Science), Leading Research Fellow, Head of the Center for Political Integration, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksandr S. Barsenkov — Doctor of Sciences (History), Senior Research Fellow at the Chair of International Organizations and World Political Processes, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Vladimir I. Bartenev — PhD (History), Professor at the Institute for Advanced Strategic Studies, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Vyacheslav Y. Belokrenitsky — Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Center for Middle East Studies, Deputy Head of the Academic Council, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Elena N. Glazunova — PhD (History), Associate Professor at the Chair of Regional Issues of World Politics, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Irina D. Zvyagelskaya — Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Middle East Research Center, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences; Chief Research Fellow at the Center for Arab and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Vasilii A. Kuznetsov — PhD (History), Deputy Director for Science, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksandr N. Panov — Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Political Science), Professor, Head of the School of Diplomacy, MGIMO University; Leading Research Fellow, Institute for US and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Olga Yu. Potemkina — Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Department of European Integration Studies, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Irina L. Prokhorenko — Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Sector of International Organizations and Global Political Governance, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Mikhail I. Rykhtik — Doctor of Sciences (Political Science), Director of the Institute of International Studies and World History, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Professor of the Russian Academy of Sciences, Nizhny Novgorod, Russia

Aleksandr A. Sergunin — Doctor of Sciences (Political Science), Professor at the Chair of International Relations Theory and History, School of International Relations, St. Petersburg State University; Professor at the Chair of World Politics, School of Governance and Politics, MGIMO University, Moscow, Russia

Andrei A. Sidorov — PhD (History), Dean of the School of World Politics, Associate Professor at the Chair of Modern and Contemporary History, School of History, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Ekaterina A. Stepanova — Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Group on Peace and Conflict Studies at the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksei V. Fenenko — Doctor of Sciences (Political Science), Associate Professor at the Chair of International Security, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Elena V. Khakhalkina — Doctor of Sciences (History), Associate Professor at the Chair of Modern and Contemporary History and International Relations, School of History and Political Studies, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

Aleksandr I. Yakovlev — Doctor of Sciences (History), Professor at the Chair of Regional Issues of World Politics, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Editor *Ekaterina A. Malevannaya*

Technical Editor *Bogdan A. Avdeev*

«ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. СЕРИЯ XXV. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА»

ISSN 2076-7404

Периодичность — четыре выпуска в год

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК Министерства образования и науки РФ (по научным специальностям: 5.6.7 — История международных отношений и внешней политики (исторические науки); 5.5.2. — Политические институты, процессы, технологии (политические науки); 5.5.4. — Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки)) и Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Цель и тематика

XXV серия «Вестника Московского университета» была учреждена на базе факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова в 2009 г. для содействия профессиональному обмену идеями между специалистами из МГУ и других отечественных и зарубежных центров международно-политической науки. В последующие 10 лет благодаря непрерывному интенсивному научному диалогу с авторами и рецензентами удалось не только сформировать узнаваемый стиль серии, но и конкретизировать миссию и нишу журнала в системе периодических изданий по проблемам международных отношений. Журнал «Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика» преследует двоякую цель. С одной стороны, он призван стать интеллектуальной площадкой для последовательного, системного представления взглядов российских ученых-международников по широкому кругу проблем современной мировой политики и истории международных отношений. В связи с этим редакция особенно заинтересована в комплексном освещении результатов научной работы ведущих российских исследовательских центров, школ и лабораторий, для чего предусмотрены как специальная рубрика «Тема в фокусе», так и возможность подготовки отдельных тематических выпусков журнала. С другой стороны, журнал приглашает к публикации зарубежных экспертов, специализирующихся на изучении истории и современной роли России в системе международных отношений.

Целевой аудиторией журнала являются ученые-международники, политологи и преподаватели высших учебных заведений, а также студенты и аспиранты профильных вузов.

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, экспертные комментарии непосредственных участников мирополитического процесса и рецензии на новейшие исследования в области международных отношений и мировой политики. Тематика журнала представлена следующими ключевыми направлениями: теория международных отношений; международная безопасность; политэкономика международных отношений; мировые интеграционные процессы; проблемы комплексного регионоведения; история международных отношений; внешняя политика России и стран СНГ; содействие международному развитию.

Адрес редакции

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, 1-й учеб. корпус гуманитарных факультетов, факультет мировой политики, к. 601.

Тел. 8 (495) 939-52-71. E-mail: vestnik.fmp@fmp.msu.ru

Подписано в печать 25.09.2023. Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. ...

Уч.-изд. л. ... Тираж ... экз. Цена свободная. Изд. № 11816. Заказ №

Издательство Московского университета

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11)

Тел.: 8 (495) 939-32-91. E-mail: secretary@msupress.com

Отдел реализации: тел.: 8 (495) 939-33-23, e-mail: zakaz@msupress.com

Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит» 410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88. Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33

E-mail: zakaz@amirit.ru Сайт: amirit.ru

© Издательство Московского университета.
«Вестник Московского университета», 2023

**LOMONOSOV
WORLD POLITICS JOURNAL**

ISSN 2076-7404

QUARTERLY

**A peer-reviewed scholarly journal on international relations
and world politics**

Aims and Scope

Moscow University Bulletin of World Politics was established at the School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, in 2009. It was aimed at promoting professional and open exchange of views among international relations experts from Lomonosov Moscow State University and other leading Russian centers for IR studies. Through the constant and intensive dialogue with our authors and reviewers during the following 10 years the editorial board has managed not only to develop a unique and recognizable journal identity but also to specify its aims and niche within the system of peer-reviewed journals on international relations. Moscow University Bulletin of World Politics pursues a two-folded aim. On the one hand it aims to promote in a systematic and comprehensive manner the views of the Russian IR experts on both the history of international relations and current issues of world politics. To this end the editorial board is primarily focused on highlighting the research findings of the leading Russian think-tanks, research centers and laboratories under the rubric 'Focal Point' or within special thematic issues of the Journal. On the other hand, the Journal welcomes the submissions from foreign scholars specializing in the study of history and contemporary role of Russia in the system of international relations.

The target audience of the Journal includes international researchers, political scientists, teachers, post-graduate students and students of higher education institutions.

The Journal publishes original researches, but also expert commentaries from Russian foreign policy-makers, educational materials as well as review essays and reviews of the latest works in international relations. The Journal covers the following thematic areas: theory of international relations, international security, international political economy, international integration, regional issues of world politics, history of international relations, foreign policy of the Russian Federation and the Post-Soviet states, international development cooperation, and public diplomacy.

Address of the Editorial Board

1/51 Leninskie gory, Moscow, Russia, 119991, School of World Politics

Phone: +7 495 939 52 71

E-mail: vestnik.fmp@fmp.msu.ru

Printing run ... copies. Open price

Publisher

Moscow University Press

119991 Russia, Moscow, Akademika Khokhlova street, 11

E-mail: secretary@msupress.com

Web: <https://msupress.com/>

Printed at

OOO 'Amirit'

88, Chernyshevskogo st., Saratov, Russia, 410004

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА, ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ И ВЫЗОВЫ (ДЕ)ГЛОБАЛИЗАЦИИ

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7
Ф и ш м а н Л.Г. Проблема «лишних людей» на сломе эпох: культура утилизации или культура развития?	12
З а й ц е в С.Ю. Деятельность ТНК в политической сфере: современные тенденции и влияние на концепты власти, легитимности и суверенитета	35
П я т а к о в А.Н. Транснациональная организованная преступность в странах Латинской Америки: современные тенденции развития и военно-силовые способы противодействия	65
Ю д и н Н.О. Гуманитарная деятельность как инструмент «мягкой силы» транснациональных корпораций	94
О г а н и с я н Л.Д. Гуманитарная помощь под санкциями: от постановки проблемы к поискам решений	116
Б а т ю к В.И. Подходы США к сдерживанию России и Китая (по материалам документов стратегического планирования администрации Дж. Байдена)	153
Н е ф ё д о в А.В. Африка между Востоком и Западом: поиск собственного пути. Рецензия на книгу Ф.К.Н. Эдзимби «Россия и Запад в Центральной Африке: как африканским странам приспособиться к вызовам постбиполярной эпохи»	184

NATION STATES, TRANSNATIONAL CAPITAL, AND CHALLENGES OF (DE)GLOBALIZATION

CONTENTS

Editorial Note	7
Fishman L.G. ‘Superfluous People’ at the Turn of the Era: Culture of Utilization or Culture of Development?	12
Zaitsev S.Yu. Political Implications of the Activities of TNCs: Current Trends and Impact on the Concepts of Power, Legitimacy and Sovereignty	35
Pyatkov A.N. Transnational Organized Crime in Latin America: Current Trends and Prospects for Military Crime-Fighting Operations	65
Yudin N.O. Humanitarian Activity as a ‘Soft Power’ Instrument of Transnational Corporations	94
Oganisyan L.D. Humanitarian Aid under Sanctions: From the Problem Statement to the Search for Solutions	116
Batyuk V.I. US Deterrence against Russia and China (Based on Strategic Documents of J. Biden Administration)	153
Nefedov A.V. Africa between East and West: Searching for Its Own Path. Book Review of ‘ <i>La Russie face aux Occidentaux en Afrique centrale: Pour un arrimage des Africains aux enjeux de puissance post-bipolarité</i> ’ by F.X.N. Edzimbiri	184

All the published materials are licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

ОТ РЕДАКЦИИ

Дорогие друзья!

Рады представить вам очередной тематический выпуск нашего журнала! В этот раз в центре внимания оказался комплекс вопросов, связанных с многообразными международно-политическими последствиями развития процессов глобализации, нашедшими воплощение, в частности, в стремительном укреплении политического влияния и росте политических амбиций транснационального капитала. Такая постановка вопроса может показаться странной и даже анахроничной в современных условиях, когда, как отмечают многие отечественные и зарубежные исследователи, международные отношения вступили в период деглобализации и на первый план снова выдвинулись проблемы межгосударственного соперничества, приобретающего форму открытого вооруженного столкновения. Однако именно сегодня, как представляется, особенно важно присмотреться к, быть может, не столь ярким и очевидным, но от этого не менее значительным экономическим, социальным и политическим процессам и тенденциям, которые, возможно, в долгосрочной перспективе и определят облик нового мира, а сейчас могут помочь лучше понять содержание и историческое значение уже вспыхнувших или еще только разгорающихся конфликтов в разных уголках земного шара. Конечно же, охватить все проявления и измерения этих тенденций в рамках одного выпуска невозможно, однако представленные в нем статьи предлагают по-настоящему широкий спектр теоретических позиций и оригинальных подходов к осмыслению данной проблематики, благодаря чему они могут не только показать ее богатство и сложность, но и инициировать профессиональную дискуссию. Если таковая последует, то можно будет сказать, что этот выпуск со своей задачей справился. Мы же, как всегда, будем рады предоставить площадку для диалога.

Открывает статью доктор политических наук Л.Г. Фишмана (Институт философии и права УрО РАН), в которой ярко и polemично освещен ряд фундаментальных социально-политических проблем, порождаемых современными тенденциями развития капитализма. В фокусе внимания автора находится феномен «лишних людей». Автор показывает, что «лишними» их делают не только и не

столько активно развивающиеся процессы автоматизации производства, сколько недостатки, имманентно присущие неолиберальной модели общественного развития в целом. В этом контексте в статье проанализированы два возможных сценария решения проблемы «лишних людей» — посредством их «утилизации» или развития человеческого потенциала на благо всего общества — и оценены перспективы их реализации. При этом автор отмечает, что современный капитализм таит в себе значительный заряд архаичных социальных практик, грозящих обернуться воспроизводством на новом витке общественного развития полуфеодальных или просто феодальных отношений.

В этом контексте особый интерес представляет проблема не до конца изученных и даже не до конца осмысленных возможных последствий развития транснациональных корпораций для национальных государств как основных акторов международных отношений и для самого принципа государственного суверенитета в целом. В статье кандидата политических наук С.Ю. Зайцева (СПбГУ) данная проблема рассматривается с двух точек зрения: с одной стороны, предпринимается попытка проанализировать, как деятельность ТНК может быть оценена в категориях власти, легитимности и суверенитета; с другой стороны, ставится вопрос о том, как различные тенденции в развитии ТНК в свою очередь влияют на содержание данных категорий. Автор заключает, что обретение корпорациями всё большей автономности в политических вопросах может иметь самые далеко идущие последствия для института национального государства вплоть до размывания государственной монополии на легитимное насилие, что, естественно, не может не отразиться и на характере международных отношений.

К этому ведут не только современные тенденции в развитии ТНК и транснациональных банков. Как показано в исследовании кандидата политических наук А.Н. Пятакова (ИЛА РАН), своего рода зеркальным отражением легальных ТНК являются разнообразные трансграничные криминальные группировки (ТКГ). Как и транснациональный бизнес, они стремятся всеми правдами и неправдами вытеснить государства из зоны своих интересов, тем самым, как и ТНК, содействуя эрозии принципов национального суверенитета. В статье на примере стран Латинской Америки рассмотрены усилия, предпринимаемые государствами региона по борьбе с угрозой, исходящей от ТКГ, за счет всё более активного использования по-

тенциала своих вооруженных сил. Автор приходит к выводу, что эта «полициализация» военных структур может рассматриваться в лучшем случае как паллиативная мера, но никак не эффективное средство решения проблемы ТКГ. По мнению автора, данная проблема вообще является нерешаемой в рамках существующей системы общественных отношений в странах ЛАКБ, поскольку коренится в самой природе современной модели глобализации.

Потенциально деструктивные последствия для национальных государств как ведущих субъектов международных отношений могут иметь и даже, казалось бы, совершенно «безобидные» гуманитарные инициативы и проекты ТНК. В статье кандидата политических наук Н.О. Юдина (МГИМО МИД России) раскрыты особенности гуманитарной деятельности как своеобразного инструмента «мягкой силы» ТНК, призванного способствовать не только формированию благоприятного политического климата в стране пребывания, но и внедрению в общественное сознание западных (глобалистских) нарративов. В качестве яркого примера рассмотрена деятельность корпорации Nestlé в странах Латинской Америки. Автор заключает, что в этом контексте в настоящее время России следует не только весьма осторожно относиться к деятельности западных и незападных ТНК на своей территории, но и сформировать четкую государственную политику, которая строго очерчивала бы границы присутствия транснационального бизнеса в гуманитарном пространстве страны.

В то же время ошибочно было бы чрезмерно преувеличивать возможности транснационального капитала в современных международных отношениях. Как показывает пример той же международной гуманитарной деятельности, тон в ней по-прежнему задают государства. В частности, именно они создают сейчас главные препятствия для реализации этой деятельности. Речь идет о практике введения односторонних и международных санкций, которые к настоящему моменту превратились в один из ключевых инструментов ведущих субъектов мировой политики. Изучению проблем, связанных с оказанием гуманитарной помощи в условиях существующих санкционных ограничений, и перспектив их преодоления посвящена статья кандидата политических наук Л.Д. Оганисян (МГУ имени М.В. Ломоносова). В работе выявлена логика, стоявшая за переходом от всеобъемлющих к «умным» санкциям, а также рассмотрена специфика применения механизма гуманитарных исключений.

Автор показывает масштаб и многоплановость деструктивного влияния рестрикций на оказание гуманитарной помощи и приходит к выводу, что возможности для преодоления негативных гуманитарных последствий санкций далеко не исчерпаны, однако их реализация потребует от международного сообщества политической воли и решимости. И проявить их должны будут прежде всего ведущие державы.

Тем более прочными и непоколебимыми представляются позиции национальных государств в военно-политической сфере. На стратегическом уровне ее развитие определяется сложной и противоречивой динамикой взаимоотношений между ограниченным числом государств, обладающих наибольшим военным потенциалом. В последние годы в этой связи особое значение приобретает взаимодействие в стратегическом треугольнике Россия — США — КНР. В статье доктора исторических наук В.И. Батюка (ИСК РАН) на основе документов военно-стратегического и политического планирования администрации Дж. Байдена проанализированы современные подходы США к выработке политики сдерживания Российской Федерации и Китая. Автор отмечает, что этим подходам присуще серьезное противоречие: если с политико-военной точки зрения американские стратеги формулируют в целом рациональный перечень мер, направленных на противодействие России и КНР, то с позиции идеологии в них продолжают господствовать либерально-гегемонистские установки, которые всё меньше отвечают современным международно-политическим реалиям. В этих условиях возникает вопрос, в какой мере жесткая идеологизированность внешнеполитических установок администрации Дж. Байдена соответствует новой международной реальности и стратегическим интересам самих США.

Наконец, именно государства, и в первую очередь ведущие державы, по-прежнему предопределяют динамику развития региональных отношений. В настоящий момент можно наблюдать существенное обострение великодержавного соперничества на Африканском континенте, которое и в практическом выражении, и в идеологическом оформлении всё больше начинает напоминать времена печально известной «схватки за Африку» конца XIX в. В то же время сами африканские государства не хотят оставаться пассивными наблюдателями и жертвами нового витка колониальной борьбы. Как показано в рецензии А.В. Нефёдова (МГУ имени М.В. Ломоносова)

на книгу камерунского исследователя Ф.К.Н. Эдзимби «Россия и Запад в Центральной Африке: как африканским странам приспособиться к вызовам постбиполярной эпохи», африканские эксперты всё громче призывают руководство своих стран преодолеть «синдром выученной беспомощности» и разработать собственную, независимую внешнеполитическую стратегию. Рецензент отмечает, что правильный учет этих настроений может помочь России лучше понять мотивацию центральноафриканских партнеров и выстроить более сбалансированную политику в регионе. Рецензия заканчивается традиционной, но от этого не менее верной фразой, что рецензируемая книга может представлять интерес как для специалистов в соответствующей предметной области, так и для широкого круга читателей.

Эта формула, как хочется надеяться, в полной мере применима и к данному выпуску нашего журнала в целом.

Приятного чтения!

DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-2-12-34

Научная статья / Research paper

Л.Г. Фишман*

ПРОБЛЕМА «ЛИШНИХ ЛЮДЕЙ» НА СЛОМЕ ЭПОХ: КУЛЬТУРА УТИЛИЗАЦИИ ИЛИ КУЛЬТУРА РАЗВИТИЯ?

*Федеральное государственное бюджетное учреждение
«Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук»
620990, Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16*

Международные отношения вступили в новую эпоху радикальной и драматической трансформации, наглядным проявлением которой стало резкое обострение межгосударственного соперничества. Однако за этой внешней манифестацией скрываются гораздо более глубокие объективные процессы, которые обусловлены кризисом всей современной модели экономического развития, основанной на принципах неоллиберализма. В этом контексте всё чаще высказываются утверждения о вступлении мировой экономики в период деглобализации. Для того чтобы приблизиться к пониманию масштабов и перспектив начавшихся перемен, следует обратиться к анализу ключевых характеристик современных обществ. Одной из них, приобретающей особое значение в условиях растущей автоматизации производства, становится появление всё большего количества «лишних людей». В статье подробно рассмотрены причины возникновения и отличительные черты этого социально-экономического феномена. Особое внимание уделено современным стратегиям решения проблемы «лишних людей». Две ключевые такие стратегии можно условно обозначить как культуру утилизации и культуру развития. Первая предполагает организацию социально-политической жизни общества вокруг борьбы за ренту, которая представляет собой ресурсы, получаемые не за трудовую деятельность, а за определенное положение в социальной системе. Специфическими проявлениями этой культуры можно считать расширение практики создания «дерьмовых работ» и связанные с ним рецидивы возрождения докапита-

* Фишман Леонид Гершевич — доктор политических наук, профессор РАН, главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН (e-mail: lfishman@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-5062-8291).

листических, феодальных форм общественных отношений. Культура развития в свою очередь означает вовлечение «лишних людей» в общественно полезные формы трудовой деятельности, направленные на качественное улучшение систем образования, медицины, защиты окружающей среды и т.д. В заключение проанализированы перспективы реализации указанных стратегий в условиях деглобализации. Автор приходит к выводу, что процесс деглобализации не разрешит глубинных противоречий, порождающих проблему «лишних людей», но переместит ее решение на уровень региональных экономико-политических образований. Это может, с одной стороны, облегчить поиск альтернатив современной неолиберальной модели общественного развития, с другой — привести к консервации и даже усилению описанных негативных социальных и политических процессов.

Ключевые слова: деглобализация, глобализация, неолиберализм, капитализм, посткапитализм, прекариат, «лишние люди», регионализация, неомарксизм, неофеодализм

Для цитирования: Фишман Л.Г. Проблема «лишних людей» на сломе эпох: культура утилизации или культура развития? // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2023. Т. 15. № 2. С. 12–34. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-2-12-34.

Leonid G. Fishman

**'SUPERFLUOUS PEOPLE' AT THE TURN OF THE ERA:
CULTURE OF UTILIZATION
OR CULTURE OF DEVELOPMENT?**

*Institute of Philosophy and Law
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
16 S. Kovalevskaya st., Yekaterinburg, 620108*

International relations have entered a new era of dramatic transformation, which has already manifested itself in the sharp aggravation of interstate rivalry. However, this transformation is underpinned by much deeper objective processes caused by the crisis of the entire neoliberal model of economic development. In this context, the world economy is said to be drifting towards deglobalization. In order to grasp the scale and prospects of these developments, it is necessary to analyze the key features of modern societies. One of them, which has become all the more important given the growing industrial automation, is the emergence of an ever-increasing number of 'superfluous people'. The paper identifies the origins and distinctive characteristics of this socio-economic phenomenon, with

a special focus on modern strategies to address the issue of 'superfluous people'. In this regard the author outlines two key strategies, referred to as culture of utilization and culture of development. The first strategy places the struggle for rent at the heart of all social and political activities, which implies distribution of benefits according to one's social status rather than economic productivity. A notable example is the creation of the so-called bullshit jobs, associated with recurrence of pre-capitalist and feudal forms of social relations. The second strategy entails the engagement of 'superfluous people' in socially useful forms of work aimed at improving the quality of education, medicine, environmental protection, etc. In conclusion, the author elaborates on the prospects for implementing these strategies under the present conditions. The author argues that deglobalization will not resolve the deep contradictions that give rise to the issue of 'superfluous people', but it will shift the responsibility for its solution to the regional economic and political entities. This, on the one hand, may facilitate the search for alternatives to the modern neoliberal model of social development. On the other hand, it may lead to the entrenchment or even exacerbation of the negative social and political processes outlined above.

Keywords: deglobalization, globalization, neoliberalism, capitalism, post-capitalism, precariat, 'superfluous people', regionalization, neo-Marxism, neo-feudalism

About the author: *Leonid G. Fishman* — Doctor of Sciences (Political Science), Professor of the Russian Academy of Sciences, Chief Research Fellow at the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (e-mail: lfishman@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-5062-8291).

For citation: Fishman L.G. 2023. 'Superfluous people' at the turn of the era: Culture of utilization or culture of development? *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 15, no. 2, pp. 12–34. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-2-12-34. (In Russ.)

Деглобализация

Сегодня разворачивается процесс, который примерно с начала 2010-х годов зарубежными и отечественными авторами нередко описывается как деглобализация. Многие исследователи пытаются определить сущность и причины данного явления.

Согласно французскому экономисту Ж. Сапиду деглобализация — это восстановление суверенитета народов в принятии жизненно важных решений. Несмотря на то что экономический и финансовый дискурс не утратит своего значения, экономика и финансы «станут орудиями на службе у политики. Триумфальное воз-

вращение политики ознаменует возрождение демократии и порядка, получающего свою легитимность не от рынка, а от людей, порядка, поставленного на службу интересам народа и воплощенного во власти Народа»¹. Причины деглобализации, на которые неоднократно указывали ученые и публицисты, заключаются в широко известных издержках глобализации, связанных с неолиберальной экономической политикой, финансиализацией экономики, неэффективностью рынка в решении ряда социальных проблем. Всё это влечет необходимость государственного вмешательства в экономику, снижает привлекательность либеральной демократии даже в странах первого мира. Резко возрастает роль факторов, связанных с национальными интересами, что обостряет торговые войны, прежде всего между США и Китаем. Отмечается, что «новый тип технологий, относимый также к наполнению четвертой промышленной революции, обещает дать большие преимущества тем, кто сможет занять место лидера в их использовании, поэтому ставки становятся особо высокими. США и Китай находятся в центре мировой геоэкономической борьбы и, можно сказать, задают ее тон» [Абдулов и др., 2021: 115–116]. В связи с этим Вашингтон и Пекин заинтересованы не столько в торговой экспансии, сколько в создании благоприятных условий для внутреннего производителя. Аналогичная точка зрения отражена в работах ряда отечественных авторов, в частности С.Ф. Шмидта [Шмидт, 2018], О.О. Комолова [Комолов, 2021], В.В. Смирнова [Смирнов, 2021] и др. Несмотря на то что концепция деглобализации нередко подвергается критике², она на протяжении последних лет остается востребованной в кругах отечественных экономистов и публицистов³, поскольку отталкивается от констатации едва ли

¹ Сапир Ж. Деглобализация уже в пути: новый мир и возрождение демократии // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 20.11.2019. Доступ: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/deglobalizatsiya-uzhe-v-puti/?ysclid=19i6p5mo2l699422325> (дата обращения: 10.07.2023).

² См., например: Ткаченко В. Иллюзия деглобализации // Spichka.media. 21.05.2021. Доступ: <https://spichka.media/illusion-of-deglobalization/> (дата обращения: 10.07.2023); Ларионов С. Заметки на полях доклада о судьбах глобальной экономики // Интернет-журнал «Рабкор» (главный редактор интернет-издания «Рабкор» Б.Ю. Кагарлицкий включен в Единый реестр иноагентов, само издание — нет). 11.05.2021. Доступ: <https://rabkor.ru/columns/analysis/2021/05/11/deglobalization-review/?ysclid=19i85po5my330194254> (дата обращения: 10.07.2023).

³ Добров Д. Деглобализация мира идет полным ходом // ИноСМИ. 24.06.2019. Доступ: <https://inosmi.ru/20190624/245339699.html?ysclid=19i7f5la7v832500193> (дата

не самоочевидных феноменов. Даже если, как полагает директор лаборатории БРИКС в Колумбийском университете М. Тройхо, в силу приносимого деглобализацией экономического вреда она в относительно скором будущем обречена смениться реглобализацией⁴, сейчас тренд деглобализации явно преобладает, и он только усилится ввиду известных причин.

Так или иначе, развернувшийся сегодня процесс деглобализации обусловлен массой факторов, среди которых ключевую роль играют накопившиеся между державами противоречия. Оказалось, что взаимозависимость, вопреки глобалистской догме, не всегда ведет к миру и приносит выгоду. Она также является причиной войн и упадка, когда глобальные монополии разрушаются ввиду нехватки спроса на их продукцию. Распад прежней версии глобального мира облегчается не только антиколониальными инстинктами бывших колоний и полукolonий, но и тем, что теперь появились альтернативы западным источникам ресурсов для развития. Запад всё еще может больше предложить в научно-технологическом смысле, но он уже утратил монопольное положение. Как замечает Ф. Лукьянов, «уже есть альтернативные источники ресурсов для развития — целый ряд стран бывшего “третьего мира” располагают и деньгами, и квалификациями, и до определенной степени технологиями. Запад по-прежнему опережает их по многим параметрам, но — и это принципиально важно — он сейчас совсем утратил желание делиться своими преимуществами. Просто по той причине, что сам теперь опасается конкуренции с их стороны — опыт американской поддержки развития Китая признан ошибочным. Развивающиеся страны, конечно, заинтересованы в западных инвестициях, но характер взаимодействия тоже меняется. Скажем мягко, бывший “третий мир” становится более требовательным и придиричивым, а способность Запада навязывать свои условия ослабла на фоне масштабных

обращения: 10.07.2023); Трегубов В. Деглобализация. О разрыве мирохозяйственных связей и создании новых блоков // Газета.ru. 28.05.2022. Доступ: <https://www.gazeta.ru/comments/column/s77960/14912024.shtml> (дата обращения: 10.07.2023); Гуриев С. Деглобализация России // Московский центр Карнеги. 26.01.2016. Доступ: <https://carnegie.ru/commentary/62541> (дата обращения: 10.07.2023).

⁴Тройхо М. Краткая история деглобализации // ИноСМИ. 23.03.2017. Доступ: <https://inosmi.ru/20170323/238938650.html?ysclid=I9i6wcpne4117736737> (дата обращения: 10.07.2023).

мировых изменений»⁵. Запад, кроме того, не может больше предложить привлекательную альтернативу в идеологическом смысле, не дает достаточно притягательных образцов политической организации. Идеи либерализма и демократии не столь популярны, как раньше. Даже у себя дома либеральные демократии всё чаще сталкиваются с разочарованием граждан, особенно когда с улиц месяцами не исчезают «желтые жилеты» или погромщики «Black Lives Matter» (BLM). Функционирование западных либерально-демократических режимов нередко вызывает ассоциации с «цветными революциями», поскольку демократии Запада приобретают всё больше сходств с «дефектными», ущербными, «демократиями с приставками» периферии [Фишман, 2019: 20]. Наиболее ярок в этом отношении пример США. Функционирование их политического режима всё чаще заставляет вспоминать Римскую республику времен, когда на улицах Вечного города бесчинствовали банды Клодия и Милона.

В этих условиях неудивительно заявление президента России В.В. Путина о начале нового этапа мировой истории. По его словам, результатом происходящих сейчас «революционных трансформаций» станет резкое возрастание роли суверенных государств, которые будут единственными, кто сможет обеспечить высокую динамику роста. Суверенитет, понимаемый как «свобода национального развития, а значит, и каждого человека», ляжет в основу грядущего «гармоничного, более справедливого, безопасного миропорядка»⁶. Суверенные государства будут служить примером для других в стандартах «качества жизни людей, защиты традиционных ценностей, высоких гуманистических идеалов», где человек становится «не средством, а высшей целью»⁷. Торжество такого суверенитета влечет за собой установление «демократии в международных делах», которая «не принимает любые формы авторитарного диктата отдельных

⁵ Лукьянов Ф. Почему Западу не удастся вовлечь остальной мир в противостояние с Россией // Россия в глобальной политике. 04.07.2022. Доступ: <https://globalaffairs.ru/articles/pochemu-zapadu-ne-udaetsya/> (дата обращения: 10.07.2023).

⁶ Путин объявил о новой эпохе в мировой истории // РБК. 20.07.2022. Доступ: https://www.rbc.ru/politics/20/07/2022/62d7edd59a794769cd401363?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 10.07.2023).

⁷ Там же.

стран или групп государств». Принцип народовластия должен восторжествовать на уровне международных отношений⁸.

Тем не менее деглобализация вовсе не означает распада мира на суверенные национальные государства, наслаждающиеся полной автаркией. Такая деглобализация невозможна, по крайней мере с экономической точки зрения. Как резонно отмечает советский и российский политолог и экономист С. Караганов, несмотря на то что глобализация в прежнем виде закончилась и «все серьезные государства будут сейчас пытаться быть как можно более самодостаточными <...>, автаркия, попытка всё производить у себя — это смерть»⁹. Выглядят резонными утверждения, согласно которым «глобализация, конечно, не исчезнет <...>. Но она очень сильно видоизменяется и становится более ограниченной, чем раньше. Вероятно, страны будут распространять глобализацию, принимать участие в глобализации не на уровне всего мира, а на уровне круга дружественных стран. И это уже не всемирная глобализация, а блоковый подход к данному процессу»¹⁰.

Более вероятен поэтому раскол мира на макрорегионы, на несколько политических и экономических союзов, располагающих относительной самодостаточностью¹¹. Степень последней трудно определить, и даже в случае определения она не будет оставаться неизменной. Резонно предположить, что внутри этих регионов границы взаимозависимости будут колебаться, становясь потенциальными источниками конфликтов. Урегулирование противоречий будет в значительной мере зависеть от политической спаянности

⁸ Полный текст обращения Владимира Путина на «Валдае» 27 октября 2022 г. // Комсомольская правда. 27.10.2022. Доступ: <https://www.kp.ru/daily/27463/4668903/> (дата обращения: 10.07.2023).

⁹ Караганов С. «Крепость Россия». Сколько лет продлится конфронтация с Западом? // Россия в глобальной политике. 16.06.2022. Доступ: <https://globalaffairs.ru/articles/krepost-rossiya-i-zapad/> (дата обращения: 10.07.2023).

¹⁰ Бордачёв Т., Грэм Т., Лукьянов Ф. «Борьба великих держав возвращается в мировую политику». Что изменилось в мировой политике в 2022 году? // Россия в глобальной политике. 25.08.2022. Доступ: <https://globalaffairs.ru/articles/borba-velikih-derzhav/> (дата обращения: 10.07.2023).

¹¹ Одним из таких может стать ШОС, «союз подвергшихся санкциям» России, Китая и Ирана, к которым вскоре могут присоединиться и другие. ШОС превращается в блок, цель которого — свести на нет западное господство. См.: Kronauer J. Losgelöst vom Westen // Junge Welt. 13.09.2022. Доступ: <https://www.jungewelt.de/artikel/434563.losgel%C3%B6st-vom-westen.html> (дата обращения: 10.07.2023).

таких макрорегионов, степени близости их политических режимов и общественного строя. При этом центрами макрорегионов останутся наиболее сильные национальные государства, которые примутся консолидировать свои традиционные сферы влияния, в том числе и силовым путем. Региональная консолидация в свою очередь будет наталкиваться на противодействие конкурентов. В мире, который даже в лучшие времена не вполне подчинялся принципам верховенства права, к уже имеющимся «гибридным войнам» добавятся новые, сливающиеся в единую гибридную мировую войну, отчасти гражданскую по характеру. Она будет продолжаться, пока новый мировой порядок не устоится и не будет осмыслен в новом идеологическом и правовом ключе.

«Лишние люди» на вершине «предыстории»

Несмотря на то что грозовой фронт глобальных перемен надвигается на нас и уже давно мы слышим гром и видим молнии, качественных трансформаций пока не произошло. Мощное усиление давнишнего давления на средний класс и падение его покупательной способности, всё меньшая доступность жилья для большей части рабочего класса, ослабление социальной мобильности, стагнация заработной платы в странах Запада и не только — все эти и другие явления нынешнего дня сами по себе не новы¹². Возможно, по словам известного популяризатора миросистемного анализа в России, последователя И. Валлерстайна Г. Дерлугьяна, сейчас мы только наконечник «подходим, медленно подползаем к тому обрыву, за которым начнется что-то лавинообразное или каскадообразное. Потому что смотришь с изумлением на всю эту мировую систему и думаешь, как это всё держится, чем это всё держится. Есть нелегитимные элиты, есть неспособные на эффективное восстание контрэлиты, революции происходят и ничего не приносят, войны ни к чему не приводят — это, в общем-то, пугает, честно говоря, потому что результатов нет ни в чем»¹³. К этому следует добавить, что, несмотря на все потрясения последних месяцев, они в большей степени касаются

¹² Унгар-Саргон Б. Американская мечта закончилась // ИноСМИ. 06.08.2022. Доступ: <https://inosmi.ru/20220806/ssha-255361634.html> (дата обращения: 10.07.2023).

¹³ Дерлугьян Г., Лукьянов Ф. «Мы находимся в историческом периоде таяния ледника: он пока не обрушился». Что изменилось в мировой политике в 2022 году? // Россия в глобальной политике. 22.08.2022. Доступ: <https://globalaffairs.ru/articles/v-periodе-tayaniya-lednika/> (дата обращения: 10.07.2023).

России и Украины, чем остального мира. Есть основания считать, что, пройдя нелегкий период приспособления, Запад быстрее и с меньшими потерями решит возникшие проблемы, чем Россия. Потеря дешевого газа — это очень болезненно, однако европейские страны не раз обнаруживали способность находить технологические и организационные решения в аналогичных ситуациях, например во время энергетического кризиса 1970-х годов. Долю России в потребляемых Западом ресурсах невозможно восполнить мгновенно, но технологическое отставание нагоняется десятилетиями, тогда как ресурсный дефицит в условиях всё еще глобального мира можно восполнить за годы, если не за месяцы. Да, какое-то время европейцам придется экономить. И всё же следует учитывать, что Европа и США и сами собирались переходить к «зеленой энергетике», даже несмотря на ожидаемые в связи с этим экономические потери. Например, в одних только Соединенных Штатах согласно модели Heritage Energy¹⁴ от налогов и регулирования выбросов углерода к 2040 г. ожидалось сокращение занятости более чем на 1,4 млн рабочих мест, общая потеря дохода — в размере более 40 тыс. долл. на семью из четырех человек, совокупная потеря ВВП — в размере 3,9 трлн долл., увеличение расходов на электроэнергию в домохозяйствах — в среднем примерно на 12–14% [Levin, 2021: 119–120]. И если в условиях мирного времени народы Запада было бы труднее заставить затянуть пояса и прикрутить газовые горелки, то в ситуации противостояния с Россией идея пойти на некоторые жертвы ради свободы кажется более приемлемой.

Словом, мир стоит на пороге больших перемен, но поскольку они пока ожидаются в русле имевших место прежде тенденций, мы не можем адекватно оценить масштаб предполагаемых трансформаций. В такой ситуации всё еще имеет смысл делать прогнозы, касающиеся более глубинных процессов, базисных по отношению к приковывающим наше внимание сегодняшним событиям.

Таким образом, претендующие на правдоподобие прогнозы должны строиться на качественной оценке состояния наиболее передовых обществ, вступающих в эпоху перемен. Это общества, основанные на неравенстве и эксплуатации. Хотя обычно их характеризуют как капиталистические с разными приставками, есть основания по-

¹⁴ Американская энергетическая компания, находящаяся в штате Нью-Йорк.

лагать, что «капитализм» не является понятием, исчерпывающим их содержание.

Не претендуя на всеохватность, сразу оговоримся, что в центре нашего внимания находится феномен современных обществ, который представляется нам наиболее важным для их политического и экономического развития, — появление всё большего количества «лишних людей» и эволюция способов их «утилизации», «обезвреживания». О проблеме этой новой общественной прослойки, растущей по мере автоматизации производства, пишут сегодня очень многие [см., например: Форд, 2016; Сасскинд, 2021], и пока нет оснований предполагать, что факторы, способствующие увеличению количества «лишних людей», куда-то исчезнут. Например, ожидаемое от новой технологической революции (перестройки производства, основанной на принципе «интернета вещей») многократное повышение производительности труда [Абдулов и др., 2021: 116] только обострит данную проблему.

Собственно, с классической, марксистской точки зрения капитализм и описывается как общественный строй, который нуждается в наличии «лишних людей», или, как выражались классики марксизма, «промышленной резервной армии труда». Последняя становится «условием существования капиталистического способа производства» [Маркс, 1960: 646]. Принципиально то, что наличие этой армии не просто позволяет капиталу усиливать давление на занятых рабочих и служащих. Несмотря на то что данная общественная прослойка выглядит следствием перенаселения, последнее не абсолютно, а относительно: никакого перенаселения не было бы, будь общественное производство организовано иным образом. Следовательно, «перенаселение» существует постольку, поскольку оно необходимо для воспроизводства самой сути капиталистических отношений: не будь безработицы, к капиталисту никто не пошел бы наниматься на его условиях. И даже по мере того, как происходит замещение ручного труда машинным, это не освобождает человека, а превращает всё большую часть общества в специфического рода балласт. Специфичность его заключается в том, что составляющие его люди могут никогда более не пригодиться в качестве рабочей силы, производящей действительно необходимые потребительские ценности, но их нужно «утилизировать» таким образом, чтобы они продолжали, даже будучи безработными, способствовать воспроизводству отношений господства и подчинения.

Классический капитализм не имел эффективных способов нейтрализации и «утилизации» «лишних людей», кроме благотворительности и зачатков социального государства, что вызывало время от времени социальные потрясения. Несмотря на то что в наиболее развитых странах в XX в. «государство всеобщего благосостояния» смягчило социальные противоречия, в рамках глобального капитализма преобладала «стратегия изоляции людей, *лишних* с экономической и социальной точек зрения. <...> Визуальным воплощением данной стратегии сегодня является распространение во всех мировых мегаполисах «архитектуры страха», включающей в себя строительство блокпостов, контрольно-пропускных пунктов, домов-крепостей, окруженных высокими стенами, увенчанными колючей проволокой, возведение железных ворот и заборов, находящихся под электрическим напряжением, и т.д. По одну сторону этих стен находятся обособленные, закрытые элитные зоны, защищенные от всех посторонних высокими ограждениями и частыми охранными армиями. По другую, разрастающиеся мировые трущобы, превратившиеся в свалку избыточного человечества» [Бирюков, 2015: 63].

Современный уровень производительных сил не требует большого числа людей для производства товаров и удовлетворения базовых общественных потребностей. Так, уже в 2000 г. в развитых странах в сельском хозяйстве было занято 3,6% трудоспособного населения, в промышленности — 26,3, в сфере услуг — 70,7, а в России — соответственно 13,1, 30,0 и 56,9%¹⁵. В настоящее время в наиболее развитых странах 15–20% населения занято в строительстве, торговле и производстве товаров народного потребления, 1–2% — в сельском хозяйстве, 5–7% — в образовании, здравоохранении, обеспечении правопорядка. Оставшиеся 70–75, а то и 80% занятых относятся к сфере сервиса и услуг¹⁶. В связи с этим не меньшее значение приобретает другая стратегия «обезвреживания» «лишних людей» — вовлечение их в «дерьмовые работы». Д. Гребер, которому мы обязаны популяризацией этого термина¹⁷, был удивлен тем, что во вроде бы

¹⁵ Латов Ю. Сфера услуг // Энциклопедия Кругосвет. Доступ: https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/ekonomika_i_pravo/SFERA_USLUG.html?ysclid=I9i993w249257082436 (дата обращения: 10.07.2023).

¹⁶ Структура занятости стран мира // Страны мира. Доступ: <https://www.mir-geo.ru/vse-stran/ekono/stru-zany> (дата обращения: 10.07.2023).

¹⁷ Graeber D. On the phenomenon of bullshit jobs: A work rant // Strike Magazine. 2013. No. 3. P. 15. Available at: <https://strikemag.org/bullshit-jobs/> (accessed: 10.07.2023).

капиталистической системе со свободным рынком приобрели такое значение «неэффективные, ненужные рабочие места», и полагал, что их создание является результатом «огромного политического давления». «Мы принимаем идею, — говорит Д. Гребер, — что богатые люди создают рабочие места, и чем больше у нас рабочих мест, тем лучше. Неважно, приносят ли эти рабочие места пользу. Мы просто считаем, что чем больше рабочих мест, тем лучше. Мы создали целый класс лакеев, которые, по сути, существуют, чтобы делать лучше жизнь по-настоящему богатых людей. Богатые люди разбрасываются деньгами, платят людям, чтобы те сидели без дела, добавляли им славы и учились видеть мир с точки зрения представительского класса»¹⁸.

Определяющей чертой уже не совсем капиталистической современности согласно итальянскому философу-марксисту П. Вирно «после падения действительного, имеющего силу “всеобщего эквивалента”» является «фетишистский культ *различий*», который, «претендуя на искусственное материально-правовое обоснование, порождает всевозможные дискриминирующие и подавляющие иерархии»¹⁹. Неудивительно, что появляются концепции, описывающие современность как ситуацию, в которой, по словам профессора факультета политических наук колледжей Хобарта и Уильяма Смита (HWS) Д. Дин, обнаруживается сосуществование «различных режимов власти и производства, в частности капиталистического и феодального, когда феодальные отношения личной зависимости помогают создавать условия капиталистического производства и усиливают капиталистическую эксплуатацию» [Дин, 2019: 103–104]. Д. Дин также замечает, что наиболее существенными становятся «экспроприация, господство и сила», тогда как «любые разговоры о фикции свободных и равных игроков, встречающихся на рынке труда, сегодня утратили всякий смысл» [Дин, 2019: 112]. В период коронавирусной пандемии, писал греческий экономист, экс-министр финансов

Имеется в виду эссе 2013 г., из которого выросла книга, посвященная той же проблематике [Гребер, 2020].

¹⁸ «Это просто придуманные должности»: булшит-экономика от Дэвида Гребера // Дзен. 09.12.2019. Доступ: <https://zen.yandex.ru/media/ideanomics/eto-prosto-pridumannye-doljnosti-bulshitekonomika-ot-devida-grebera-5dedeb1be6e8ef00afe3add0> (дата обращения: 10.07.2023).

¹⁹ Вирно П. Тезисы о новом европейском фашизме // АнтиФа.FM. 07.05.2011. Доступ: <https://antifa.fm/bookzine/2011/05/newfascism/2> (дата обращения: 10.07.2023).

Греции (27 января — 6 июля 2015 г.) Я. Варуфакис, «освобожденные от конкуренции колоссальные платформенные компании, такие как Amazon, удивительно хорошо справились с крахом капитализма и заменой его чем-то напоминающим технофеодализм»²⁰. По словам американского культуролога, исполнительного директора Центра по изучению урбанизма в Хьюстоне Дж. Коткина, новый феодализм будет являть собой причудливое сочетание новых технологий, представления о социальной иерархии как естественном порядке вещей и отказа от либерального динамизма и интеллектуального плюрализма [Kotkin, 2020].

Примечательно, что все эти концепции описывают мир, в котором новая элита, имеющая преемственность с капиталистической элитой, готова отказаться от погони за прибылью как характерной черты капитализма, но «ни при каких обстоятельствах не откажется от власти»²¹. Предлагаемые в рамках этих концепций прогнозы отражают тенденцию воспроизводства докапиталистических отношений в современных обществах, которые, как представляется, уже не вполне могут называться капиталистическими. Однако не принципиально, называть ли их капиталистическими или нет, важно, что они остаются в пределах «предыстории человеческого общества»²².

²⁰ Varoufakis Y. The seven secrets of 2020 // Project Syndicate. 28.12.2020. Available at: <https://www.project-syndicate.org/commentary/seven-secrets-revealed-by-2020-by-yanis-varoufakis-2020-12> (accessed: 10.07.2023).

²¹ Катасонов В. Инклюзивный капитализм как идеология // Русский Лад. 19.01.2021. Доступ: <https://rus-lad.ru/news/v-katsonov-inklyuzivnyy-kapitalizm-kak-ideologiya/> (дата обращения: 10.07.2023).

²² Здесь мы исходим из марксовской концепции «предыстории» человечества, которая в немалой степени благодаря усилиям марксистских обществоведов была редуцирована до теории сменяющих друг друга общественных формаций. На наш взгляд, такая редукция не объясняет регулярное воспроизводство докапиталистических отношений на протяжении истории капитализма, равно как и то, что с наступлением «посткапитализма» не исчезают отношения господства и подчинения. Скорее концепция предыстории К. Маркса может быть адекватно осмыслена как представление о периоде истории, в котором жизнь человеческого общества определяется «отчуждением» в широком смысле этого слова и пронизана отношениями неравенства, эксплуатации, господства и подчинения. При этом для господствующих социальных групп (сословий, классов) не слишком принципиально, на чем основано их господство — на рабовладельческих, феодальных, капиталистических, посткапиталистических отношениях (отношениях личной зависимости или чисто «экономической») или на их комбинациях. В случае необходимости они конвертируются друг в друга. Потенциал таких конвертаций, если иметь в виду дух учения К. Маркса, не будет исчерпан вплоть до начала истинной истории человечества — коммунизма.

Даже исходя из классического марксизма, нет никаких оснований предполагать, что предшествующие капитализму отношения исчезают по мере продвижения к Современности. Скорее они не теряют своего значения, оставаясь как бы «в резерве» и вновь выходя на поверхность, когда способы рыночной и капиталистической регуляции перестают эффективно работать. Идея о том, что «буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества» [Маркс, 1959: 8], означает скорее то, что буржуазные отношения являются собой последние из принципиально возможных в рамках предыстории типов отношений. В состоянии «предыстории» имеет значение не столько сохранение буржуазных отношений, сколько воспроизводство более базисных отношений господства и подчинения. В этой связи не исключено, что рассуждения в категориях кризиса капитализма в исторически обозримом будущем уже не будут релевантными. Тот факт, что капитализм в нынешнем виде изжил себя, не означает, что он замещается «коммунизмом» или, в более широком понимании, социально-экономическим порядком, в котором не будет места социальному неравенству, угнетению, эксплуатации. Перспектива сохранения такого порядка остается открытой. Тем не менее в обозримом будущем мы скорее будем иметь дело с обществами, остающимися в пределах «предыстории», в которых уровень развития производительных сил является достаточным для удовлетворения базовых и не только потребностей, при том что с экономической точки зрения труд большей части людей окажется невостребованным. По крайней мере, сейчас отчетливо прослеживается тенденция, что капитализму больше не нужно прежнее количество людей для производства материальных ценностей, товаров и услуг — ввиду автоматизации, роботизации, информатизации и пр. На горизонте возникают контуры общества, в котором всё большая часть добавочной стоимости производится за счет прошлых и настоящих вложений в науку и технику и которому всё менее необходим живой труд.

В результате, как утверждают авторы «Манифеста против труда», «общество, которым правит труд, переживает не минометный кризис, а дошло до своего абсолютного предела. Вследствие микроэлектронной революции производство общественных богатств всё больше отрывалось от применения рабочей силы людей, причем в таких масштабах, какие еще всего несколько десятилетий назад могла представить себе только научная фантастика. Никто не может

всерьез утверждать, что этот процесс можно снова остановить или тем более повернуть вспять. Продажа товара “рабочая сила” будет в XXI в. столь же выгодным делом, как в XX в. — продажа почтовых карет. Но тот, кто в этом обществе не может продать свою рабочую силу, считается “лишним” и выбрасывается в социальную мусорную кучу. Кто не работает — тот не ест! Этот циничный принцип всё еще остается в силе, сегодня более чем когда-либо, именно потому, что он безнадежно устарел. Абсурд: общество никогда еще не было в такой мере обществом труда, как сейчас, когда труд становится излишним»²³. Поэтому, когда сейчас западные медийные миллиардеры вроде Б. Гейтса и И. Маска говорят о том, что в обозримом будущем проблемой станет не избыток людей, а острая нехватка рабочей силы, спровоцированная тенденцией к сокращению рождаемости по всему миру, возникает вопрос: острая нехватка рабочей силы для чего? Для осуществления «дерьмовых работ»? Проблема «лишних людей» не является количественной. Это не только проблема безработицы или, напротив, нехватки рабочей силы: суть ее в том, что труд людей не используется в достаточной мере там, где он действительно необходим для удовлетворения экзистенциальных потребностей, тогда как воспроизводятся сотни тысяч и миллионы рабочих мест с «дерьмовыми работами». Это проблема глубокого перекоса в системе общественных отношений, доминирующей в период «предыстории» по К. Марксу. И эта проблема никуда не исчезает даже в те периоды, когда с формальной точки зрения с занятостью всё обстоит нормально и даже ощущается нехватка рабочей силы.

Так называемый мировой кризис неолиберального капитализма, который почему-то не обрел характера мгновенной по историческим меркам катастрофы, потому и развивается «словно в замедленной съемке»²⁴, что он не является кризисом только лишь капитализма. Это, если угодно, кризис всего состояния «предыстории», когда нерелевантность капиталистических и неолиберальных практик дополняется (и, быть может, вытесняется) не ассоциируемыми только с капитализмом псевдоархаичными практиками неравенства и угнетения. В конечном счете в рамках «предыстории» — и в этом

²³ Манифест против труда // Krisis. 31.12.1999. Доступ: <https://www.krisis.org/1999/manifest-protif-truda/> (дата обращения: 10.07.2023).

²⁴ Сахнин А. Кризис в замедленной съемке // Интернет-журнал «Ліва». 27.12.2018. Доступ: <https://liva.com.ua/krizis-v-zamedlennoj-semke.html> (дата обращения: 10.07.2023).

ее суть — «лишние люди» «обезвреживаются» путем включения их в процессы воспроизводства отношений господства и подчинения, причем неважно, занимаются ли они при этом производством материальных благ и предоставляют ли действительно необходимые услуги. Возвращаясь к высказыванию Д. Гребера о появлении «класса лакеев», мы должны добавить, что масштабы подмеченного явления еще шире: возник целый класс, представители которого, кривясь от отвращения, прислуживают клиентам (которые всегда правы), но компенсируют это, пользуясь услугами других (опять же, клиент всегда прав). И этот класс называется широким термином «работники сферы услуг», хотя он скрывает под собой массу видов деятельности, часто очень непохожих друг на друга: от сервиса в области туризма до «научного обслуживания», «медицинских услуг» и «услуг государственного управления». Впрочем, если мы будем рассматривать словосочетание «сфера услуг» как эвфемизм, означающий сферу воспроизводства отношений господства и подчинения на микроуровне, то ее экспансия не будет удивительной. В ситуации, когда необходимость экономической или военной полезности граждан вытесняется необходимостью нейтрализации «лишних людей», традиционные сферы действительно полезной деятельности обречены всё больше пропитываться духом «сервиса» — как теперь уже главным своим содержанием. Когда уже нет нужды производить товары и услуги, возрастает необходимость воспроизводить определенные общественные отношения сами по себе, лишь только придавая им видимость полезной деятельности.

В любом случае принципиальным остается вопрос, что делать с «лишними людьми».

Ответ на него зависит от выбора стратегии — оставаться в пределах «предыстории» или попытаться начать выход из нее. Продолжать крутиться в колесе или сломать колесо. Так сегодня звучит старый лозунг «социализм или варварство».

По мере того как капитализм трансформируется в «посткапитализм», остающийся, тем не менее, в рамках «предыстории», возникают два пути решения проблемы «лишних людей». В глобальном масштабе это означает выбор между культурой утилизации и культурой развития.

Культура утилизации — организация социально-политической жизни общества вокруг борьбы за ренту, которая представляет собой ресурсы, получаемые не за трудовую деятельность, а за определенное

положение в социальной системе — за принадлежность к определенной политической силе, гражданству, расе, полу и т.д. В конечном счете либеральные демократии в том виде, в каком они существуют сейчас, сложились именно как системы распределения политической ренты, в которую вовлечены все достаточно влиятельные социальные группы. «Дерьмовые работы» наряду с «базовым доходом» могут также рассматриваться как разновидность такой ренты [Фишман и др., 2019]. На этом пути «лишние люди» — сначала в реальном мире, а затем и в развивающейся виртуальной реальности — всё более масштабно вовлекаются в воспроизводство имеющих место конфигураций отношений господства и подчинения в чистом виде, причем эти отношения вовсе не обязательно будут опосредованы рынком.

Культура развития означает привлечение тех же людей для производства нового качества жизни, «хорошего общества» путем радикального увеличения количества учителей, воспитателей, медиков, социальных работников, активистов в целях повышения качества образования, медицины, окружающей среды и т.д. [Давыдов, 2021: 267–308]. Разумеется, идеологически такая стратегия может быть убедительно обоснована только посредством апелляции к гуманистическим представлениям, близким к коммунистическим и социалистическим. И первым среди этих представлений является то, что экономическая деятельность должна ориентироваться в первую очередь на удовлетворение человеческих потребностей, а не на погоню за прибылью.

При этом мы далеки от того, чтобы исключить рецепцию (по крайней мере, в области культуры) докапиталистических практик и отношений, отсылающих к старым типам господства и подчинения, но воспроизводящих их скорее в виде «косплея», чем в области содержания. Уже сейчас о масштабах распространенности этих практик можно судить по таким явлениям, как многочисленные игры типа MMORPG²⁵, в которых сотни тысяч, если не миллионы игроков объединяются в кланы, гильдии и иные квазифеодальные корпорации. Рыночно-капиталистические практики в этих играх резко упрощены и, что главное, дополнены легальной системой рент, размер которых зависит скорее не от труда и капитала, а от

²⁵ Massively multiplayer online role-playing game — компьютерная игра, в которой жанр ролевых игр совмещается с жанром массовых онлайн-игр.

приобретенного социального статуса. Данное явление отразилось в новом фантастическом жанре LitRPG, пронизанном предчувствием будущего, в котором массы людей в такие миры переселились чуть ли не на постоянной основе [см. подробнее: Фишман, 2017]. В мире реальном мы давно имеем дело с разновидностями корпоративных культур с их упором на верность духу фирмы при возрастании роли личных связей между работниками, с одной стороны, и работодателями и менеджерами — с другой (вплоть до появления уже упоминавшегося «класса лакеев» согласно Д. Греберу). Вместе с тем романтизированный квазифеодальный эпос внеэкономического бескорыстия воспроизводится на уровне субкультур вроде современных реконструкторских обществ. То же самое можно сказать и о многочисленных видах волонтерской деятельности, направленной, например, на оптимизацию городской среды, защиту природы, социальную работу и т.д. и обладающей генетическим родством с прежней благотворительностью, но имеющей для участников существенно иной смысл. Воспроизводство некапиталистических практик господства и подчинения, лояльности группе, клану, корпорации, попытки выработать для них партикулярные этические нормы и пр. — всё это уже в современном обществе пронизывает как экономическую деятельность, так и сферу досуга. Сегодня эти практики главным образом способствуют облегчающему существованию эскапизму или замещению «чистых» капиталистических отношений некапиталистическими там, где это более эффективно и необходимо для сохранения отношений господства и подчинения в рамках «предыстории». Однако со сменой вектора общественного развития те же самые практики будут оборачиваться сторонами, благодаря которым они до сих пор привлекательны: содержанием, имеющим отношение к полноте неотчужденного бытия, как оно отразилось в романтизированном представлении об Античности и Средневековье. Вполне вероятно, что сходство между этими культурными практиками будет сближать общества, выбравшие разные пути решения проблемы «лишних людей».

Деглобализация и варианты социально-экономического развития

Возникающий сегодня вопрос звучит так: как влияют процессы деглобализации на описанные выше явления? Станет ли ввиду нарушения международного разделения труда меньше «лишних людей»

и «дерьмовых работ», появятся ли принципиально новые варианты решения этой проблемы? Предварительный ответ на поставленные вопросы таков: деглобализация не меняет направленности основных тенденций, но диверсифицирует варианты их развития.

Распад мира на макрорегионы — это не полная ликвидация взаимозависимости, но ее ослабление, которое в перспективе сменится новым усилением. Можно ожидать, что некоторые тенденции временно ослабнут. Огромная сфера услуг в ряде национальных экономик — следствие слишком далеко зашедшего международного разделения труда. Вынос издержек развития вовне в одних странах порождает сверхэксплуатацию, в других — относительно высокий уровень жизни и социальную политику, приводящую к появлению «дерьмовых работ». Увеличение автаркичности будет означать сворачивание сферы услуг в пользу новой индустриализации и соответственно способствовать сокращению доли «дерьмовых работ». Так называемые постиндустриальные общества, если они не найдут для себя новых партнеров для переноса производств, станут более индустриальными. Словом, процесс деглобализации, скорее всего, переместит проблему «лишних людей» на уровень региональных экономико-политических образований, но в целом лишь отложит ее, так как тенденция к технологическому замещению и иные процессы, порождающие массы «лишних людей», не исчезнут. Характерная для стран современного Запада борьба за политическую (гражданскую) ренту усилится, поскольку «пирог», подлежащий разделу, станет меньше, а дифференциация рент возрастет. Ренту сократят или отнимут там, где это позволят сделать социальные группы, чье сопротивление будет признано недостаточно сильным.

Существует также немалая вероятность того, что некоторые макрорегионы пойдут, условно говоря, по социалистическому пути (по крайней мере, с точки зрения идеологии). Страны, вставшие на этот путь ранее, как КНР, с большей решимостью будут проводить альтернативную капитализму внутреннюю политику²⁶, нежели встраиваться в капиталистическую мир-систему, как это было на

²⁶ Например, в виде «всестороннего строительства модернизированного социалистического государства», как это было провозглашено на XX съезде КПК. См.: «Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой»: Си Цзиньпин выступил с речью на заключительном заседании XX съезда КПК // Российская газета. 24.10.2022. Доступ: <https://rg.ru/2022/10/24/si-czinpin-vystupil-s-rechii-na-zakliuchitelnom-zasedanii-xx-sezda-kpk.html> (дата обращения: 10.07.2023).

предшествующем этапе развития. Если Китай не откажется от сотрудничества с американской отраслью «массовых развлечений», то его ждет такой же крах, как Советский Союз. Для того чтобы этого избежать, Пекин предполагает бороться с излишне высокими ценами в сфере недвижимости и медицинских услуг, реформировать сектора образования, медицины, а также отношения собственности для уменьшения социального неравенства и достижения «всеобщего процветания»²⁷. Государства, которые окажутся в сфере влияния стран, следующих подобным курсом, даже в случае отсутствия прямого давления будут вынуждены корректировать соответствующим образом свою внутреннюю политику.

В России самоочевидным ответом на новые вызовы является политика реиндустриализации с опорой на крупные интегрированные холдинги, организуемые непосредственно государством без надежды на частных инвесторов и частные компании²⁸. Россия, как заметила в свое время предприниматель и публицист Т. Воеводина, находится совершенно в ином положении, чем деиндустриализированные страны первого мира с разросшейся сферой услуг. «У нас масса нерешенных задач, непроведенных дорог, неосвоенной территории. В нашей холодной, неблагоустроенной стране надо, ежели по уму, не пиццу развозить, а дело делать. Мы еще далеко не прошли “возраст” экономики производства, а сразу перескочили в экономику услуг. В нашем случае это не прогресс, а деградация»²⁹. Однако сама по себе реиндустриализация не оправдывает возлагаемых на нее надежд, если она не будет частью более масштабной общей стратегии в духе описанной выше культуры развития. Но для этого нужна социальная и экономическая политика, для которой в принципе не будет «лишних людей» и которая в первую очередь остановит вымирание российских граждан. Сам факт существования такой системы будет эффективнее всякой пропаганды «семейных ценностей», за

²⁷ Акопов П. Китай начинает «трансформацию капитализма»: у него есть главный союзник // РИА Новости. 10.09.2021. Доступ: <https://ria.ru/20210910/kitay-1749414761.html> (дата обращения: 10.07.2023).

²⁸ Марцинкевич Б. Россия должна учиться на чужих ошибках // Геоэнергетика. 07.07.2022. Доступ: <https://geonrg.ru/2022/07/07/rossiya-dolzha-na-uchitsya-na-chuzhih-oshibkah/> (дата обращения: 10.07.2023).

²⁹ Воеводина Т. Экономика услуг — это прогресс или деградация? // Публицист.ру. 05.07.2019. Доступ: <https://publizist.ru/blogs/109899/31885/> (дата обращения: 10.07.2023).

которой пока угадывается лишь озабоченность тем, что важный экономический ресурс не желает размножаться. К сожалению, события последних лет свидетельствуют о том, что формирующаяся в России рентно-сословная система, управляемая приближенными к государству олигархами, высшей бюрократией и «неодворянами», способна меняться лишь в условиях колоссального внешнего давления. Которое, увы, обычно служит оправданием откладывания «второстепенных» гуманитарных задач в долгий ящик или бюрократической имитации их решения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдулов Р.А., Джабборов Д.Б., Комолов О.О. и др. Деглобализация: кризис неолиберализма и движение к новому миропорядку. М.: Научная лаборатория современной политэкономии, 2021.
2. Бирюков А.А. Избыточное человечество? Мальтузианство и марксизм о проблеме «лишних людей» // Вопросы философии. 2015. № 12. С. 54–64. Доступ: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1313 (дата обращения: 10.07.2023).
3. Гребер Д. Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда. М.: Ад Маргинем Пресс, 2020.
4. Давыдов Д.А. Посткапитализм и рождение персоналиата. М.: РИПОЛ классик, 2021.
5. Дин Д. Коммунизм или неофеодализм? // Логос. 2019. Т. 29. № 6 (133). С. 85–116. DOI: 10.22394/0869-5377-2019-6-85-114.
6. Комолов О.О. Деглобализация: новые тенденции и вызовы мировой экономике // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2021. Т. 18. № 2 (116). С. 34–47. DOI: 10.21686/2413-2829-2021-2-34-47.
7. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1: Процесс производства капитала // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения: В 50 т. Т. 23. М.: Политиздат, 1960. С. 43–900.
8. Маркс К. К критике политической экономии // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения: В 50 т. Т. 13. М.: Политиздат, 1959. С. 1–167.
9. Сасскинд Д. Будущее без работы. Технологии, автоматизация и стоит ли их бояться. М.: Индивидуум, 2021.
10. Смирнов В.В. Деглобализация как следствие торговой войны и пандемии // Молодой ученый. 2021. № 5 (347). С. 292–294.
11. Фишман Л.Г. Бумеранг возвращается? // Свободная мысль. 2019. № 1 (1673). С. 15–22.

12. Фишман Л.Г. Эпос прекариата // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2017. № 4. С. 123–130.

13. Фишман Л.Г., Мартыанов В.С., Давыдов Д.А. Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии. М.: Издательский дом ВШЭ, 2019.

14. Форд М. Роботы наступают: развитие технологий и будущее без работы. М.: Альпина нон-фикшн, 2016.

15. Шмидт С.Ф. Деглобализация и ресувверенизация: двойной мегатренд 2010-х // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2018. Т. 26. С. 5–20. DOI: 10.26516/2073-3380.2018.26.5.

16. Kotkin J. The coming of neo-feudalism: A warning to the global middle class. New York: Encounter Books, 2020.

17. Levin M.R. American Marxism. New York: Threshold Editions, 2021.

REFERENCES

1. Abdulov R.A., Dzhaborov D.B., Komolov O.O. et al. 2021. *Deglobalizatsiya: krizis neoliberalizma i dvizhenie k novomu miroponyadku* [Deglobalization: Crisis of neoliberalism and drift towards a new world order]. Moscow, Nauchnaya laboratoriya sovremennoi politekonomii Publ. (In Russ.)

2. Biryukov A.A. 2015. Izbytochnoe chelovechestvo? Mal'tuzianstvo i marksizm o probleme 'lishnikh lyudei' [A surplus humanity? Malthusianism and Marxism concerning the problem of 'extra people']. *Voprosy filosofii*, no. 12, pp. 54–64. Available at: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1313 (accessed: 10.07.2023). (In Russ.)

3. Graeber D. 2018. *Bullshit jobs: A theory*. New York, Simon & Schuster [Russ. ed.: Greber D. 2020. *Bredovaya rabota. Traktat o rasprostraneni besmyslennogo truda*. Moscow, Ad Marginem Press Publ.].

4. Davydov D.A. 2021. *Postkapitalizm i rozhdenie personaliat* [Postcapitalism and the birth of the personaliat]. Moscow, RIPOl klassik Publ. (In Russ.)

5. Din D. 2019. Kommunizm ili neofeodalizm? [Communism or neo-feudalism?]. *Logos*, vol. 29, no. 6 (133), pp. 85–116. DOI: 10.22394/0869-5377-2019-6-85-114. (In Russ.)

6. Komolov O.O. 2021. *Deglobalizatsiya: novye tendentsii i vyzovy mirovoi ekonomike* [Deglobalization: New trends and challenges in world economy]. *Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*, vol. 18, no. 2 (116), pp. 34–47. DOI: 10.21686/2413-2829-2021-2-34-47. (In Russ.)

7. Marks K. 1960. Kapital. Kritika politicheskoi ekonomii. T. 1, kn. 1: Protssess proizvodstva kapitala [Das Kapital: A critique of political economy. Vol. 1, book 1: The process of capital production]. In: K. Marks i F. Engel's. *Sochineniya: V 50 t.* T. 23 [K. Marx and F. Engels. Essays: In 50 vols. Vol. 23]. Moscow, Politizdat Publ., pp. 43–900. (In Russ.)

8. Marks K. 1959. K kritike politicheskoi ekonomii [A contribution to the critique of political economy]. In: *K. Marks i F. Engel's. Sochineniya: V 50 t. T. 13* [K. Marx and F. Engels. Essays: In 50 vols. Vol. 13]. Moscow, Politizdat Publ., pp. 1–167. (In Russ.)

9. Susskind D. 2020. *A world without work: Technology, automation and how we should respond*. London, Allen Lane [Russ. ed.: Sasskind D. 2021. *Budushchee bez raboty. Tekhnologii, avtomatizatsiya i stoit li ikh boyat'sya*. Moscow, Indivuum Publ.].

10. Smirnov V.V. 2021. Deglobalizatsiya kak sledstvie torgovoi voiny i pandemii [Deglobalization as a result of the trade war and pandemic]. *Molodoi uchenyi*, no. 5 (347), pp. 292–294. (In Russ.)

11. Fishman L.G. 2019. Bumerang vozvrashchaetsya? [Boomerang comes around?]. *Svobodnaya mysl'*, no. 1 (1673), pp. 15–22. (In Russ.)

12. Fishman L.G. 2017. Epos prekariata [Epos of the precariat]. *Politicheskaya kontseptologiya: zhurnal metadistsiplinarnykh issledovaniy*, no. 4, pp. 123–130. (In Russ.)

13. Fishman L.G., Mart'yanov V.S., Davydov D.A. 2019. *Rentnoe obshchestvo: v teni truda, kapitala i demokratii* [Rent society: In the shadow of labor, capital and democracy]. Moscow, Izdatel'skii dom VShE Publ. (In Russ.)

14. Ford M. 2015. *Rise of the robots: Technology and the threat of a jobless future*. New York, Basic Books [Russ. ed.: Ford M. 2016. *Roboty nastupayut: razvitie tekhnologii i budushchee bez raboty*. Moscow, Al'pina non-fikshn Publ.].

15. Shmidt S.F. 2018. Deglobalizatsiya i resuverenizatsiya: dvoinei megatrend 2010-kh [Deglobalization and resovereignization: A double megatrend of the 2010s]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*, vol. 26, pp. 5–20. DOI: 10.26516/2073-3380.2018.26.5. (In Russ.)

16. Kotkin J. 2020. *The coming of neo-feudalism: A warning to the global middle class*. New York, Encounter Books.

17. Levin M.R. 2021. *American Marxism*. New York, Threshold Editions.

Статья поступила в редакцию 19.09.2022; одобрена после рецензирования 29.06.2023; принята к публикации 22.08.2023

The paper was submitted 19.09.2022; approved after reviewing 29.06.2023; accepted for publication 22.08.2023

С.Ю. Зайцев*

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТНК В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ:
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
И ВЛИЯНИЕ НА КОНЦЕПТЫ ВЛАСТИ,
ЛЕГИТИМНОСТИ И СУВЕРЕНИТЕТА**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Санкт-Петербургский государственный университет»
199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7–9*

В условиях стремительной трансформации системы международных отношений изменения претерпевают не только традиционные, но и новые акторы, в том числе транснациональные корпорации (ТНК), которые с середины XX в. радикально упрочили свои позиции в мировой экономике и мировой политике. Последнее стало возможным вследствие благоприятной экономической конъюнктуры, а также благодаря способности ТНК быстро конвертировать значительные материально-финансовые, интеллектуальные и организационные ресурсы в политическое влияние. Данные обстоятельства актуализируют необходимость изучения ТНК как полноценных политических субъектов и определения степени их влияния на традиционных участников международных отношений в меняющемся международном контексте. В первом разделе рассматриваются различные подходы к периодизации развития ТНК как акторов мировой политики, а также выделяются особенности их положения в современной системе международных отношений. Особое внимание уделяется таким тенденциям, как цифровизация и укрепление влияния компаний с платформенной бизнес-моделью, усиление вовлеченности корпораций в решение глобальных проблем, увеличение инвестиций в инфраструктуру принимающих стран за счет развития новых форматов государственно-частного партнерства, а также рост числа ТНК с государственным участием. Во втором разделе предпринимается попытка проанализировать деятельность ТНК как политических акторов в современных международных

* Зайцев Станислав Юрьевич — кандидат политических наук, старший преподаватель факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: s.zaycev@epsis.ru; ORCID: 0000-0003-0319-4552).

отношениях с двух точек зрения. С одной стороны, речь идет об анализе их функционирования в категориях власти, легитимности и суверенитета — как они проявляются в работе корпораций и их взаимодействии с другими акторами и обществом. С другой стороны, ставится вопрос о том, как различные тенденции в развитии ТНК в свою очередь влияют на содержание данных категорий. Автор заключает, что сотрудничество с ТНК предоставляет национальным государствам новые экономические, социальные и политические возможности. При этом корпорации приобретают всё большую автономию, что может оказать серьезное влияние на традиционные представления о власти, легитимности и суверенитете вплоть до размытия государственной монополии на легитимное насилие. В этих условиях, по мнению автора, необходимо системное изучение особенностей функционирования различных типов ТНК, их взаимодействий с отдельными странами и влияния на них новых технологий, в частности искусственного интеллекта.

Ключевые слова: транснациональные корпорации, ТНК, многонациональные корпорации, МНК, национальное государство, власть, легитимность, суверенитет, глобализация, глобальное управление, цифровые платформы, цифровизация, государственно-частное партнерство, корпоративная социальная ответственность

Для цитирования: Зайцев С.Ю. Деятельность ТНК в политической сфере: современные тенденции и влияние на концепты власти, легитимности и суверенитета // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2023. Т. 15. № 2. С. 35–64. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-2-35-64.

Stanislav Yu. Zaitsev

POLITICAL IMPLICATIONS OF THE ACTIVITIES OF TNCs: CURRENT TRENDS AND IMPACT ON THE CONCEPTS OF POWER, LEGITIMACY AND SOVEREIGNTY

*St. Petersburg State University
7-9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034*

Amidst dramatic transformation of international relations, both traditional and new actors are undergoing major changes. The multinational corporations (MNCs), which have dramatically strengthened their positions in the world economy and politics since the middle of the 20th century due to favorable economic environment, as well as their ability to quickly convert considerable

material, financial, intellectual and institutional resources into political clout, are no exception. All this points to the need to address MNCs as full-fledged political entities and examine their impact on traditional actors in a changing international context. The first section examines various approaches to conceptualization of the evolution of MNCs as actors of world politics. It also identifies the specifics of their position within the framework of the contemporary international relations system. The author focuses on such trends as digitalization, growing influence of companies with a platform business model, increasing engagement of corporations in addressing global issues, scaling up investments in the host countries' infrastructure through new formats of public-private partnership, as well as growth in the number of state-owned TNCs. The second section examines the activities of TNCs as political actors in contemporary international relations from two angles. On the one hand, it considers the TNCs' operations in terms of power, legitimacy and sovereignty that is how these categories manifest themselves in the activities of corporations and their interactions with other actors and society. On the other hand, it poses the question about how various trends in the development of TNCs, in turn, affect the content and essence of these categories. The author concludes that cooperation with TNCs offers national states new economic, social and political opportunities. At the same time, corporations are becoming increasingly autonomous, which can have a serious impact on conventional ideas of power, legitimacy and sovereignty, up to the erosion of the state monopoly on legitimate violence. The latter may have a serious impact on conventional ideas of power, legitimacy and sovereignty, up to the erosion of the state monopoly on legitimate violence. There is thus a pressing need to further study various types of TNCs, their functioning and interactions with individual countries, as well as the impact of new technologies, in particular, artificial intelligence on corporate activities.

Keywords: transnational corporations, TNCs, multinational corporations, MNCs, nation-state, power, legitimacy, sovereignty, globalization, global governance, digital platforms, digitalization, public-private partnership, corporate social responsibility

About the author: *Stanislav Yu. Zaitsev* — PhD (Political Science), Senior Lecturer at the Faculty of Political Science, Saint Petersburg State University (e-mail: s.zaycev@epsis.ru; ORCID: 0000-0003-0319-4552).

For citation: Zaitsev S.Yu. 2023. Political implications of the activities of TNCs: Current trends and impact on the concepts of power, legitimacy and sovereignty. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 15, no. 2, pp. 35–64. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-2-35-64. (In Russ.)

Увеличение трансграничных связей между экономическими субъектами и усиление тенденций глобализации во всех сферах жизни общества (политической, социальной, информационной, технологической и др.) в конце XX — начале XXI в. привели к укреплению положения транснациональных корпораций (ТНК) в современном миропорядке. Под ТНК в данном случае понимаются крупные бизнес-компании, реализующие глобальную стратегию развития, направленную на достижение доминирующего или монопольного положения на рынках нескольких стран путем развития сети филиалов и дочерних фирм. Одним из преимуществ ТНК перед другими бизнес-единицами является их способность конвертировать финансовые ресурсы в политическое влияние, направленное на укрепление и улучшение своих позиций в экономике принимающей страны (*host-country*) или страны происхождения (*home-country*). Благодаря возможности аккумулировать большие объемы финансовых ресурсов, привлекать к работе высококвалифицированных специалистов и обеспечивать деятельность сети филиалов и представительств во многих странах мира ТНК могут оказывать влияние на политические, экономические и социальные процессы. Это влияние осуществляется на локальном (города и отдельные местные сообщества), государственном и глобальном уровнях.

Крупные корпорации в лице владельцев и топ-менеджмента вступают во взаимодействие (любой направленности и модальности) не только с другими ТНК и государствами, но и с международными организациями, правозащитными структурами, легальными и нелегальными вооруженными формированиями и т.п. Таким образом, ТНК следует рассматривать уже не просто как участников исключительно экономических рынков, подчиняющихся их правилам, а как политических акторов, «находящихся в определенных местах и пространствах и реализующих политические стратегии в различных институциональных контекстах» [Mikler, Ronit, 2020: 2]. К этим стратегиям относятся, например, изменение корпорациями их внутренней управленческой структуры и характера сотрудничества с поставщиками и подрядчиками, выстраивание взаимоотношений с представителями государства, формулирование совместно с международными организациями «правил игры» на глобальном уровне (режимы передвижения капитала и установление качества продукции), а также участие в коллективных действиях или конкуренции с другими бизнес-актерами и представителями гражданско-

го общества [Mikler, Ronit, 2020]. Данные обстоятельства указывают на необходимость рассматривать деятельность ТНК в контексте более широких категорий политической науки, таких как власть, легитимность и суверенитет.

Несмотря на то что к настоящему моменту сформировался целый пласт политологических работ, посвященных изучению феномена ТНК, подобная постановка проблемы встречается редко. Существующий массив исследований можно условно разделить на несколько групп. В первой внимание уделяется прежде всего международному аспекту деятельности ТНК и их роли в мировой политике и процессах глобализации [см., например: Nye, 1974; Korten, 2015]. Второй важной темой является взаимодействие между ТНК и государством (например, описываются кооперационные, конфликтные и нейтральные модели такого взаимодействия) [Вернон, 1982; Шимаи, 1999; Сазонов, 2011; Boddewyn, Brewer, 1994; Jensen, 2003]. В третьем блоке исследований ТНК рассматриваются как представители и проводники интересов стран происхождения [Starrs, 2013; Abdelal, 2015; Apeldoorn, Graaff, 2016; Слободян, 2020].

На этом фоне проблемы влияния феномена ТНК на концепты власти, легитимности и суверенитета на современном этапе мирового развития оказываются несколько в тени. Высветить их и дать их авторскую оценку и призвана данная статья. В первом разделе выделены и проанализированы ключевые периоды развития ТНК в экономическом и политическом контекстах. Во втором разделе современное состояние и деятельность ТНК рассмотрены через призму ряда основных категорий политической науки, таких как власть, легитимность и суверенитет. В заключении подводятся итоги и обозначаются перспективы дальнейшего изучения ТНК в политологических исследованиях.

Эволюция влияния ТНК на политическую сферу: основные этапы

Английский исследователь Х. Рэдис, используя неомарксистский подход, выделил несколько этапов в процессе укрепления влияния ТНК в системе глобального капитализма: послевоенный период (1960–1970-е годы), неолиберальный (1980-е годы) и эпоха глобализации (1990–2000-е годы). Основной причиной ускорения развития ТНК автор назвал рост прямых иностранных инвестиций (ПИИ) со стороны американских корпораций в послевоенные десятилетия,

который был обусловлен доминированием США в мировой экономике, реализацией проектов по восстановлению послевоенной Европы и установлением Бреттон-Вудской валютно-финансовой системы. Совокупность указанных факторов позволила американским ТНК осуществлять экспансию в страны Европы, Латинской Америки, Японию и Канаду [Radice, 2014: 23]. В 1970-х годах уже японские и европейские компании, переняв модели развития корпораций США, стали активно участвовать в освоении зарубежных рынков, поиске ресурсов и глобальной конкуренции: «В течение этих десятилетий отраслевой баланс ПИИ также начал смещаться в сторону ориентированного на экспорт трудоемкого производства и сектора услуг, а слияния и поглощения стали более обычным явлением при появлении и росте ТНК» [Radice, 2014: 23].

В 1980-е годы, по Х. Рэдису, происходило становление неолиберальной формы глобального капитализма и наблюдался консервативный поворот в государственной политике, что привело к мировой рецессии и ряду долговых кризисов. В условиях неопределенности ТНК приостановили зарубежную экспансию и «сосредоточили внимание на восстановлении производства и прибыли» [Radice, 2014: 26].

Заключительный период — 1990–2000-е годы — Х. Рэдис обозначил как эпоху глобализации. По мнению исследователя, политика «Вашингтонского консенсуса» в отношении развивающихся стран расширила возможности ТНК по приватизации предприятий, снятию ограничений на деятельность за рубежом и привела к тому, что благодаря универсализации правил по либерализации рынков и смягчению ограничений для ПИИ мировая экономика стала функционировать как «единый глобальный рынок, несмотря на постоянные институциональные различия и неравномерность развития» [Radice, 2014: 28]. В рамках этого этапа, по мнению Х. Рэдиса, ТНК предстают как «высший уровень капиталистического предприятия» [Radice, 2014: 28]. В пользу этого тезиса говорят следующие факты:

- ТНК ориентированы на зарубежную экспансию и глобальную конкуренцию за доступ к рынкам, ресурсам и относительно дешевой рабочей силе, позволяющей сократить затраты на создание конечного продукта;
- межгосударственные организации устанавливают требования к своим членам по открытости рынков и соблюдению прав собственности, способствующие приходу ТНК и их эффективной деятельности;

– ТНК перестали быть отдельными бизнес-единицами, границы которых можно обозначить предприятиями, заводами или точками продажи, из-за слияний/поглощений и создания совместных производств с национальным бизнесом, а также формирования сети подрядчиков границы ТНК стали размываться;

– происходит увеличение финансовой и инвестиционной составляющих в структуре корпоративного капитала.

Такое положение привело к усилению зависимости государств от ТНК, так как они построены «для защиты (и даже расширения) частной собственности и для обслуживания интересов инвесторов» [Radice, 2014: 31]. На наш взгляд, всё же следует говорить не о зависимости, а о необходимости для правительств выстраивать с ТНК различные эффективные форматы взаимодействия в связи с заинтересованностью государств в экономическом росте, трансферте технологий и увеличении потребительского спроса среди населения, что в современных условиях могут обеспечить прежде всего крупные корпорации.

Американский исследователь Дж. Бадуэн предложил иной взгляд на периодизацию процесса роста политического влияния ТНК, особое внимание уделив анализу специфики их взаимодействия с государственными институтами. В качестве отправной точки Дж. Бадуэн выбрал период окончания Второй мировой войны. Автор описал контекст, в котором устанавливалось взаимодействие между указанными акторами, а также выделил основные теоретические концепты и методы исследования, на которые опирались экономисты и политологи для осмысления данного периода [Boddewyn, 2016].

Временной отрезок с 1945 по 1979 г. Дж. Бадуэн назвал «эпохой конфронтационных отношений» (*era of confrontational relations*). В это время ТНК были основным источником иностранных инвестиций в развивающиеся и слаборазвитые страны, как правило, богатые природными ресурсами или способные предоставить дешевую рабочую силу. Причины конфронтации носили политический и идеологический характер: странами происхождения большинства ТНК являлись США и государства Европы, а принимающими — их бывшие колонии, автократии или государства, во главе которых стояли прокоммунистические режимы. Соответственно первые стремились к безопасности своих зарубежных активов и высокой отдаче от инвестиций, а вторые — к сохранению суверенитета и установлению контроля над деятельностью предприятий: «...ино-

странные инвесторы часто сталкивались с полной или ползучей экспроприацией, политической нестабильностью, сопротивлением рабочей силы, дефицитом долларов, ограничениями на торговлю и платежи, инвестиционным контролем, законами, исключавшими или ограничивавшими их собственность, и вмешательством правительства принимающей страны в их бизнес» [Boddewyn, 2016: 11]. Такое положение обусловило высокий интерес исследователей к оценке политических и экономических рисков для корпораций и государств, а также к анализу ресурсов ТНК и инструментов их влияния.

Второй период взаимодействия ТНК и государств Дж. Бадуэн назвал «эпохой примирительных отношений» (*era of more accommodating relations*). Она продлилась с 1980 до 2000 г. и характеризовалась либерализацией рынков вследствие ослабления и дальнейшего распада СССР, демократизацией бывших прокоммунистических режимов и в целом улучшением инвестиционного климата. Государства стали более открытыми к приходу ТНК, поскольку рассматривали их уже не как хищников, стремящихся захватить ресурсы и установить контроль над принимающей страной, а как «драйверов глобализации капитализма, региональной интеграции (например, в рамках Европейского союза) и ответственного корпоративного управления» [Boddewyn, 2016: 13]. Крупные корпорации стали союзниками правительств принимающих стран в глобальной международной конкуренции и одним из факторов их экономического роста. В эпоху примирительных отношений распространился инструмент двусторонних инвестиционных договоров между правительствами страны происхождения и принимающей страны об условиях работы корпорации на территории последней. Не менее важными для смягчения отношения государств к ТНК стали начало работы созданной в 1995 г. Всемирной торговой организации (ВТО) и установление для ее членов обязательств по открытости экономики для иностранного капитала, защите прав интеллектуальной собственности и предоставлению более надежных механизмов разрешения споров [Boddewyn, 2016: 13]. В этот период в центре исследований были институты, способствующие экономическому росту и деятельности ТНК, анализ взаимоотношений корпораций с наднациональными организациями и глобальным гражданским обществом, а также корпоративная социальная ответственность (КСО).

Третьим периодом, выделенным Дж. Бадуэном, стала «эпоха конкурирующих отношений» (*era of competing relations*), начавшаяся в 2001 г. и продолжающаяся по сей день. Данный период характеризуется ростом количества акторов, принимающих участие во взаимоотношениях правительства и бизнеса. В их число вошли, например, некоммерческие организации, инвестиционные и государственные суверенные фонды, ТНК из развивающихся стран (прежде всего входящих в БРИКС), поддерживаемые преимущественно авторитарными политическими режимами, несостоявшиеся государства (*failed states*) как арены действия крупного бизнеса, международные профсоюзные организации. В центре внимания научного сообщества в данный период находятся экономика и корпорации развивающихся стран, расширение политического влияния ТНК через международные организации и двусторонние переговоры с правительствами принимающих государств, политика слияний и поглощений, роль ТНК в решении проблем глобального неравенства.

Периодизация Дж. Бадуэна ограничивается 2015 г., когда его статья была опубликована. В дальнейшем на взаимоотношения между ТНК и государством влияли новые тренды, например ужесточение конкуренции США и Китая на международной арене, увеличение влияния на политическую сферу цифровых корпораций, пандемия COVID-19. В этой связи исследователи [Ghauri et al., 2021] стали говорить о формировании «новой реальности» в деятельности транснационального бизнеса, ключевыми элементами которой выступают следующие.

1. Рост популизма и экономического национализма, наиболее показательными проявлениями которого стали выход Великобритании из ЕС (Brexit) и избрание Дональда Трампа на пост президента США в 2016 г. Данные события пока оказывают небольшое влияние на экономику и структуру международной торговли [Ghauri et al., 2021: 3], однако они запустили дискуссии о недостатках современной модели глобализации, а не только о ее преимуществах. Так, одной из характеристик глобализации является взаимозависимость стран, обусловленная созданием производственной цепочки на различных территориях. Вместе с тем пандемия COVID-19 заставила крупные ТНК пересмотреть подход к формированию таких цепочек из-за сбоя поставок в результате локдаунов или эпидемиологических ограничений: если ранее составляющие конечного продукта создавались

в разных регионах, то теперь компании стремятся вернуть часть производства в страны происхождения и «пересобрать» эти цепочки.

2. Проблематика устойчивого развития и изменения климата. По мнению указанных авторов, ТНК обладают высоким потенциалом для достижения Целей устойчивого развития ООН (ЦУР ООН) и снижения выбросов в атмосферу. В этой области ТНК также подвергаются растущему давлению со стороны международных институтов, некоммерческих организаций и правительств.

3. Развитие новых цифровых технологий. Авторы делают особый акцент на технологиях искусственного интеллекта и обработки больших данных, а также на перспективах их использования для прогнозирования человеческого поведения. Основным конкурентным преимуществом цифровых корпораций, например Google и Meta¹, являются доступ к данным пользователей (поисковым запросам, геолокации, фотографиям и т.п.) и их обработка для дальнейшего использования в рекламе. Следовательно, на современном этапе развития взаимоотношений цифровых ТНК и государства важными направлениями деятельности последнего становятся контроль за соблюдением конфиденциальности данных пользователей и снижение негативного влияния цифровой продукции на граждан, например на их когнитивные способности и концентрацию внимания [см.: Gazzaley, Rosen, 2016]. Рост цифровых корпораций и их технологическое развитие ставят государство в положение «догоняющего», реактивного актора, реагирующего на их действия при принятии решений. Стоит отметить, что в научном сообществе ведутся активные дискуссии, касающиеся предложений и вариантов регулирования государством деятельности цифровых корпораций [Fukuyma et al., 2020; Дупан, Бикбулатова, 2022; Губин, Харитонов, 2020]. Спектр инструментов воздействия государства на работу цифровых ТНК достаточно ограничен: запретительные меры и блокировка продуктов, требования предоставления доступа к данным пользователей или их хранения на серверах, расположенных на территории принимающей страны. При этом зависимость государства от IT-компаний усиливается из-за стремления к созданию цифровой экономики и делает необходимым сотрудничество с корпорациями, придерживающимися платформенной бизнес-модели [Данилин, Мамедьянов, 2020].

¹ Meta признана экстремистской организацией, ее деятельность запрещена в России.

4. Изменение властных отношений по линии «ТНК — правительство» и «ТНК — фирмы-партнеры». С точки зрения темы данной статьи особый интерес представляет первый аспект, и здесь исследователи подчеркивают политическую, властную природу крупных корпораций: «ТНК являются политическими образованиями, которые реагируют и стремятся влиять на правительства и других социальных акторов в странах, в которых они ведут бизнес» [Ghauri et al., 2021: 6]. Следовательно, ТНК стремятся увеличить степень своего влияния, укрепить позиции в стране происхождения и в принимающей стране в экономической, а также в политической и социальной сферах. Их ресурсом для достижения этой цели являются инвестиции, вступление в альянсы или поглощение местного бизнеса, трансферт технологий и обеспечение занятости. Авторы отмечают, что на современном этапе возросла роль нематериальных активов корпораций (результатов НИОКР, патентов, дизайна продукта, программного обеспечения и баз данных) в создании конечной стоимости продукта. Это снижает возможность для правительств регулировать деятельность ТНК и сокращает налогооблагаемую базу, а также позволяет корпорациям заключать контракты с независимыми поставщиками и дистрибьюторами внутри страны, снимая с себя ответственность за условия труда и соблюдение социальных гарантий.

В этом контексте британская исследовательница Г. Иетто-Джиллис выделяет ряд факторов, которые повлияли не только на развитие ТНК, но и на понимание содержания самого этого феномена. Если ранее ключевым критерием для выделения таких компаний было наличие зарубежных активов и филиалов, созданных за счет ПИИ, то в XXI в. произошел ряд структурных изменений, которые требуют пересмотреть определение сущности ТНК и сфер их деятельности [Ietto-Gillies, 2022: 339]. Первым таким изменением стали цифровизация и стремительный рост компаний, работающих в данной сфере. Развитие информационно-коммуникационных технологий и практически повсеместное внедрение интернета позволили отделить штаб-квартиру корпорации от источника прибыли. Для получения последней цифровым ТНК не обязательно иметь филиал в другой стране, так как большинство операций можно провести в онлайн-пространстве. Таким образом, цифровые корпорации обладают «низким уровнем основных средств, особенно иностранных, но имеют большие объемы продаж и доходов во многих странах. <...>

Другими словами, цифровые корпорации и цифровизация в целом бросают вызов нашей традиционной концепции ТНК, связанной с ПИИ и наличием основных фондов за рубежом»² [Letto-Gillies, 2022: 341]. Вторым изменением является финансиализация экономики, т.е. рост влияния финансовых организаций и институтов (транснациональных банков, фондов и т.п.). Филиалы банков и финансовых фондов достаточно активно работают в других странах, но их наличие не сильно влияет на уровень ликвидности активов [Letto-Gillies, 2022: 342]. Следовательно, для эффективного развития и роста таким компаниям не обязательно иметь широкую сеть филиалов и представительств в других государствах, в отличие, например, от промышленных или добывающих «классических» ТНК. Третьим структурным изменением в деятельности транснационального бизнеса стала экстернализация — использование компаниями в производственных процессах практик аутсорсинга, франчайзинга и лицензирования путем привлечения сторонних подрядчиков и поставщиков. Это снимает часть инвестиционных рисков и ответственности с головных компаний за условия труда работников, соблюдение их прав и инвестирование в основной капитал в зарубежных филиалах, но позволяет им сохранить контроль за брендом, качеством продукции и службами доставки [Letto-Gillies, 2022: 342]. Таким образом, головной офис ТНК осуществляет скорее стратегическую координацию и контроль работы филиалов, поставщиков и подрядчиков на различных этапах производственной цепочки, а не является ее «владельцем».

Отмеченные тенденции, по мнению Г. Иетто-Джиллис, будут способствовать пересмотру концепции транснациональности и определения ТНК. С политической точки зрения речь идет, в частности, о признании ослабления контроля государства за ТНК в сфере фискальной политики (из-за сложностей с определением места получения дохода, особенностей его декларирования и стремления корпораций свести к минимуму свои налоговые обязательства). Также ухудшаются позиции государства в переговорах об условиях работы ТНК на его территории из-за отсутствия больших производственных мощностей и недвижимости. Если у представителей производственного или добывающего сектора цена ухода из страны

²К основным фондам предприятий обычно относят недвижимость, производственное оборудование и сооружения и т.п.

достаточно высока, то цифровой или финансовый бизнес может закрыть филиалы и покинуть государство или перевести часть операций в онлайн-режим, не считаясь с интересами и потребностями принимающего правительства.

На основе проработанной литературы мы можем также выделить еще ряд факторов, характеризующих процесс усиления влияния ТНК на политическую сферу на современном этапе.

1. Увеличение инвестирования со стороны ТНК в инфраструктуру принимающих стран посредством использования различных форматов государственно-частного партнерства. В последние годы на этом направлении концентрируются корпорации из Китая в рамках реализации инициативы «Новый Шелковый путь». Благодаря эффекту низкой базы и практически отсутствию конкуренции с западными ТНК в этом направлении китайские компании активно инвестируют в инфраструктуру слаборазвитых или развивающихся стран Африки, Латинской Америки, Центральной Азии. Развитие инфраструктуры позволяет ТНК и правительству государства происхождения выстроить систему сотрудничества с политическими элитами, увеличить влияние на органы государственной власти, закрепиться в экономической сфере принимающей страны, что поспособствует реализации новых проектов.

2. Расширение присутствия корпораций, контрольный пакет акций которых принадлежит государству (корпорации с государственным участием). Участие правительства в деятельности крупных ТНК, преимущественно занимающихся добычей и переработкой нефти, характерно для развивающихся стран (Бразилия, Индия, Мексика) и государств с авторитарным политическим режимом (Саудовская Аравия, Китай, Венесуэла). Исключением можно назвать Норвегию, в которой на момент обнаружения нефтяных месторождений уже существовали стабильные демократические политические институты. Такие компании играют большую роль в продвижении и отстаивании геополитических интересов государства происхождения на международной арене («Газпром» и «Роснефть» для России, CNPC для Китая) и являются крупными налогоплательщиками внутри страны. Рост влияния таких ТНК способствовал появлению термина «государственный капитализм» (*state capitalism*). Отметим, что в большом количестве случаев создание ТНК с государственным участием было инициировано правительствами стран, стремящихся контролировать энергетический рынок и месторождения полезных

ископаемых на своих территориях [Noreng, 2021; Victor et al., 2011]. Исследователи также указывают на двойственную природу таких корпораций: с одной стороны, они стремятся к расширению бизнеса и максимизации прибыли, с другой — должны быть восприимчивы к интересам государства [May, 2020: 35], соотносить свои стратегии как с краткосрочными коммерческими интересами, так и с долгосрочными политическими соображениями [Noreng, 2021: 8]. Кроме того, ТНК с государственным участием необходимо выполнять функции экономических (повышение прибыли, создание производственных цепочек, реинвестирование доходов), политических (влияние на принятие политических решений и установление «правил игры» в сферах экономики, в которых они действуют) и международных акторов (поддержка репутации страны происхождения как важного геополитического игрока). Ключевой задачей ТНК с государственным участием в таких условиях является соблюдение баланса в указанных отношениях. Этот баланс, по сути, служит основной переменной при изучении конкретных случаев взаимодействия подобных корпораций и правительства.

3. Повышение внимания крупного бизнеса к участию в решении гуманитарных проблем, прежде всего в развивающихся и наименее развитых странах (экономическое и цифровое неравенство, снижение выбросов и негативного влияния на экологию, достижение ЦУР ООН и др.), что обусловлено увеличением количества «транснациональных вызовов, угрожающих социально-гуманитарной безопасности» [Юдин, 2021: 86]. Данная тенденция проявляется в увеличении объемов средств, выделяемых на социально-гуманитарные проекты, принятии кодексов КСО, участии в благотворительной деятельности, поддержке образования и воспитания молодежи и др. Такие шаги можно рассматривать с точки зрения улучшения репутации компаний, необходимости учета их мнения при мировом развитии, признания их субъектности в рамках ответа на глобальные вызовы.

Анализ указанных подходов к периодизации деятельности ТНК позволяет выявить ряд ключевых факторов, способствовавших резкому усилению их политических возможностей и амбиций. Во-первых, большую роль в развитии ТНК (прежде всего американских) и укреплении их экономического положения сыграла неблагоприятная ситуация в послевоенной Европе. Экономическая и политическая слабость европейских акторов способствовала проникновению американских корпораций на новые рынки как в Ев-

ропе, так и в других регионах. Во-вторых, процессы глобализации и либерализации рынков расширили возможности ТНК оказывать влияние на экономику и политику отдельных государств. Ослабление ограничений на инвестиции и проведение неолиберальных реформ в развивающихся странах поставили их в определенную зависимость от крупных корпораций, так как именно с помощью последних можно было добиться экономического роста и поступления денежных средств. В-третьих, в последние годы ТНК утвердились как самостоятельные акторы мировой политики, прежде всего за счет своей роли в решении ключевых глобальных проблем современности. В этом качестве им приходится активно реагировать на вызовы, порождаемые внешней (пандемия, изменение климата, неравенство) и внутренней средой (изменение цепочек поставок, использование цифровых технологий в производстве и распространении продукции).

ТНК и концепты власти, легитимности и суверенитета

Изучение феномена ТНК как политических акторов имеет как минимум два важных аспекта. С одной стороны, речь идет об анализе их деятельности в категориях власти, легитимности и суверенитета — как они проявляются в работе корпораций и их взаимодействии с другими акторами и обществом. С другой стороны, можно поставить вопрос о том, как различные тенденции в развитии ТНК в свою очередь влияют на содержание указанных категорий.

Для политологов ключевой проблемой в оценке деятельности ТНК выступает именно вопрос о власти, ее видах и способах осуществления. Поскольку корпорации являются прежде всего бизнес-единицами, к анализу их власти целесообразно применять те же подходы, что и к исследованию влияния бизнеса в целом. С этой точки зрения большой интерес представляют концепции об источниках власти бизнеса, предложенные политологами М. Бузмайером и К. Телен. Они утверждают, что в современной экономике бизнес имеет три вида источников власти, которые позволяют ему добиваться своих целей и расширять степень влияния на принятие решений.

Первый обозначается как структурная власть бизнеса, основанием для которой служат его привилегированное положение в демократических странах с рыночной экономикой и высокая роль в инвестировании капитала, экономическом росте, поддержке уровня занятости [Busemeyer, Thelen, 2020: 450]. В таких государствах

правительства не могут приказать бизнесу инвестировать в ту или иную сферу, а ограничены лишь такой мерой, как создание стимулов для этих инвестиций, например, путем смягчения налогообложения, выделения особых экономических зон и т.п. Таким образом, набор действий государства существенно ограничен, а бизнес пользуется своим положением для увеличения прибыли и влияния, реализации возможностей по установлению «правил игры» и формулирования условий своей деятельности.

В современной глобализированной экономике мы можем говорить о структурной власти ТНК, обладающих широкими возможностями по перемещению капиталов, вложению инвестиций, трансферту технологий и управленческих решений в другие страны, а также по формированию определенных моделей потребительского поведения. Такое взаимопроникновение в экономическую и общественную сферы позволяет продвигать процессы глобализации и расширять их на страны, охваченные ею в меньшей степени. При этом роль ТНК достаточно важна для продвижения не только западной модели глобализации, но и восточной — с доминирующими позициями Китая. Так, на начало 2020 г. компании из КНР открыли 44 тыс. дочерних предприятий и филиалов на 2,2 млн рабочих мест в 188 странах [Хейфец, Чернова, 2021: 104], что говорит о широкой экспансии и увеличении китайского влияния по всему миру. Инвестирование в энергетический сектор и инфраструктуру, характерное для китайских (преимущественно государственных) компаний, позволяет им закрепляться в принимающих государствах и активно участвовать в их экономическом развитии. Реализованные инфраструктурные проекты и полученные ресурсы используются связанными с Китаем акторами или поставляются на рынки этой страны. Следовательно, можно предположить, что китайские ТНК являются одним из инструментов продвижения интересов КНР.

Вторым — инструментальным — видом источников власти бизнеса М. Бузмайер и К. Телен называют его способность мобилизовывать материальные ресурсы и средства для принятия выгодного компании политического решения. Речь идет прежде всего о способности бизнес-субъектов использовать различные формы лоббизма для оказания влияния на политических акторов. Однако можно добавить также такие инструменты влияния, как спонсирование бизнесом избирательных кампаний, выстраивание взаимодействия с органами государственной власти (*government relations*), которые

способствуют установлению долгосрочного партнерства и сотрудничества. Отдельно можно назвать такой инструмент воздействия на принятие решений, как коррупция, которая относится к незаконным, но вполне эффективным способам достижения экономических целей субъекта и отстаивания его бизнес-интересов. Всё это, несомненно, используется и ТНК как наиболее крупными представителями бизнеса. Особенностью таких корпораций является их способность применять эти инструменты для оказания влияния на правительство как страны происхождения³, так и принимающего государства⁴.

Третий вид источников власти исследователи назвали институциональным. В основе институциональной власти бизнеса — не положение его представителей в рыночной экономике, а «роль в предоставлении основных общественных благ и услуг» [Busemeyer, Thelen, 2020: 453]. Так, инвестируя в общественно значимые сферы, бизнес начинает играть доминирующую роль в их функционировании и если не полностью заменяет собой государство, то отодвигает его на второй план, оставляя ему регулирующую функцию. В других случаях инициатором передачи бизнесу возможностей по предоставлению общественных благ может быть само государство, стремящееся к более качественному управлению какой-либо отдельной сферой (медицина, здравоохранение, некоммерческий сектор) и осознающее свою неэффективность в ней. Ключевыми условиями, определяющими силу институциональной власти бизнеса, являются, во-первых, зависимость государства от его участия в развитии общественно значимой сферы или предоставления услуги и, во-вторых, реальность угрозы ухода бизнеса из этого сектора [Busemeyer, Thelen, 2020: 455]. По мере увеличения продолжительности участия бизнеса в развитии общественно значимой сферы повышаются и издержки государства в случае ухода предпринимателей из нее. Существует также риск утраты необходимых знаний, компетенций и технологий для эффективного управления этим сектором. Указанные по-

³ Бразильскую Petrobras обязали выплатить \$853 млн по делу о коррупции // РБК. 27.09.2018. Доступ: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5bacdb479a79470875fba462> (дата обращения: 15.05.2023).

⁴ BP, Glencore suits allege role of oil bribe money in Nigeria's 2015, 2019 elections // Business Day. 25.09.2021. Доступ: <https://businessday.ng/news/article/bp-glencore-suits-allege-role-of-oil-bribe-money-in-nigerias-2015-2019-elections/> (дата обращения: 15.05.2023).

ложения об институциональных источниках власти бизнеса можно применить и к анализу деятельности корпораций.

Тренд на увеличение институциональной власти ТНК и крупного бизнеса проявляется, например, в сфере водоочистки и водоотведения. Такие корпорации, как французская Veolia, расширяя предоставление услуг по водоочистке и обслуживанию городских систем водоснабжения и водообеспечения в Европе, Азии, Африке, Северной и Южной Америке, внедряя наиболее эффективные технологии в данной сфере, усиливают свое влияние и благодаря этому ослабляют позиции государственных структур. Положение ТНК и их включенность в сферу обеспечения граждан и промышленности водными ресурсами сужают спектр инструментов влияния для государства. При этом важно понимать, что отношения между такими компаниями и правительством носят взаимовыгодный характер, поэтому контракты, как правило, заключают и продлевают на несколько лет вперед. Примерами таких долгосрочных отношений являются контракты Veolia с правительством Узбекистана на модернизацию системы очистки и распределения воды сроком на 25 лет⁵ и на управление системой отопления в столице страны Ташкенте сроком на 30 лет⁶.

Преимущество концепции М. Бузмайера и К. Телен заключается в возможности ее применения к анализу отдельных случаев и формулирования на их основании выводов о наличии власти корпораций и ее масштабах. Можно также отметить потенциал данной концепции для прогнозирования отношений между государством и ТНК при использовании указанных ресурсов. Например, применение структурных и инструментальных источников власти слабо угрожает легитимности правительства, а последнее само вправе устанавливать границы, в рамках которых будут осуществляться отношения сотрудничества или конкуренции с ТНК. При этом использование корпорациями институциональных источников власти несет для государственных акторов серьезные риски, начиная с утраты контроля над отдельной сферой и заканчивая формированием

⁵ Veolia доверяет систему очистки и распределения воды в Ташкенте на 25 лет // Газета.uz. 10.10.2018. Доступ: <https://www.gazeta.uz/ru/2018/10/10/veolia/> (дата обращения: 15.05.2023).

⁶ Veolia приступила к управлению системой теплоснабжения Ташкента // Газета.uz. 03.07.2022. Доступ: <https://www.gazeta.uz/ru/2022/07/03/veolia/> (дата обращения: 15.05.2023).

широкой коалиции гражданских и общественных сил, которые, осознав эффективность бизнеса, могут встать на его сторону в случае противоречий с правительством.

Ряд исследователей [Levy, Egan, 2000; Fuchs, 2013; Kolleck, 2013; Fuchs, Lennartz, 2022] отдельно выделяют дискурсивную власть бизнеса. Ее источником является возможность распространения в политической и общественной сферах определенных идей, смыслов и норм. Благодаря формированию дискурса о различных проблемах ТНК могут в выгодном свете представить свое место в социально-политическом пространстве и сфокусировать внимание других акторов на положительных результатах своей работы. Транслируя свои ценности через СМИ и проводя PR-кампании, корпорации стремятся найти поддержку со стороны международных организаций, государства и гражданского общества: «В борьбе за дискурсивную власть глобальные компании извлекают выгоду из денежных преимуществ, систем свободного рынка, структурных связей между СМИ и политикой и доминирующего влияния неолиберальных норм» [Kolleck, 2013: 146]. Крупные ТНК используют такой тип власти для формирования дискурса в сфере решения локальных и глобальных проблем, например для достижения ЦУР ООН, и для легитимации своей деятельности в глазах потребителей и общества, тем самым укрепляя свои позиции в качестве политических и социальных акторов [Kolleck, 2013: 136]. Публикуя открытые отчеты и декларации о своей работе и ценностях, а также используя инструменты PR, ТНК и их объединения могут позиционировать себя в политическом поле и медиапространстве как ответственных субъектов, формировать информационную повестку дня, переинтерпретировать социально-политические и глобальные феномены, участвовать в принятии политических решений и влиять на установление норм и «правил игры».

Таким образом, на современном этапе к анализу политической деятельности ТНК можно применить наиболее распространенные концепции власти. Политический потенциал бизнеса не ограничивается лишь влиянием на государственные институты или взаимодействием с наднациональными организациями для установления «правил игры» в той или иной сфере (например, экологической и прав интеллектуальной собственности), но включает также формирование представлений об общественном благе, предложение различных моделей развития социума (преимущественно его экономи-

ческой сферы). Корпорации выступают не только как политические акторы, обладающие ресурсами для лоббирования своих интересов, но и как создатели и распространители идей и смыслов через различные медиаконгломераты и цифровые продукты. В дополнение к этому ТНК являются основными разработчиками современных инноваций, внедрение которых способствует переходам к новым технологическим укладам или «промышленным революциям»⁷ [Шваб, 2018], основательно меняющим экономическую, политическую и социальную системы государств.

С проблематикой власти неразрывно связаны и вопросы легитимности. В случае с деятельностью ТНК концепт легитимности может быть применен как минимум в двух смыслах.

Во-первых, корпорации могут способствовать снижению легитимности государственной власти и в целом представлять угрозу принципу суверенитета. В частности, это может проявляться в участии ТНК в формировании наднациональных правил инвестирования и движения валюты, а также в попытках ограничить свободу действий государства в экономической сфере для защиты собственных бизнес-интересов. Круг решений для правительств из-за значимой роли ТНК в экономической сфере действительно может быть существенно ограничен в силу стремления государства удержать крупные компании, предоставив наиболее благоприятные условия ведения бизнеса, в том числе за счет сокращения программ поддержки других сфер.

Во-вторых, понятие легитимности охватывает круг вопросов, связанных с отношением граждан к работе и продуктам корпораций и к их деятельности в целом. Поддержка индивидами крупных ТНК, использование их продуктов и услуг в повседневной частной жизни могут приводить к определенным конфликтам идентичностей [Culperper, Thelen, 2019]. С одной стороны, индивид ощущает себя гражданином страны, в которой родился и/или проживает, с другой — потребителем, пользователем, покупателем продукта, созданного корпорацией. Это касается прежде всего современных ТНК из IT-сферы, реализующих платформенную бизнес-модель, так

⁷ Kagermann H., Wahlster W., Helbig J. Securing the future of German manufacturing industry. Recommendations for implementing the strategic initiative Industrie 4.0. Final report of Industrie 4.0 working group. April 2013 // National academy of science and engineering. Available at: https://www.acatech.de/wp-content/uploads/2018/03/Final_report__Industrie_4.0_accessible.pdf (accessed: 15.06.2023).

как при ее внедрении предполагается активное участие пользователя в качестве создателя продукта или его потребителя. Угрозой здесь представляется преобладание пользовательской идентичности над гражданской. «Привязанность» индивидов к цифровым продуктам является потенциальным источником их союза с ТНК для противодействия регулированию и давлению на корпорации со стороны государственных органов: «...пока пользователи платформы считают себя потребителями, а не гражданами, эти компании имеют сильного союзника в общественном мнении, которое больше ценит удобство и инновационный потенциал платформ, чем доверяет сильной регулирующей руке правительства. Однако глубокое вовлечение платформ в современную экономику означает, что их алгоритмы могут изменить результаты выборов, а их политика конфиденциальности может позволить им узнать о нас гораздо больше, чем правительствам» [Culpepper, Thelen, 2019: 290–291]. Существенным риском при таком положении является то, что доверие индивидов (как потребителей) к цифровым корпорациям снижает их доверие (как граждан) к правительству в дихотомии «бизнес — государство». В зависимости от скорости реакции на вызовы оба актора могут апеллировать к одной из идентичностей с целью привлечь индивидов на свою сторону для создания коалиции и поддержки законодательной инициативы или политического решения, например для давления на цифровые корпорации при принятии законодательства о защите персональных данных пользователей.

Политологи Д. Фукс, А. Кальфаджанни и Дж. Саттельбергер при оценке легитимности ТНК предлагают опираться на три критерия: участие (доступ к обсуждению и формированию законов или международных договоров), прозрачность (предоставление информации широкой общественности о своей деятельности, внутренних процессах и структуре принятия решений) и подотчетность (контроль действий менеджмента корпораций со стороны граждан или акторов, чьи интересы они могут затрагивать) [Fuchs et al., 2010: 45–47]. Исследователи пришли к выводу, что ТНК используют свои возможности и ресурсы для влияния на принятие решений, например, на уровне ЕС, но так как они являются частными субъектами, их деятельность не в полной мере согласуется с указанными выше критериями [Fuchs et al., 2010]. Следовательно, ТНК не могут обладать легитимностью при формировании и принятии политических решений. Кроме того, высший менеджмент выбирается ограниченной

группой лиц — директорами или крупными акционерами, а значит, приоритетной целью корпорации выступает реализация интересов акционеров, а не достижение абстрактного общественного блага — помимо тех случаев, когда это согласуется с интересами и глобальной стратегией компании.

Указанные обстоятельства заставляют обратить внимание и на проблему суверенитета в контексте деятельности ТНК. Она также имеет двойственный характер.

С одной стороны, корпорации могут выступать как нарушители суверенитета государства, размывая возможности контроля со стороны последнего над перемещением между границами капитала, инвестиций, товаров, валюты либо, например, нарушая права человека и загрязняя окружающую среду на его территории [Leviathans..., 2005: 11]. Ослабление государственного суверенитета по отношению к ТНК проявляется в их «ускользании» из-под юрисдикции правительства и сужении альтернатив, доступных государству при выборе возможных решений в сфере экономики. Тем самым нарушается автономия правительства в реализации экономической политики из-за необходимости учитывать интересы таких крупных акторов, как ТНК. При этом нарушение автономии происходит в случае как конфликтных, так и кооперационных отношений между государством и бизнесом [Turner, 1997: 305]. В первом варианте правительство ограничено возможностью ухода корпорации из страны (и, как следствие, сокращением налогооблагаемой базы, рабочих мест, продукции и т.д.), а во втором — необходимостью устанавливать и поддерживать законодательные и политические рамки, способствующие приходу и закреплению ТНК на территории государства. В последнем случае, как правило, правительство стремится удовлетворить также требования международных организаций, например ВТО, Международного валютного фонда, Всемирного банка: «Вместо того чтобы представлять и отстаивать внутренние интересы и ценности, современное государство всё больше ограничивается необходимостью создания благоприятного инвестиционного климата. Государство низводится до роли потребителя, конкурирующего за доступ к капитальным вложениям» [Turner, 1997: 314].

С другой стороны, ТНК стремятся максимально отстоять свою самостоятельность и независимость от национальных государств. В этом смысле понятие суверенитета можно применить к самим ТНК и рассматривать его с точки зрения проблемы невмешательства

в их внутреннюю управленческую деятельность со стороны внешних акторов, таких как государство, представители гражданского общества, наднациональные организации. Угрозой самостоятельности бизнеса является вмешательство, способное нанести ущерб, увеличить риски или уменьшить ресурсы ТНК. Содействие же со стороны других акторов и благоприятствование работе корпораций вряд ли рассматриваются последними как посягательство на суверенитет и вмешательство в их деятельность.

Таким образом, можно заключить, что ТНК обладают значительной политической властью и стремятся к ее дальнейшему наращиванию. Благодаря своему положению в политико-экономической сфере и ресурсам (финансовым, управленческим, интеллектуальным) ТНК имеют потенциал для реализации структурных, инструментальных, институциональных и дискурсивных видов власти. При этом их активное участие в повседневной жизни граждан (через продукцию, потребление и т.д.) может приводить к конфликту между гражданской и пользовательской идентичностями, что в свою очередь способно негативно влиять на доверие к государственным институтам и их легитимность. Это ставит вопрос о том, кто способен эффективнее удовлетворять потребности индивидов — крупные компании, обладающие большим штатом маркетологов, пиарщиков и разработчиков качественного продукта, или правительство. К этому следует добавить, что процессы глобализации и стремление государств на протяжении последних 30 лет всячески способствовать деятельности ТНК привели к ослаблению и размыванию государственного суверенитета.

* * *

Несмотря на более чем 70-летнюю историю изучения ТНК, нельзя определенно сказать, оказывают ли они положительное или отрицательное влияние на граждан принимающей страны или страны происхождения. С одной стороны, цифровые корпорации создают новые каналы коммуникации между гражданами и увеличивают прозрачность информации. С другой стороны, они используют персональные данные пользователей как в рекламных целях, так и в интересах спецслужб, а также прибегают к скрытым алгоритмам

для манипулирования предпочтениями целевой аудитории⁸. Например, горнодобывающие компании одновременно дают работу жителям небольших городов и провинций, улучшая их финансовое положение, и сознательно на уровне руководства пренебрегают требованиями безопасности и ставят под угрозу жизни сотрудников.

В ходе исследования был выделен ряд тенденций и сфер деятельности ТНК, которые способствуют увеличению их политического влияния. Изучение истории развития корпораций с середины XX в. показывает, что деятельность ТНК в высокой степени зависит от политического и глобального контекста, а не замкнута в бизнес-сфере. В рамках этого контекста меняются модели взаимодействия ТНК и государства, ТНК и других акторов. Так, ключевым условием для развития ТНК как важного актора мировой политики стала глобализация (в первую очередь такие ее составляющие, как либерализация рынков, возможность вывоза капитала в страны с наибольшим режимом благоприятствования инвестициям и дешевой рабочей силой, а также относительно невысокими налогами на иностранный капитал). Государства были заинтересованы в привлечении ТНК на свою территорию, так как это позволяло встроиться в современную модель мироустройства. В нынешних условиях на взаимоотношения государств и корпораций всё большее влияние оказывают такие тенденции, как цифровизация, изменения в структуре цепочек поставок, возрастание роли ТНК с государственным участием, поиск новых точек инвестирования (например, в инфраструктуру), растущее значение социально-гуманитарных факторов.

Указанные тенденции меняют отношения между государством и ТНК в сторону большей самостоятельности последних вплоть до «перехвата» ими ряда общественных функций. И хотя в настоящий момент у государства по-прежнему остаются ресурсы и возможности для ограничения действий корпораций и сохранения своего положения как основной политической единицы, деятельность современных ТНК может привести к изменению и пересмотру едва ли не всех основных категорий политики и государства, включая концепты власти, легитимности и суверенитета.

⁸Gellman B., Poitras L. U.S., British intelligence mining data from nine U.S. Internet companies in broad secret program // The Washington Post. 07.06.2013. Доступ: https://www.washingtonpost.com/investigations/us-intelligence-mining-data-from-nine-us-internet-companies-in-broad-secret-program/2013/06/06/3a0c0da8-cebf-11e2-8845-d970ccb04497_story.html (дата обращения: 15.06.2023).

Дальнейшие исследования указанной проблемы могут, как представляется, идти по трем направлениям. Во-первых, целесообразно рассмотреть особенности изменений концептов власти, легитимности и суверенитета в контексте отношений государства и ТНК на примере отдельных стран и политических режимов. Во-вторых, следует подробнее изучить воздействие корпораций, представляющих определенные отрасли, на каждый из указанных концептов по отдельности, проанализировать используемые ими в этой связи ресурсы и их возможности. В-третьих, необходимо оценить роль ТНК в условиях усиления геополитической конкуренции, роста глобальных угроз, например пандемий, развития технологий искусственного интеллекта и увеличения контроля над их разработкой, изменения климата. Отмеченные тренды уже вызывают дискуссии в политологическом сообществе и требуют дальнейшего углубленного изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вернон Р. Буря над многонациональными. М.: Прогресс, 1982.
2. Губин Е.П., Харитонов Ю.С. Цифровые платформы в Европе, Китае и России: основные подходы и тенденции правового регулирования // Право и экономика. 2020. № 8 (390). С. 5–13.
3. Данилин И.В., Мамедьянов З.А. Роль глобальных платформ в стимулировании цифровой трансформации: компетенционный и инновационный аспекты // Вестник МГИМО-Университета. 2020. Т. 13. № 3. С. 267–282. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-3-72-267-282.
4. Дупан А.С., Бикбулатова Ю.С. Мировые тенденции в регулировании цифровых платформ: от мягкого права и саморегулирования к императивам // Закон и право. 2022. № 2. С. 211–218. DOI: 10.24412/2073-3313-2022-2-211-218.
5. Сазонов А.А. Взаимодействие государства и транснациональной корпорации как фактор мировой политики: Дисс. ... канд. полит. наук. М., 2011.
6. Слободян Р.А. Взаимодействие корпораций и государства при реализации международной политики в сфере внешнеполитической деятельности: Дисс. ... канд. полит. наук. СПб., 2020.
7. Хейфец Б.А., Чернова В.Ю. Роль Китая в глобализации мировой экономики // Россия и современный мир. 2021. № 2 (111). С. 100–120. DOI: 10.31249/rsm/2021.02.07.
8. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2018.

9. Шимаи М. Государство и транснациональные компании // Проблемы теории и практики управления. 1999. № 4. Доступ: http://vasilieva.narod.ru/10_4_99.htm (дата обращения: 15.06.2023).

10. Юдин Н.О. Гуманитарное влияние транснациональных компаний в мировой политике в XXI веке: Дисс. ... канд. полит. наук. М., 2021.

11. Abdelal R. The multinational firm and geopolitics: Europe, Russian energy, and power // *Business and Politics*. 2015. Vol. 17. No. 3. P. 553–576. DOI: 10.1515/bap-2014-0044.

12. Apeldoorn van B., Graaff de N. American grand strategy and corporate elite networks: The open door since the end of the Cold War. Abingdon: Routledge, 2016.

13. Boddewyn J.J. International business-government relations research 1945–2015: Concepts, typologies, theories and methodologies // *Journal of World Business*. 2016. Vol. 51. No. 1. P. 10–22. DOI: 10.1016/j.jwb.2015.08.009.

14. Boddewyn J.J., Brewer T.L. International-business political behavior: New theoretical directions // *Academy of Management Review*. 1994. Vol. 19. No. 1. P. 119–143. DOI: 10.5465/AMR.1994.9410122010.

15. Busemeyer M., Thelen K. Institutional sources of business power // *World Politics*. 2020. Vol. 72. No. 3. P. 448–480. DOI: 10.1017/s004388712000009x.

16. Culpepper P.D., Thelen K. Are we all Amazon primed? Consumers and the politics of platform power // *Comparative Political Studies*. 2019. Vol. 53. No. 2. P. 288–318. DOI: 10.1177/0010414019852687.

17. Fuchs D. Theorizing the power of global companies // *The handbook of global companies* / Ed. by J. Mikler. Chichester: Wiley-Blackwell, 2013. P. 77–95.

18. Fuchs D., Kalfagianni A., Sattelberger J. Democratic legitimacy of transnational corporations in global governance // *Legitimacy beyond the state? Re-examining the democratic credentials of transnational actor* / Ed. by E. Erman, A. Uhlin. London: Palgrave Macmillan, 2010. P. 41–63.

19. Fuchs D., Lennartz B. Business interest in human rights regulation: Shaping actors' duties and rights // *Critical Review of International Social and Political Philosophy*. 2022. P. 1–24. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/epdf/10.1080/13698230.2022.2113226?needAccess=true&role=button> (accessed: 15.06.2023). DOI: 10.1080/13698230.2022.2113226.

20. Fukuyama F., Richman B., Goel A. How to save democracy from technology // *Foreign Affairs*. 24.11.2020. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-11-24/fukuyama-how-save-democracy-technology> (accessed: 15.06.2023).

21. Gazzaley A., Rosen L. The distracted mind: Ancient brains in a high-tech world. Cambridge: MIT Press, 2016.

22. Ghauri P., Strange R., Cooke F.L. Research on international business: The new realities // *International Business Review*. 2021. Vol. 30. No. 2. P. 1–11. DOI: 10.1016/J.IBUSREV.2021.101794.

23. Ietto-Gillies G. Transnationality in the XXI century. Concept and indicators // *Critical Perspectives on International Business*. 2022. Vol. 18. No. 3. P. 338–361. DOI: 10.1108/cpoib-11-2020-0135.
24. Jensen N.M. Democratic governance and multinational corporations: Political regimes and inflows of foreign direct investment // *International Organization*. 2003. Vol. 57. No. 3. P. 587–616. DOI: 10.1017/S0020818303573040.
25. Kolleck N. How global companies wield their power: The discursive shaping of sustainable development // *The handbook of global companies* / Ed. by J. Mikler. Chichester: Wiley-Blackwell, 2013. P. 134–152.
26. Korten D.C. When corporations rule the world. Oakland: Berrett-Koehler Publishers, Inc., 2015.
27. Leviathans: Multinational corporations and the new global history / Ed. by A.D. Chandler, B. Mazlish. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
28. Levy D.L., Egan D. Corporate political action in the global polity. National and transnational strategies in the climate change negotiations // *Non-state actors and authority in the global system* / Ed. by R.A. Higgott, G.R.D. Underhill, A. Bieler. London: Routledge, 2000. P. 138–153.
29. May C. Globalizing state capitalism? Selective internalization of MNCs from emerging economies // *MNCs in global politics. Pathways of influence* / Ed. by J. Mikler, K. Ronit. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2020. P. 30–46.
30. Mikler J., Ronit K. Introduction: MNCs and their pathways of influence in global politics // *MNCs in global politics. Pathways of influence* / Ed. by J. Mikler, K. Ronit. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2020. P. 1–29.
31. Noreng Ø. The oil business and the state. National energy companies and government ownership. New York: Routledge, 2021.
32. Nye J.S. Multinational corporations in world politics // *Foreign Affairs*. 1974. Vol. 53. No. 1. P. 153–175. DOI: 10.2307/20039497.
33. Radice H. Transnational corporations and global capitalism: Reflections on the last 40 years // *Critical Perspectives on International Business*. 2014. Vol. 10. No. 1–2. P. 21–34. DOI: 10.1108/cpoib-02-2013-0004.
34. Starrs S.K. American economic power hasn't declined — It globalized! Summoning the data and taking globalization seriously // *International Studies Quarterly*. 2013. Vol. 57. No. 4. P. 817–830. DOI: 10.1111/isqu.12053.
35. Turner S. Transnational corporations and the question of sovereignty: An alternative theoretical framework for the information age // *Southeastern Political Review*. 1997. Vol. 25. No. 2. P. 303–324. DOI: 10.1111/j.1747-1346.1997.tb00841.x.
36. Victor D.G., Hults D.R., Thurber M.C. Oil and governance. State-owned enterprises and the world energy supply. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

REFERENCES

1. Vernon R. 1977. *Storm over the multinationals: The real issues* [Russ. ed.: Vernon R. 1982. *Burya nad mnogonatsional'nymi*. Moscow, Progress Publ.].
2. Gubin E.P., Kharitonova Yu.S. 2020. Tsifrovye platformy v Evrope, Kitae i Rossii: osnovnye podkhody i tendentsii pravovogo regulirovaniya [Digital platforms in Europe, China, and Russia: Main approaches to, and trends in legal regulation]. *Pravo i ekonomika*, no. 8 (390), pp. 5–13. (In Russ.)
3. Danilin I.V., Mamed'yanov Z.A. 2020. Rol' global'nykh platform v stimulirovani tsifrovoi transformatsii: kompetentsionnyi i innovatsionnyi aspekty [The role of global platforms in advancing digital transformation: Competence and innovation aspects]. *MGIMO Review of International Relations*, vol. 13, no. 3, pp. 267–282. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-3-72-267-282. (In Russ.)
4. Dupan A.S., Bikbulatova Yu.S. 2022. Mirovye tendentsii v regulirovanii tsifrovyykh platform: ot myagkogo prava i samoregulirovaniya k imperativam [Global trends in digital platform regulation: From soft law and self-regulation to imperatives]. *Zakon i pravo*, vol. 2, pp. 211–218. DOI: 10.24412/2073-3313-2022-2-211-218. (In Russ.)
5. Sazonov A.A. 2011. *Vzaimodeistvie gosudarstva i transnatsional'noi korporatsii kak faktor mirovoi politiki* [Interaction between the state and the transnational corporation as a factor of world politics]. PhD Thesis. Moscow. (In Russ.)
6. Slobodyan R.A. 2020. *Vzaimodeistvie korporatsii i gosudarstva pri realizatsii mezhdunarodnoi politiki v sfere vneshnepoliticheskoi deyatel'nosti* [Interaction between the corporation and the state in implementation of international policy in the sphere of foreign economic activity]. PhD Thesis. Saint Petersburg. (In Russ.)
7. Kheifets B.A., Chernova V.Yu. 2021. Rol' Kitaya v globalizatsii mirovoi ekonomiki [Role of China in globalization of the world economy]. *Russia and the Contemporary World*, vol. 2 (111), pp. 100–120. DOI: 10.31249/rsm/2021.02.07. (In Russ.)
8. Schwab K. 2016. *The fourth industrial revolution* [Russ. ed.: Schwab K. 2018. *Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya*. Moscow, Eksmo Publ.].
9. Shimai M. 1999. Gosudarstvo i transnatsional'nye kompanii [The state and transnational companies]. *Problemy teorii i praktiki upravleniya*, vol. 4. Available at: http://vasilievaa.narod.ru/10_4_99.htm (accessed: 15.06.2023). (In Russ.)
10. Yudin N.O. 2021. *Gumanitarnoe vliyaniye transnatsional'nykh kompanii v mirovoi politike v XXI veke* [Humanitarian impact of transnational companies on world politics in the 21st century]. PhD Thesis. Moscow. (In Russ.)
11. Abdelal R. 2015. The multinational firm and geopolitics: Europe, Russian energy, and power. *Business and Politics*, vol. 17, no. 3, pp. 553–576. DOI: 10.1515/bap-2014-0044.

12. Apeldoorn van B., Graaff de N. 2016. *American grand strategy and corporate elite networks: The open door since the end of the Cold War*. Abingdon, Routledge.
13. Boddewyn J.J. 2016. International business-government relations research 1945–2015: Concepts, typologies, theories and methodologies. *Journal of World Business*, vol. 51, no. 1, pp. 10–22. DOI: 10.1016/j.jwb.2015.08.009.
14. Boddewyn J.J., Brewer T.L. 1994. International-business political behavior: New theoretical directions. *Academy of Management Review*, vol. 19, no. 1, pp. 119–143. DOI: 10.5465/AMR.1994.9410122010.
15. Busemeyer M., Thelen K. 2020. Institutional sources of business power. *World Politics*, vol. 72, no. 3, pp. 448–480. DOI: 10.1017/s004388712000009x.
16. Culpepper P.D., Thelen K. 2019. Are we all Amazon primed? Consumers and the politics of platform power. *Comparative Political Studies*, vol. 53, no. 2, pp. 288–318. DOI: 10.1177/0010414019852687.
17. Fuchs D. 2013. Theorizing the power of global companies. In: Mikler J. (ed.). *The handbook of global companies*. Chichester, Wiley-Blackwell, pp. 77–95.
18. Fuchs D., Kalfagianni A., Sattelberger J. 2010. Democratic legitimacy of transnational corporations in global governance. In: Erman E., Uhlin A. (eds.). *Legitimacy beyond the state? Re-examining the democratic credentials of transnational actor*. London, Palgrave Macmillan, pp. 41–63.
19. Fuchs D., Lennartz B. 2022. Business interest in human rights regulation: Shaping actors' duties and rights. *Critical Review of International Social and Political Philosophy*, pp. 1–24. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/epdf/10.1080/13698230.2022.2113226?needAccess=true&role=button> (accessed: 15.06.2023). DOI: 10.1080/13698230.2022.2113226.
20. Fukuyama F., Richman B., Goel A. 2020. How to save democracy from technology. *Foreign Affairs*, November 24. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-11-24/fukuyama-how-save-democracy-technology> (accessed: 15.06.2023).
21. Gazzaley A., Rosen L. 2016. *The distracted mind: Ancient brains in a high-tech world*. Cambridge, MIT Press.
22. Ghauri P., Strange R., Cooke F.L. 2021. Research on international business: The new realities. *International Business Review*, vol. 30, no. 2, pp. 1–11. DOI: 10.1016/J.IBUSREV.2021.101794.
23. Ietto-Gillies G. 2022. Transnationality in the XXI century. Concept and indicators. *Critical Perspectives on International Business*, vol. 18, no. 3, pp. 338–361. DOI: 10.1108/cpoib-11-2020-0135.
24. Jensen N.M. 2003. Democratic governance and multinational corporations: Political regimes and inflows of foreign direct investment. *International Organization*, vol. 57, no. 3, pp. 587–616. DOI: 10.1017/S0020818303573040.

25. Kolleck N. 2013. How global companies wield their power: The discursive shaping of sustainable development. In: Mikler J. (ed.). *The handbook of global companies*. Chichester, Wiley-Blackwell, pp. 134–152.

26. Korten D.C. 2015. *When corporations rule the world*. Oakland, Berrett-Koehler Publishers, Inc.

27. Chandler A.D., Mazlish B. (eds.). 2005. *Leviathans: Multinational corporations and the new global history*. Cambridge, Cambridge University Press.

28. Levy D.L., Egan D. 2000. Corporate political action in the global polity. National and transnational strategies in the climate change negotiations. In: Higgot R.A., Underhill G.R.D., Bieler A. (eds.). *Non-state actors and authority in the global system*. London, Routledge, pp. 138–153.

29. May C. 2020. Globalizing state capitalism? Selective internalization of MNCs from emerging economies. In: Mikler J., Ronit K. (eds.). *MNCs in global politics. Pathways of influence*. Cheltenham, Edward Elgar Publishing, pp. 30–46.

30. Mikler J., Ronit K. 2020. Introduction: MNCs and their pathways of influence in global politics. In: Mikler J., Ronit K. (eds.). *MNCs in global politics. Pathways of influence*. Cheltenham, Edward Elgar Publishing, pp. 1–29.

31. Noreng Ø. 2021. *The oil business and the state. National energy companies and government ownership*. New York, Routledge.

32. Nye J.S. 1974. Multinational corporations in world politics. *Foreign Affairs*, vol. 53, no. 1, pp. 153–175. DOI: 10.2307/20039497.

33. Radice H. 2014. Transnational corporations and global capitalism: Reflections on the last 40 years. *Critical Perspectives on International Business*, vol. 10, no. 1–2, pp. 21–34. DOI: 10.1108/cpoib-02-2013-0004.

34. Starrs S.K. 2013. American economic power hasn't declined — It globalized! Summoning the data and taking globalization seriously. *International Studies Quarterly*, vol. 57, no. 4, pp. 817–830. DOI: 10.1111/isqu.12053.

35. Turner S. 1997. Transnational corporations and the question of sovereignty: An alternative theoretical framework for the information age. *Southeastern Political Review*, vol. 25, no. 2, pp. 303–324. DOI: 10.1111/j.1747-1346.1997.tb00841.x.

36. Victor D.G., Hults D.R., Thurber M.C. 2011. *Oil and governance. State-owned enterprises and the world energy supply*. Cambridge, Cambridge University Press.

Статья поступила в редакцию 30.11.2022; одобрена после рецензирования 25.01.2023; принята к публикации 15.08.2023

The paper was submitted 30.11.2022; approved after reviewing 25.01.2023; accepted for publication 15.08.2023

А.Н. Пятаков*

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И ВОЕННО-СИЛОВЫЕ СПОСОБЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт Латинской Америки Российской академии наук»
115035, Москва, ул. Большая Ордынка, 21/16*

Одним из наиболее острых «новых вызовов» международной безопасности является транснациональная организованная преступность (ТОП), что связано как с ее прямыми экономическими и социальными последствиями, так и с угрозой, которую она представляет самому институту суверенного государства. Особенно остро данная проблема стоит в странах Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАКБ), превосходящих другие регионы по уровню активности ТОП и влиянию трансграничных криминальных группировок (ТКГ). Настоящее исследование призвано проследить современные тенденции развития феномена ТОП в указанном регионе и выявить особенности подходов латиноамериканских стран к борьбе с ним. В первом разделе статьи обосновывается тезис, что ТОП является не аномалией, а органической частью, атрибутом процесса глобализации. С этой точки зрения ТКГ предстают как специфическая разновидность транснациональных корпораций (ТНК). Во втором разделе рассмотрены основные тенденции развития и особенности организованной преступности в странах ЛАКБ, что позволило автору выявить ряд общих черт в деятельности ТКГ и ТНК. В частности, и те, и другие своей активностью способствуют эрозии принципов национального суверенитета, стремясь легальными и нелегальными средствами вытеснить государства из зоны своих интересов. В третьем разделе проанализированы современные подходы стран ЛАКБ к борьбе с ТКГ. Автор подчеркивает тенденцию к усилению роли вооруженных сил в противодействии организованной

* Пятаков Андрей Николаевич — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Центра аналитических разработок, Институт Латинской Америки РАН (e-mail: anpyatakov@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-3934-958X).

преступности и в целом растущую милитаризацию общественной безопасности. Эта тенденция к «полициализации» вооруженных сил, с одной стороны, свидетельствует о признании руководством латиноамериканских государств масштабов угрозы, исходящей от ТКГ, но с другой — говорит об их неспособности системно с ней бороться. Автор заключает, что проблема ТОП является нерешаемой в рамках существующей системы общественных отношений в странах ЛАКБ, поскольку коренится в самой природе современной модели глобализации.

Ключевые слова: транснациональная преступность, организованная преступность, Латинская Америка, глобализация, транснациональные корпорации, наркотрафик, картель, международная безопасность, «полициализация» вооруженных сил, государственный суверенитет

Для цитирования: Пятаков А.Н. Транснациональная организованная преступность в странах Латинской Америки: современные тенденции развития и военно-силовые способы противодействия // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2023. Т. 15. № 2. С. 65–93. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-2-65-93.

Andrey N. Pyatakov

**TRANSNATIONAL ORGANIZED CRIME
IN LATIN AMERICA:
CURRENT TRENDS AND PROSPECTS
FOR MILITARY CRIME-FIGHTING OPERATIONS**

*Institute of Latin American Studies,
Russian Academy of Sciences
21/16 Bolshaya Ordynka Str., Moscow, 115035*

Transnational organized crime (TOC) is among the most pressing new challenges to international security due to both its direct economic and social repercussions and the threat it poses to the very institution of the sovereign state. This problem is particularly acute in the countries of Latin America and the Caribbean (LAC), which are marked by exceedingly high rates of TOC activity and influence of cross-border criminal groups. This study identifies current trends in the development of TOC in the region, as well as the approaches of the Latin American countries to combating it. In the first section the author advances a hypothesis that TOC is not an anomaly, but an integral part and an attribute of globalization. From this point of view, cross-border criminal groups may be

perceived as a specific kind of TNCs. The second section considers the key trends and specific features of organized crime development in LAC countries. The author shows that cross-border criminal groups and TNCs share a number of common traits. In particular, their activities contribute to the erosion of national sovereignty as they seek to oust states from their sphere of interests by both legal and illegal means. The third section examines the current approaches of LAC countries to combating cross-border criminal groups. The author emphasizes the growing role of the armed forces in fighting organized crime, and the increasing militarization of public security on the whole. On the one hand, this trend towards the 'policialization' of armed forces shows that the authorities of Latin American states recognize the threat posed by cross-border criminal groups. On the other hand, it indicates their inability to counter this threat effectively. The author concludes that the TOP problem is unsolvable within the existing system of public relations in LAC countries, since it is rooted in the very nature of the current model of globalization.

Keywords: transnational crime, organized crime, Latin America, globalization, transnational corporations, drug trafficking, cartel, international security, militarization of police, state sovereignty

About the author: Andrey N. Pyatakov — PhD (Political Science), Leading Research Fellow at the Center for Analytical Research, Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences (e-mail: anpyatakov@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-3934-958X).

For citation: Pyatakov A.N. 2023. Transnational organized crime in Latin America: Current trends and prospects for military crime-fighting operations. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 15, no. 2, pp. 65–93. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-2-65-93. (In Russ.)

Феномен транснациональной организованной преступности (ТОП) приобрел в XXI в. поистине глобальное измерение, став по объему финансового оборота внутри этой сферы довольно мощным сегментом мировой экономики. По оценкам, за прошедшее десятилетие его емкость выросла более чем вдвое. Так, если в 2009 г. годовой оборот в этом теневом глобальном секторе составлял 870 млрд долл.¹, то к 2021 г. данный показатель увеличился до 2 трлн долл.²

¹ Delincuencia organizada transnacional: la economía ilegal mundializada // Oficina de las Naciones Unidas contra la Droga y el Delito. Available at: <https://www.unodc.org/toc/es/crimes/organized-crime.html> (accessed: 30.06.2023).

² Ruiz-Healy E. La DOT sería la décima economía del mundo si fuera un país // Ruiz-Healy Times. 01.07.2022. Available at: <https://www.eleconomista.com.mx/opinion/>

Помимо возрастания абсолютных количественных показателей произошел рост и относительной доли этого сегмента в мировом ВВП: составляя в 2009 г. 1,5%, к 2021 г. он уже превысил уровень в 2%. Яркой иллюстрацией глобального экономического веса ТОП служит следующий факт. Если бы данный сектор можно было сопоставить с ВВП крупнейших национальных экономик мира, то он занял бы в общемировом рейтинге 10-ю позицию, уступив лишь США (25,3 трлн долл.), Китаю (19,9), Японии (4,9), Германии (4,3), Индии (3,5), Великобритании (3,4), Франции (2,9), Канаде (2,2) и Италии (2,1 трлн долл.) и опередив 207 остальных государств³.

Проблема феномена ТОП является настолько глобальной и угрожающей безопасности мирового сообщества в целом, что поставлена в Повестку дня в области устойчивого развития ООН. Так, пункт 16.4 Целей устойчивого развития сформулирован как консолидация глобальных усилий по минимизации незаконных финансовых потоков и каналов сбыта незаконного оружия, поиску и возврату украденных в ходе реализации коррупционных схем средств и борьбе со всеми формами организованной преступности⁴. Вместе с тем поставленная таким образом задача для адекватного решения требует не только качественных подходов к изучению ТОП, но и ее точного количественного измерения.

Представляется, что для оценки остроты проблемы криминалитета по регионам мира наибольшей релевантностью обладает комплексный Глобальный индекс организованной преступности (таблица). Данный интегральный показатель высчитывается по четырем ключевым параметрам: уровень криминалитета, объем криминальных рынков, степень влиятельности криминальных групп в общественно-политическом пространстве и их институциональная устойчивость. Данные критерии численно варьируют

La-DOT-seria-la-decima-economia-del-mundo-si-fuera-un-pais-20220701-0003.html (accessed: 30.06.2023).

³ Ibidem.

⁴ Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 года, 70/1. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года // Система официальной документации Организации Объединенных Наций. 21.10.2015. Доступ: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/291/92/PDF/N1529192.pdf?OpenElement> (дата обращения: 30.06.2023).

от 1 до 10 (приближение к максимальному значению указывает на негативную тенденцию).

Глобальный индекс организованной преступности по регионам (2020)

Регион	Уровень криминалитета	Объем криминальных рынков	Влиятельность криминальных групп	Устойчивость криминальных групп
Азия	5,30	5,21	5,38	4,46
Африка	5,17	4,94	5,40	3,80
Европа	4,48	4,21	4,76	6,23
Океания	3,07	2,98	3,16	5,46
Западное полушарие	5,06	4,70	5,43	4,83
Северная Америка	4,58	4,48	4,69	6,92
Южная Америка	5,51	5,19	5,82	4,86
Карибский регион	4,05	3,65	4,45	4,96
Центральная Америка	6,16	5,72	6,61	4,05
В среднем по миру	4,87	4,65	5,09	4,82

Составлено автором на основе: Índice global de crimen organizado 2021 // Global Initiative Against Transnational Organized Crime. Available at: <https://ocindex.net/assets/downloads/global-ocindex-report-spanish.pdf> (accessed: 30.06.2023).

Из таблицы видно, что два латиноамериканских субрегиона — Южная Америка и Центральная Америка — демонстрируют значения негативных параметров, приближенные к максимальным и превышающие показатели не только Западного полушария, но и других регионов мира. Такое положение вещей остается константой на протяжении XXI в., что продемонстрировано во множестве отечественных и зарубежных исследований.

Одной из центральных и основополагающих работ по изучению феномена ТОП в отечественной латиноамериканистике остается фундаментальная монография, вышедшая в 2002 г. [Транснациональный наркобизнес..., 2002]. В ней исследованы становление и динамика развития ведущих преступных макроорганизаций (наркосиндикатов, картелей и др.) региона, особенности функционирования транзитных наркосетей не только в масштабе Западного полушария, но и в глобальном измерении. В монографии дано теоретическое обоснование и проведена эмпирическая апробация

понятия «транснациональная наркомафия» как ключевого субъекта данного направления ТОП. Кроме того, в указанной работе впервые в отечественной науке предприняты аналитические усилия по рассмотрению силовых методов профилактики организованной преступности, что особенно важно с точки зрения тематики настоящего исследования. В этой же монографии сформулирован чрезвычайно важный теоретический тезис, лежащий в плоскости осмысления влияния ТОП на процессы эрозии государственного суверенитета: «Живучесть транснациональных преступных организаций в немалой степени связана также с тем, что в своих операциях они полностью игнорируют национальный суверенитет и границы государств, в то время как ведущие с ними борьбу международные и национальные силы обязаны действовать по строгим правилам, устанавливаемым этими атрибутами государственности» [Транснациональный наркобизнес..., 2002: 49].

Продолжением данного исследования в отечественной латиноамериканистике стали труды, изданные под редакцией российского политолога Б.Ф. Мартынова в 2006 и 2014 гг. [Трансграничный терроризм..., 2006; Организованная преступность..., 2014]. В них проблематика латиноамериканского аспекта транснационального наркобизнеса дополнена рассмотрением проблемы трансграничного терроризма. Итоговым комплексным исследованием латиноамериканской ТОП стал коллективный труд ученых Института Латинской Америки РАН, увидевший свет в 2017 г. [Современная организованная преступность..., 2017]. Основные достижения авторов данной работы — более глубокое рассмотрение теоретических аспектов проблематики ТОП, а также освещение на богатом эмпирическом материале страновых особенностей организованной преступности в Латиноамериканском регионе. Феномен ТОП был также основательно изучен в контексте глобальной повестки устойчивого развития [Перспектива устойчивого развития..., 2022]. Помимо этого ряд российских политологов исследовали криминогенную ситуацию и методы борьбы с международным криминалитетом в государствах и субрегионах Латинской Америки, где эта проблема стоит особенно остро [Морозов, 2017; Ивановский, 2019; Колесник, 2019; Манухин, 2020; Земцова, 2021].

Не меньшее внимание изучению данного феномена уделяется в западной политологии. Такая заинтересованность обусловлена крайней остротой и болезненностью проблемы ТОП как для по-

давляющего числа латиноамериканских стран, так и для ведущих государств Запада, прежде всего США. К числу фундаментальных исследований относится монография, изданная под эгидой Центра Вудро Вильсона, в которой представлена широкая панорама национальных ситуаций в регионе (Мексика, Гватемала, Перу, Сальвадор и др.), а также проработаны многие теоретические аспекты, в частности соотношение феномена «марас» и организованной преступности [¿A dónde vamos?..., 2013]. Другие значимые работы — исследования чилийских [Crimen organizado..., 2008], аргентинских [Sain, Games, 2015; Delincuencia económica organizada..., 2016], перуанских [Desafíos y amenazas..., 2022], испанских [Mesa, Moorhouse, 2008; Evaluación de la amenaza..., 2021; García, 2021], колумбийских [Kessler, 2014] политологов. В научной среде ведется активный поиск мер профилактики данной проблемы, а также анализируются действующие и апробированные методы борьбы с организованной преступностью. Особое, если не центральное, место в спектре этих методов занимают силовые подходы с применением вооруженных сил, в связи с чем имеется широкий массив работ, посвященных исследованию данного аспекта [Rodríguez, 2019; La transformación de las fuerzas armadas..., 2019; Diamint, 2020; El papel de las fuerzas armadas..., 2022]. Указанные труды имеют в рамках настоящей статьи первостепенное значение, так как в ее основе лежит гипотеза об усилении роли военных в борьбе с ТОП в Латинской Америке в последние годы.

Методологическую базу настоящего исследования составляет транснациональный подход, согласно которому в процессе глобализации резко возрастают роль и влияние институтов и процессов, оторванных от национальных структур и развивающихся по собственной логике, к числу которых относится ТОП. Такой подход достаточно глубоко проработан и представлен в трудах как западных, так и российских ученых.

ТОП и глобализация: теоретический аспект

В настоящее время проблематика глобализации постепенно выходит из «научной моды», уступая место полномасштабной дискуссии по поводу обратного процесса — деглобализации [Калугина, 2022; Князев, 2022; Низомова, Головина, 2021; Мегатренды мировой политики..., 2019]. Однако, на наш взгляд, еще преждевременно отказываться от категориального аппарата и методологических под-

ходов, разработанных в рамках изучения феномена глобализации в первые два десятилетия XXI в. Данный фундаментальный процесс отнюдь не носит поступательного и детерминированно линейного характера, но, как и всякий общественный процесс, разворачивается с откатами и регрессивными фазами. В некотором роде можно говорить, что деглобализация (или фрагментация) представляет собой отрицательную фазу самой глобализации, но не собственно противоположный ей процесс⁵. Деглобализация не ведет к эрозии и ослаблению доминантных позиций основных субъектов глобализации — транснациональных корпораций (ТНК) и банков (ТНБ), но фиксирует процесс нового блокообразования (фрагментации системы международных отношений) на уровне более «низком», чем транснациональный, — национальных государств или их новых объединений.

С нашей точки зрения, ТНК и другие транснациональные институты приобрели статус органического атрибута современного мира, выкристаллизовавшись в ходе поступательного движения к глобализации важнейших элементов мировой экономики. Причем ТНК обладают колоссальной адаптивностью, реагируя на деглобализацию как на раздражающий фактор, вызывающий мощную «иммунную» реакцию. Эмпирическая и фактологическая конкретизация данных тезисов выходит за рамки задач настоящей статьи и может в будущем составить предмет самостоятельного исследования.

Однако глобализация не ограничивается сугубо финансово-экономической плоскостью. Универсальный и атрибутивный феномен транснациональности находит воплощение не только в ТНК и ТНБ как субъектах легальной экономической деятельности. Уже на протяжении десятилетий существует и активно развивается теневой сектор мировой экономики, описываемый категорией «транснациональная организованная преступность». С этой точки зрения субъекты ТОП (кланы, группировки, мультинациональные банды) выступают как своеобразная разновидность традиционных ТНК, обладающая рядом специфических, уникальных черт. В этом плане

⁵Выходя за рамки тематики статьи, скажем, что, собственно, противоположным процессу глобализации стал бы процесс глобальной универсализации, в котором процессы объединения и интеграции носили бы органический и прогрессивный характер, а не преимущественно механический, как это происходит в рамках глобализации.

представляется целесообразным оперирование понятием «транснациональные криминальные группировки» (ТКГ) как *alter ego* ТНК.

Следует отметить, что устоявшимся и достаточно распространенным мнением является оценка феномена ТОП как девиантного и аномального в рамках поступательного и в конечном счете прогрессивного движения процесса глобализации⁶. Типичным примером может служить высказывание перуанского политолога В.С. Льерена в статье под названием «Организованная преступность как криминальное явление глобализации»: «Глобализация принесла с собой массу возможностей в различных областях (политической, экономической, социальной и культурной), которые позволяют развивать общество и человечество. Она привела к развитию легальных рынков в интересах человечества, но также и к возникновению и расширению незаконных рынков в ущерб человечеству»⁷.

На наш взгляд, те формы, в которых в конце XX — первой четверти XXI в. разворачивался процесс глобализации, обусловили органичный и даже атрибутивный статус ТОП в рамках глобализационных процессов. Неслучайно в научных работах нередко можно встретить такое словосочетание, как «глобализация наркотрафика» [Santana, 1999], активно используемое и в современных исследованиях [Kessler, 2014: 60]. С нашей точки зрения, в той степени, в которой обусловлена и сформирована атрибутивность транснационального масштаба финансово-экономических глобальных взаимосвязей, определяется и атрибутивный характер транснациональности феномена преступности.

Другой весьма важный аспект, связанный с корреляцией между ТОП и глобализацией, лежит в плоскости процессов эрозии государственного суверенитета под влиянием растущего доминирования ТНК и ТНБ. Если исходить из идеи, что ТКГ являются своеобразным аналогом и параллельным феноменом ТНК, то из этого тезиса вытекает следующее обстоятельство. Как ТНК играют роль мощного фактора эрозии контролирующего влияния государств, так и ТКГ выступают субъектами, придающими данному процессу дополни-

⁶ Workshop on transnational organized crime // Inter-American Defence College. Available at: <https://iadc.edu/espanol-taller-sobre-crimen-transnacional-organizado/> (accessed: 30.06.2023).

⁷ Llerena V.R.S. La criminalidad organizada: un fenómeno delictivo de la globalización // *Passión por el Derecho*. 01.06.2022. Available at: <https://lpderecho.pe/criminalidad-organizada-fenomeno-delictivo-de-la-globalizacion/> (accessed: 30.06.2023).

тельную динамику, но уже с другой, нелегальной стороны. Институциональным инструментом обеспечения и одновременно воплощением снижения роли государств относительно экономических субъектов глобализации (ТНК) выступают такие механизмы, как свободные экономические зоны, зоны свободной торговли и офшоры. Данные международные инструменты являются одновременно и средством, и результатом эрозии суверенитета национальных государств. Схожий эффект оказывает и деятельность ТКГ, однако в их случае имеет место не столько осознанное инструментальное использование специальных механизмов, сколько стихийное следствие их активности. Специфическим и условным аналогом «зон свободы» транснациональных экономических институтов для ТКГ выступают так называемые серые зоны — понятие, широко используемое в политологии для обозначения территорий с повышенной конфликтностью, не контролируемых государством [Buelvas, 2019]. Очевидно, что «свободные экономические зоны» ТНК и «серые зоны», сформированные ТКГ, различны по социальной природе и внешнему геополитическому «антуражу», однако, на наш взгляд, их конечная функциональность идентична и состоит в максимальной исключенности государственной регуляции в этих зонах. Безусловно, ТКГ не являются единственным фактором формирования подобных образований, однако входят в число наиболее значимых.

Латинская Америка и транснациональная преступность

В Латиноамериканском регионе наблюдается ситуация, которую можно охарактеризовать как «парадокс безопасности». Он состоит в том, что на внешнем профиле Латинская Америка позиционируется как самый мирный регион с минимальным количеством вооруженных конфликтов (колумбийская герилья является исключением, и в последние годы мирные переговоры заметно снизили ее интенсивность). При этом внутренняя ситуация в этой части света с точки зрения безопасности характеризуется крайней остротой и выражается в высоких показателях уровня насилия. На данное противоречие указывается во многих исследованиях [América Latina..., 2022: 123], но, на наш взгляд, его можно концептуализировать в форме обозначенного парадокса.

Для иллюстрации регионального уровня насилия можно привести следующие факты. В 2020 г. из 436,9 тыс. насильственных смертей в мире более трети — 160,8 тыс. — пришлось на Латинскую

Америку. В десятку мировых «лидеров» по показателю смертей по причине насилия на 100 тыс. человек входят девять латиноамериканских государств, в частности Ямайка (44,68), Тринидад и Тобаго (38,57), Сальвадор (37,16), Гондурас (36,33), Мексика (28,73), Белиз (25,65), Гватемала (26,04), Колумбия (26,64) и Бразилия (20,86)⁸. Данный список не является константой и подвержен флуктуациям. Так, по данным InSight Crime, в 2022 г. в десятку вошел Эквадор с показателем 25,9 смертей по причине насилия на 100 тыс. человек, а возглавила список Венесуэла с уровнем 40,4⁹. Однако по-прежнему Латинская Америка остается регионом мира, где проблема насилия стоит наиболее остро.

Определяющий вклад в обострение латиноамериканского «парадокса безопасности» вносит фактор транснациональной преступности. Будучи негативным фактором общественной безопасности, ТОП имеет в региональной экономике огромный вес, представляя собой влиятельный деструктивный сектор. Так, по последним оценкам, общий оборот финансовых средств в этом сегменте колеблется в диапазоне от 114,5 до 170,4 млрд долл. [Democracy and security in Latin America..., 2023: 75] и в целом сопоставим с товарооборотом между южноамериканским гигантом — Бразилией — и Китаем, составившим в 2022 г. 150 млрд долл.¹⁰

Далее будет проведен обзор ТКГ в Латинской Америке в целях иллюстрации и доказательства их транснациональности. Следует подчеркнуть, что в современной западной политологии (и в латиноамериканской в частности) данный подход, согласно которому ТКГ являются криминально-теневой разновидностью ТНК, уже активно развивается, что, например, выражается в широком использовании термина «транснациональные банды». Так, мексиканский политолог

⁸ ¿Qué países tienen las tasas de homicidios más altas del mundo? El Salvador, entre los que encabezan la lista // CNN. 18.05.2022. Available at: <https://cnnespanol.cnn.com/2022/05/18/paises-tasas-homicidios-altas-mundo-salvador-encabezan-la-lista-orix/> (accessed: 30.06.2023).

⁹ Colchen G. InSight Crime: América Latina y el Caribe vivieron un récord de homicidios en 2022 // France 24. 09.02.2023. Available at: <https://www.france24.com/es/america-latina/20230209-america-latina-y-el-caribe-vivieron-un-record-de-homicidios-en-2022> (accessed: 30.06.2023).

¹⁰ Brasil assina mais de 20 acordos de cooperação em missão empresarial em Pequim // ApexBrasil. 29.03.2023. Available at: <https://apexbrasil.com.br/br/pt/conteudo/noticias/brasil-assina-20-acordos-de-cooperacao-em-missao-empresarial-em-.html> (accessed: 30.06.2023).

Э.А. Гонсалес отмечает: «Транснациональные банды стали предметом общей озабоченности в Центральной Америке, Мексике и даже в США в связи с серьезными социальными последствиями с точки зрения насилия и преступности, вызванными их развитием, а также в связи с жесткими репрессивными мерами, которые правительства стран региона принимают, чтобы минимизировать эти последствия» [González, 2015: 150]. Достаточно укоренился и подход, состоящий в сравнительном анализе транснациональных легальных и криминальных организаций: «...криминальные организации действуют в международном масштабе в той же степени, как и транснациональные корпорации, могут быть связаны с ними и даже составлять им конкуренцию в специфических нишах глобального рынка» [Mesa, Moorhouse, 2008: 11].

В центральноамериканской политологии уже давно и широко применяется термин «марас» (активно используемый также в обиходе, журналистике и публицистике). Происхождение данного слова сугубо региональное: его этимология восходит к названию специфической для Центральной Америки разновидности крайне агрессивных красных муравьев. Под «марас» понимаются именно криминальные группировки, обладающие международным ареалом деятельности. Характерно описание эволюции данного явления, предложенное И. Ортисом, который рассматривает «марас» как полноценного субъекта международных отношений в регионе: «Транснационализация этого нового международного субъекта, возможно, самого известного типа центральноамериканских криминальных групп, происходила в контексте функционирования хрупких демократий со слабыми государственными институтами, которые способствовали быстрому росту таких групп в 1990-е годы. Существует множество факторов, характеризующих это явление, в том числе: постепенное усложнение его структуры, распространение на все государства Центральной Америки, Мексику и США, где проживает большая часть членов банд, особенно лидеров» [Vila, 2012: 2]. Таким образом, атрибут транснациональности уже стал устоявшимся и общим местом в научно-теоретическом осмыслении современных криминальных группировок в Латинской Америке.

По оценкам организации «Программа содействия борьбе с организованной транснациональной преступностью» (Programa de Asistencia Contra el Crimen Trasnacional Organizado, PACCTO), феномен ТОП наиболее выраженно представлен в восьми латино-

американских государствах: Мексике, Колумбии, Боливии, Чили, Коста-Рике, Сальвадоре, Эквадоре и Панаме. В этих странах сконцентрированы 436 наиболее влиятельных криминальных группировок¹¹. Они имеют различные статусы: картели, банды, семейные кланы, преступные группировки и пр. Их специализация носит разноректорный характер: 147 субъектов связаны с наркотрафиком, 102 — с экономическими преступлениями против собственности (например, кража и легализация похищенного автотранспорта), 108 — с кражами со взломом и организованными кражами; 98 — с убийствами, вымогательством и торговлей людьми; 5 — с киберпреступностью и 3 — с экологическими преступлениями. Кроме того, их деятельность транснациональна по масштабу. Так, 212 организаций функционируют в пределах Южной Америки, 104 — в Североамериканском регионе, 32 — в Центральной Америке, 60 ассоциированы с европейским криминалитетом, 50 — с азиатским и 4 — с группировками из Океании. Совокупный численный состав латиноамериканских ТКГ представляет собой дискуссионный вопрос. Однако известно, что только в так называемом Северном треугольнике (Сальвадор, Гондурас, Гватемала), где наблюдается наибольшая концентрация криминальных групп, численность банд доходит до 100 тыс. человек [Carbonell, 2021: 47]. В целом в Латинской Америке данный количественный показатель может колебаться как минимум в диапазоне 150–200 тыс. человек.

В настоящее время наиболее известными и влиятельными транснациональными структурами в регионе являются следующие картели: в Мексике — «Синалоа» (Cartel de Sinaloa), «Гольфо» (Cartel de Golfo), «Ло-Чолос» (Lo Cholos), «Новое поколение Халиско» (Cartel de Jalisco Nueva Generación), «Лос-Зетас» (Los Zetas); в Бразилии — «Первая столичная команда» (Primeiro Comando da Capital, PCC), «Красная команда» (Comando Rojo); в Гватемале — «Сумасшедшие парни» (Los Batos Locos); в Гондурасе — «Мау-Мау» (La Mau Mau), «Рокеры» (Los Rockeros); в Никарагуа — «Никас» (Nicás), «Чарли» (Los Charly); в Сальвадоре — «Мара Сальватруча» (Mara Salvatrucha, MS-13), «Квартал-18» (Barrio-18), «Машина» (La Máquina), «Тексис» (Cartel de Taxis). Данные ТКГ с каждым годом приобретают всё

¹¹ Réyez J. Siete países de América Latina concentran 436 grupos criminales // Contralínea. 12.03.2022. Available at: <https://contralinea.com.mx/interno/semana/siete-paises-de-america-latina-concentran-436-grupos-criminales/> (accessed: 30.06.2023).

большее экономическое и даже политическое влияние. Если в XX в. бандформирования преимущественно представляли собой разрозненные группировки контрабандистов, перевозивших наркотики, или криминальных элементов, занимавшихся иной преступной деятельностью, то к настоящему моменту они фактически функционируют в формате «государства в государстве». Они располагают собственными армиями, подконтрольными территориями, аналогами внутреннего законодательства, имеют четкую организационную структуру и т.д.

У данного типа транснациональных банд можно зафиксировать целый ряд черт, который соотносит их с ТНК и придает им сходство с последними.

Во-первых, у каждой криминальной группировки есть четко продуманная «корпоративная культура», отличающая одну ТКГ от другой. Помимо фиксированной внешней атрибутики (татуировки, символы, уникальная униформа, особые приветственные жесты и даже невербальный язык — граффити), призванной обеспечить лояльность и подчеркнуть идентичность, ТКГ имеют свой, иногда даже писанный кодекс поведения. Речь идет о зачатках определенной идеологии, призванной пропагандировать идеи того или иного картеля в целях рекрутировать в его ряды наибольшее количество сторонников. При этом нередко для популяризации и расширения доступности своего «мировидения» ТКГ инкорпорируют в свою субкультуру элементы традиционной национальной культуры. Так, быстрый рост численности сальвадорских банд «Мара Сальватруча» и «Квартал-18» во многом обусловлен тем, что они включили в свою практику традиционные обряды инициации, широко используемые в стране в повседневной жизни¹².

Во-вторых, нарастает интенция к максимальной диверсификации своей деятельности. Ни одна ТКГ не специализируется исключительно на одной сфере нелегальной деятельности, но стремится максимально разнообразить свою активность. Например, мексиканский картель «Лос-Зетас», обычно ассоциируемый с наркоторговлей, практикует также похищение нефти, вымогательства, работоторговлю, киднеппинг, нелегальную разработку полезных ископаемых [García,

¹² McDermott J. GameChangers 2019: Los 10 principales grupos criminales de Latinoamérica // InSight Crime. 22.01.2020. Available at: <https://es.insightcrime.org/noticias/analisis/gamechangers-2019-los-10-principales-grupos-criminales-de-latinoamerica/> (accessed: 30.06.2023).

2021]. Чилийские политологи С. Каньяс и Ж. Ривера отмечают по этому поводу: «Транснациональные преступные организации, действующие в рамках международных преступных сетей, охватывают широкий круг видов деятельности, включая обширный перечень преступлений, экономических по своему характеру. Тенденция к диверсификации и взаимосвязи между криминальными рынками проистекает из стремления максимизировать получаемую прибыль» [Cañas, Rivera, 2017: 156].

В-третьих, между ТКГ, как и между ТНК, регулярно происходят процессы, которые в традиционной экономике принято называть «слияния и поглощения». Практика создания временных тактических или долгосрочных стратегических альянсов — обычное дело для крупных транснациональных банд. В наибольшей степени распространена вертикальная, а не горизонтальная интеграция: наиболее крупные ТКГ поглощают и включают в свой состав мелкие и средние банды. По такому принципу сформировались большинство ныне действующих в регионе транснациональных группировок. Одновременно в деятельности ТКГ, как и ТНК, ярко выражена тенденция к монополизации. Так, картели «Синалоа» и «Лос-Зетас» выступают в роли ключевого тандема на мексиканском преступном «рынке» и своего рода «полюса силы», с которым соотносят себя остальные локальные группировки.

В-четвертых, наблюдается схожесть в логике построения организационной структуры как ТКГ, так и ТНК. Оба типа организаций выстраиваются по «материнско-дочернему» принципу: головные офисы (или в случае ТКГ — клановое ядро) базируются в стране происхождения, а на зарубежной периферии функционируют дочерние филиалы. Наиболее ярким примером служит мексиканский картель «Синалоа» — пожалуй, один из самых транснационализированных в Латинской Америке. Его клановое ядро располагается в приграничных с США мексиканских штатах, а зарубежные подразделения функционируют в 54 странах мира¹³.

В-пятых, оба типа транснациональных структур обладают большим потенциалом продвижения своих интересов на легальном государственном уровне. Как ТНК располагают значительным

¹³ Gómora D. The Sinaloa Cartel has a global empire // El Universal. 20.01.2016. Available at: <https://www.eluniversal.com.mx/articulo/english/2016/01/20/sinaloa-cartel-has-global-empire/> (accessed: 30.06.2023).

лоббистским аппаратом в государственных аппаратах стран своего местоположения и влияния (где находятся дочерние филиалы), так и ТКГ обладают разветвленным инструментарием для обеспечения «легального прикрытия» своей деятельности. Помимо вовлечения в орбиту своих интересов путем коррупционных схем и ТНК, и ТКГ имеют каналы влияния на общественное сознание посредством сотрудничества со СМИ. Показательным примером является деятельность сальвадорской ТКГ «Тексис». В 2011 г. было проведено специальное журналистское расследование, которое выявило большой реализованный потенциал внедрения картеля в государственные структуры (от начальников местных отделений полиции до сотрудников спецслужб), а также систематическое проведение информационных кампаний по популяризации самого картеля с участием сети журналистов и лидеров общественного мнения [¿A dónde vamos?... 2013: 245]. Представляется, что данный прецедент — не исключение, но скорее иллюстрация общей практики аффилиации криминальных и государственных структур в Латинской Америке.

Таким образом, можно констатировать, что сеть транснациональных криминальных организаций имеет достаточно разветвленную структуру и обладает большим потенциалом для распространения своего влияния, что наносит серьезный ущерб общественной и национальной безопасности стран региона. Негативные эффекты деятельности латиноамериканских ТКГ не сводятся только к общественным травмам в виде уличного насилия и жертв со стороны гражданского населения, но также включают эрозию государственных структур. Данные последствия находятся в фокусе пристального внимания правительств, которые в большинстве случаев отдают предпочтение силовым ответам на вызовы ТОП.

Вооруженные силы как инструмент противодействия ТОП

Деструктивная деятельность ТКГ в Латинской Америке входит в число «новых угроз» в рамках концепций внутренней безопасности во многих странах региона. Нередко внутренняя ситуация и общественная атмосфера, создаваемая транснациональными бандами, описываются в таких терминах, как «внутренняя война» или «война с наркотрафиком» [La guerra interna..., 2018]. Деятельность ТКГ органично и вполне предсказуемо сопряжена с распространением, циркуляцией и использованием нелегального оружия. Так, в Центральной Америке насчитывается 1,5 млн огнестрельных

единиц, из которых официально зарегистрирована только треть [América Latina..., 2016: 100]. Наиболее высокие показатели владения нелегальным оружием демонстрирует Бразилия (17,5 млн ед.), далее следуют Мексика (16,8), Венесуэла (5,8) и Колумбия (4,9 млн ед.)¹⁴. В связи с этим нередко борьба с наркотрафиком приобретает целевой характер противодействия незаконному обороту оружия.

Такая постановка вопроса диктует в латиноамериканских государствах императив выработки жестких силовых методов борьбы с оргпреступностью, зачастую с использованием военного потенциала национальных вооруженных сил. Поскольку проблема транснациональной преступности в регионе системная и комплексная, ответы на эти вызовы носят симметричный характер. В настоящее время разворачивается мощная исследовательская активность вокруг изучения ремилитаризации латиноамериканских обществ в целом и последовательной милитаризации общественной безопасности, происходящих в контексте борьбы с криминалитетом¹⁵.

В Латинской Америке как одном из самых мирных регионов на планете складывается ситуация, при которой диапазон внешнего использования вооруженных сил крайне ограничен и минимален (в основном это миротворческие миссии ООН), а основной сферой приложения усилий является стабилизация внутренней ситуации. Так, по оценкам Сети по изучению проблем безопасности в Латинской Америке (Red de Seguridad y Defensa de América Latina, RESDAL), по состоянию на 2014 г. до 94%¹⁶ регулярной активности латиноамериканских военных было связано с обеспечением функций безопасности. В период 2014–2023 гг. аналогичных исследований не проводилось, но на волне значительного повышения общественно-политической роли военных в последнее время (особенно в свете пандемии COVID-19) представляется, что данный показатель су-

¹⁴ García Reyes K.G. América Latina: De la guerra contra las drogas a la guerra contra las armas // The Conversation. 01.06.2021. Available at: <https://theconversation.com/america-latina-de-la-guerra-contra-las-drogas-a-la-guerra-contra-las-armas-161908> (accessed: 30.06.2023).

¹⁵ Ramalho A.J., Diamint R., Sánchez L. La militarización de la seguridad y el regreso de los militares a la política en América Latina // Friedrich Ebert Stiftung. Marzo 2020. Available at: <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/la-seguridad/16106.pdf> (accessed: 30.06.2023).

¹⁶ Marcela D. Atlas comparativo de la defensa en América Latina y Caribe. Buenos Aires: RESDAL, 2014. Available at: <https://www.resdal.org/assets/atlas-2014-completo.pdf> (accessed: 30.06.2023).

щественно не изменился на общерегиональном уровне. В число сфер активности вооруженных сил, связанных с профилактикой криминалитета и противодействием оргпреступности, входит выполнение следующих задач: борьба с наркотрафиком, патрулирование городских улиц, проведение силовых операций по умиротворению в зонах, где насильственные действия картелей достигают максимума, обеспечение безопасности крупных массовых мероприятий (например, Олимпиады в Бразилии в 2016 г.), выполнение охранных функций в учреждениях национальных пенитенциарных систем, пограничный контроль в целях профилактики трансграничной преступности и курсирования преступных групп. Если рассматривать общерегиональную тенденцию, то налицо следующая закономерность: по мере продвижения с Юга на Север Латинской Америки от страны к стране происходит своеобразное усиление силового и репрессивного компонентов профилактики и борьбы с преступностью. Можно выделить два географических «полюса»: более мягкие и институционально обоснованные методы применяются в странах Южного конуса (Бразилия, Чили, Аргентина, Уругвай), а явное доминирование жестких силовых мер имеет место в странах Северного треугольника (Гондурас, Сальвадор, Гватемала).

Актуальным примером институционального подхода выступает Чили. В июне 2023 г. Сенат одобрил проект создания Министерства государственной безопасности путем передачи ему части функций и ресурсов Министерства внутренних дел. Данное решение оправдано усугубляющейся с каждым годом криминогенной ситуацией в стране. В компетенцию нового государственного органа будут входить исключительно вопросы борьбы с организованной преступностью, включая транснациональный компонент. Проект также предполагает активное участие в деятельности нового силового министерства представителей вооруженных сил и полиции¹⁷.

Примером противоположного и набирающего популярность в Центральной Америке радикально-силового подхода является практика борьбы с оргпреступностью в Сальвадоре. С 2021 г. там нынешним президентом Н. Букеле объявлена и ведется настоящая

¹⁷ Avanza proyecto que crea nuevo Ministerio de Seguridad Pública en Chile para combatir el crimen organizado y delincuencia // Iberoamérica Central de Noticias. 20.06.2023. Available at: <https://www.icndiario.com/2023/06/avanza-proyecto-que-crea-nuevo-ministerio-de-seguridad-publica-en-chile-para-combatir-el-crimen-organizado-y-delincuencia/> (accessed: 30.06.2023).

война с криминалитетом. В том же году парламент принял поправки к уголовному кодексу, которые позволили наказывать СМИ за распространение информации, связанной с бандами. Стали нормой и аресты за нанесение граффити с логотипами криминальных групп и их символикой. Больше года в стране действовал режим чрезвычайного положения (с марта 2022 г. до середины 2023 г.), в обеспечении которого принимали участие все силовые структуры, включая вооруженные силы. Лояльный Н. Букеле Конгресс неоднократно его продлевал под давлением президента. По оценкам за 2022–2023 гг., число арестованных составило 69 тыс. человек (1% населения Сальвадора)¹⁸. При этом более половины арестов международные правозащитные организации считают неправомерными. Режим содержания арестованных до суда крайне жесткий: под стражей они могут провести от 1 до 2 лет, если же есть отягчающие обстоятельства — до 4 лет. Для решения этих задач в стране ведется полномасштабное строительство мегатюрем, в которых можно содержать более 10 тыс. заключенных одновременно. Данный опыт развития пенитенциарной системы пытаются перенять в соседнем Гондурасе.

Заметной тенденцией в странах Латинской Америки в последние годы стало расширение функций вооруженных сил по обеспечению общественного порядка, хотя в той или иной степени эта особенность проявлялась и раньше. В современной латиноамериканской политологии широко используется термин «полициализация вооруженных сил», под которым имеется в виду передача военным ряда традиционных функций полиции по охране внутреннего порядка. Такое положение вещей обусловлено как самой природой латиноамериканских военных институтов, исторически в большей степени ориентированных на решение внутриполитических задач, так и тем, что этот процесс активно стимулируется извне, в частности Соединенными Штатами, которые обладают немалым влиянием на военный сектор в этом регионе. По этому поводу аргентинский политолог Д. Родригес отметил: «Милитаризация общественной безопасности и борьба с организованной преступностью в Латинской Америке, или, другими словами, возложение полицейских функций на вооруженные силы должны рассматриваться с учетом как собственного

¹⁸ Beatón L. El Salvador y sus cuatro años con Bukele // Prensa Latina. 31.05.2023. Available at: <https://www.elpais.cr/2023/05/31/el-salvador-y-sus-cuatro-anos-con-bukele/> (accessed: 30.06.2023).

опыта и политики, которую в этой области продвигают государства региона, так и фактора Соединенных Штатов, систематично стимулирующих вооруженные силы Латинской Америки к выполнению полицейских функций» [Rodríguez, 2019: 150].

Наиболее типичная для региона практика применения вооруженных сил в борьбе с ТОП наблюдается в Мексике и Гондурасе, где данная проблема стоит наиболее остро. В связи с этим целесообразно сравнить их опыт. Обе страны идут по пути создания подчиненных Министерством обороны специальных милитаризованных структур, предназначенных для борьбы с оргпреступностью. Данные структуры находятся в «промежуточной зоне» между традиционной полицией и вооруженными силами, но по своей природе всё-таки в большей степени коррелируют со вторым институтом. Так, в Мексике в 2015 г. путем существенного сокращения федеральной полиции была создана военизированная полиция, которая с каждым годом приобретает всё большее влияние в решении вопросов, связанных с общественной безопасностью [El papel de las fuerzas armadas..., 2022: 149]. Спустя 4 года эта тенденция была только усилена путем создания нового мощного военизированного «плеча» Министерства обороны, которое в Мексике называется Секретариат национальной обороны (Secretaría de la Defensa Nacional, SEDENA). В 2019 г. была создана Национальная гвардия, в функции которой входили профилактика насилия и борьба с криминалитетом. Процесс ее формирования сопровождался конституционной реформой, закрепившей новый институт в Основном законе. Нацгвардия уже не дополнила сокращаемую федеральную полицию (как военизированная полиция), но полностью заменила ее. В 2022 г. Конгресс одобрил предложение президента об изменении статуса Национальной гвардии, в результате чего она стала структурным элементом армии¹⁹. К середине 2022 г. ее численность составляла 118 тыс. человек, однако к концу 2023 г. правительство намеревается увеличить этот показатель до 128 тыс.²⁰ Результаты деятельности данного

¹⁹ Pérez D.M. Morena consume la entrega de la Guardia Nacional al Ejército // El País. 09.09.2022. Available at: <https://elpais.com/mexico/2022-09-09/morena-consuma-la-entrega-de-la-guardia-nacional-al-ejercito.html#?rel=mas> (accessed: 30.06.2023).

²⁰ Guardia Nacional alcanza un estado de fuerza de más de 118 mil elementos // Gobierno de México. 23.05.2022. Available at: <https://www.gob.mx/guardianacional/prensa/guardia-nacional-alcanza-un-estado-de-fuerza-de-mas-de-118-mil-elementos?idiom=es> (accessed: 30.06.2023).

силового института пока далеки от изначально намеченных планов по превращению его в эффективный инструмент в борьбе с оргпреступностью. Так, несмотря на то обстоятельство, что ее численность втрое превосходит ее предшественника — федеральную полицию, Национальная гвардия демонстрирует весьма скромные показатели своей деятельности. Так, если к середине 2022 г. ее силами было осуществлено 8 тыс. арестов преступников и членов бандформирований, включая транснациональные, то полицейская структура в последний год своего функционирования произвела 21,7 тыс. арестов²¹. Основная причина столь большого разрыва состоит в слабости разведывательных подразделений Национальной гвардии (только 14 арестов осуществлено при помощи разведки). Главный же упор сделан не на профилактику насилия, а на проведение силовых спецопераций, направленных против криминалитета. Для этого в рамках Нацгвардии создан боевой отряд — Силы специального реагирования и вмешательства (Fuerza Especial de Reacción e Intervención), представляющий собой элиту этого института²².

Гондурас во многом стал предшественником мексиканской стратегии борьбы с оргпреступностью. Еще в 2013 г. указом президента была образована Военизированная полиция по обеспечению правопорядка (Policía Militar del Orden Público, РМОП). В 2018 г. параллельно с ней власти создали военизированное Подразделение по противодействию марас и бандам (Fuerza Nacional Anti Maras y Pandillas, FNAMP). Получив специальные полномочия, новая силовая структура стала систематически жестко расправляться с криминальными элементами, вследствие чего их активность была существенно снижена. Как и в Мексике, данные структуры представляют собой подразделения вооруженных сил и находятся в подчинении у Главного штаба командования ВС.

Безопасность на улицах городов в современном Гондурасе обеспечивается подразделениями РМОП, а силовые операции против криминалитета находятся в компетенции FNAMP. Более того, указанная тенденция по усилению силовых структур может получить

²¹ Abi-Habib M., Lopez O. AMLO prometió ‘abrazos no balazos’, pero la violencia continúa // The New York Times. 21.09.2022. Available at: <https://www.nytimes.com/es/2022/08/31/espanol/mexico-violencia-amlo.html> (accessed: 30.06.2023).

²² Medellín J.A. La Guardia Nacional de México crea su primera unidad de élite para operaciones especiales // Defensa.com. 18.08.2022. Available at: <https://www.defensa.com/mexico/guardia-nacional-mexico-crea-primera-unidad-elite-para> (accessed: 30.06.2023).

дальнейшее развитие. Так, пришедшая к власти в 2021 г. партия LIBRE во главе с С. Кастро еще до выборов обещала создать новое силовое подразделение, акцентируя внимание на его сугубо общественной природе. Речь идет о так называемой общинной полиции, призванной стать, по замыслу президента, общественным дополнением указанных выше структур. Создание данного силового инструмента значилось 29-м пунктом в списке предвыборных обещаний. Пока неясны полномочия и правовая функциональность нового элемента, создаваемого для осуществления превентивных, а не карательных функций, на что делался акцент при предыдущей администрации.

Обычной практикой в Гондурасе, как и в соседнем Сальвадоре, становится введение чрезвычайного положения в целях борьбы с преступностью. В апреле 2022 г. новая власть была вынуждена ввести этот режим в департаменте Колон в связи с убийством бандами трех полицейских. В полный рост с проблемой преступности правительство столкнулось в конце 2022 г. 24 ноября С. Кастро публично объявила о введении чрезвычайного положения для борьбы с криминалитетом в связи с массовым обращением граждан с жалобами на систематическое похищение людей в целях вымогательства. Эта криминальная практика превратилась в стране в целую «индустрию» с годовым оборотом в 737 млн долл. (3% ВВП, или 14,7% общей суммы налогового сбора)²³. Жертвами банд стали 206 тыс. семей (9% общего числа). Полиция разработала «Комплексный план по борьбе с вымогательством и связанными с ним преступлениями», который среди прочего включал создание шести региональных штабов с предоставлением им усиленного полицейского контингента и дополнительных бюджетов.

В рамках режима чрезвычайного положения был усилен контроль на границах, который обеспечивается РМОР и другими силовыми структурами. В наиболее криминализированных районах было введено ограничение ряда конституционных свобод (передвижения, собрания). Всего в обеспечении данных мер участвовали 19,5 тыс.

²³ Estado de excepción en Honduras: ¿qué se permite y qué no? // La Prensa. 24.11.2022. Available at: <https://www.laprensa.hn/honduras/hondurase-estado-excepcion-xiomara-castro-que-se-permite-que-no-garantias-constitucionales-MI11087193> (accessed: 30.06.2023).

силовики. В планы властей входит дополнительно увеличить ряды военизированной полиции на 20 тыс. человек²⁴.

Первоначально чрезвычайное положение вводилось на неопределенный срок, но 6 января 2023 г. было объявлено о его сохранении до 20 февраля 2023 г. Чрезвычайный режим охватил 16 департаментов и 74 муниципалитета, включая федеральный округ и столицу. В течение месяца было арестовано около 1000 человек, включая представителей руководящего состава таких известных банд, как «Иллюминати», «Лос-Пуэблос», «Мара Сальватруча» и «Банда 18». Силловые структуры отметили резкое сокращение жалоб от населения на вымогательство, но это может быть и результатом опасения мести со стороны банд.

Описанные две стратегии борьбы с оргпреступностью типичны для Центральной Америки, где проблема криминалитета носит наиболее острый характер. Следуя общей тенденции, на создание спецподразделений среди южноамериканских стран пошла также Венесуэла. Элементы данной тактики присутствуют и в Бразилии, где для проведения силовых операций в фавелах власти прибегают к помощи военизированной полиции и вооруженных сил. Данная тактика в основном направлена на деморализацию криминальных элементов, арест или ликвидацию наиболее опасных их представителей и т.д., но внести решающий вклад в искоренение ТОП она не может, поскольку комплексная проблема требует системных, а не только силовых ответов.

* * *

Проведенный анализ показал, что Латинская Америка — тот регион мира, где негативные последствия транснациональной преступности проявляются с наибольшей силой. Там функционирует целая сеть разветвленных ТКГ, которые действуют фактически в формате транснациональных корпораций. Их деятельность, а также активность аффилированных с ними мелких и средних группировок выступают одним из главных вызовов общественной безопасности стран региона. Под их влиянием на общество, а также на государственный аппарат происходит эрозия суверенитета ряда

²⁴ Quezada J. Amplían el estado de excepción en Honduras hasta el 20 de febrero // El Herald. 06.01.2023. Available at: <https://www.elheraldo.hn/honduras/extienden-estado-excepcion-hasta-el-20-de-febrero-secretaria-seguridad-honduras-BD11650890> (accessed: 30.06.2023).

стран, что выражается в наличии «серых зон», неподконтрольных правительствам. Эти факторы обуславливают почти безальтернативный выбор со стороны властей в пользу силовых методов борьбы с организованной преступностью. Однако практика показывает, что силовые сценарии помогают лишь отчасти решить эту системную проблему и приносят паллиативный, но не долгосрочный эффект. Представляется, что проблема ТОП является нерешаемой в рамках существующей системы общественных отношений в странах Латинской Америки, поскольку носит не девиантный, а атрибутивный характер в рамках современной модели глобализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Земцова С.И. Транснациональная наркопреступность в Центральной Америке: теоретические аспекты // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2021. № 3 (59). С. 28–34.
2. Ивановский З.В. Латинская Америка в новом тысячелетии: социальная панорама и динамика политических процессов (часть 1) // Латинская Америка. 2019. № 7. С. 30–39. DOI: 10.31857/S0044748X0005395-3.
3. Калугина Т.Н. Внешняя политика и деглобализация // Вестник МГИМО-Университета. 2022. Т. 15. № 2. С. 218–225. DOI: 10.24833/2071-8160-2022-2-83-218-225.
4. Князев Ю.К. Деглобализация: временно или навсегда? // Свободная мысль. 2022. № 1 (1691). С. 35–42.
5. Колесник А.С. Транснациональная организованная преступность как угроза безопасности государств Латинской Америки // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. 2019. № 2 (28). С. 210–216.
6. Манухин А.А. Подход США к сотрудничеству с Колумбией и Мексикой в деле противодействия наркотрафику // Латинская Америка. 2020. № 12. С. 6–25. DOI: 10.31857/S0044748X0012274-0.
7. Мегатренды мировой политики и их развитие в XXI веке: Учебное пособие для студентов вузов / Под ред. М.М. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2019.
8. Морозов Д.В. Центральная Америка в региональной системе незаконного оборота наркотиков // Латинская Америка. 2017. № 10. С. 35–47.
9. Низамова С.Т., Головина О.Д. Деглобализация: новая волна глобальной экономики // Менеджмент: теория и практика. 2021. № 1–2. С. 85–91.
10. Организованная преступность — вызов безопасности Латинской Америки / Отв. ред. Б.Ф. Мартынов. М: ИЛА РАН, 2014.

11. Перспектива устойчивого развития. Апелляция к общемировым и латиноамериканским реалиям / Под ред. В.М. Давыдова. М.: Весь мир, 2022.

12. Современная организованная преступность в Латинской Америке и странах Карибского бассейна / Под. ред. Б.Ф. Мартынова. М.: Весь мир, 2017.

13. Трансграничный терроризм. Угрозы безопасности и императивы международного сотрудничества: латиноамериканский вектор / Отв. ред. Б.Ф. Мартынов. М.: Наука, 2006.

14. Транснациональный наркобизнес: новая глобальная угроза / Отв. редактор А.Н. Глинкин. М.: РОССПЭН, 2002.

15. ¿A dónde vamos? Analisis de políticas públicas de seguridad ciudadana en América Latina / Ed. by C. Basombria. Washington, D.C.: Woodrow Wilson International Center for Scholars, 2013.

16. América Latina: Nuevos retos en seguridad y defensa. Madrid: Instituto Español de Estudios Estratégicos, 2016.

17. América Latina: Transiciones ¿hacia donde? Informe anual 2022–2023 / Ed. by J.A. Sanahuja, P. Stefanoni. Madrid: Fundación Carolina, 2022.

18. Buelvas J.E.T. Zonas grises y delincuencia organizada transnacional: Desafíos para la soberanía del estado en América Latina // Revista Via Iuris. 2019. No. 27. P. 181–196. DOI: 10.37511/viaiuris.n27a9.

19. Cañas S.S., Rivera J.R. Democracia, integración y seguridad en América Latina: El crimen organizado transnacional (COT) como desafío // Revista Enfoques. 2017. Vol. 15. No. 27. P. 149–172.

20. Carbonell J.L. Una estrategia para derrotar a la insurgencia criminal en el Triángulo Norte de Centroamérica // Revista Fuerza Aérea-EUA. 2021. No. 2. P. 46–61.

21. Crimen organizado en América Latina y el Caribe / Ed. by L.G. Solis, F.R. Aravena. Santiago: Catalonia, 2008.

22. Delincuencia económica organizada. Tres aproximaciones desde la criminología / Ed. by H. Olaeta. Bernal: Universidad Nacional de Quilmes, 2016.

23. Democracy and security in Latin America. State capacity and governance under stress / Ed. by G. Marcella, O.J. Pérez, B. Fonseca. New York: Routledge, 2023.

24. Desafíos y amenazas a la seguridad en América Latina / Ed. by P.E.V. Delzo. Lima: Centro de Estudios Estratégicos del Ejército del Perú, 2022.

25. Diamint R. Sin rumbo. Estrategias de defensa en América Latina. Bogotá: Universidad Sergio Arboleda, 2020.

26. El papel de las fuerzas armadas en la América Latina del siglo XXI / Ed. by R. Martínez. Madrid: Centro de Estudios Políticos y Constitucionales, 2022.

27. Evaluación de la amenaza del crimen transnacional organizado en Latinoamérica. Instrumento de Documentación y Evaluación de la Amenaza en Latinoamérica (IDEAL). Madrid: Programa El PACCTO, 2021.

28. García G.B. Crimen organizado transnacional y maras en el Triángulo Norte de Centroamérica // Boletín IEEE. 2021. No. 22. P. 639–659.

29. González H.A. Pandillas transnacionales: Un enfoque de seguridad nacional en México // Revista TeRCi. 2015. Vol. 5. No. 1. P. 139–153.

30. Kessler G. El crimen organizado en América Latina y el Caribe: Ejes de debate en narcotráfico, el tráfico de armas y de personas // El laberinto de la inseguridad ciudadana: Bandas criminales, seguridad de fronteras y regímenes penitenciarios en América Latina / Ed. by J.A.Z. Betancourt. Buenos Aires: CLACSO, 2014. P. 43–61.

31. La guerra interna: Como la lucha contra las drogas está militarizando América Latina / Ed. by X. Tordini. Buenos Aires: Centro de Estudios Legales y Sociales, 2018.

32. La transformación de las fuerzas armadas en América Latina ante el crimen organizado / Ed. by C. Sampo, S. Alda. Madrid: Real Instituto Elcano, 2019.

33. Mesa M., Moorhouse E. Documento de trabajo: Claves para entender la violencia de carácter transnacional en Centroamérica. Madrid: CEIPAZ, 2008.

34. Rodríguez D.D. El involucramiento militar en materia de seguridad pública: Una cuestión inconclusa que se reinstala en Latinoamérica ante el desafío del crimen organizado transnacional // Estado & Comunes. 2019. Vol. 2. No. 9. P. 133–153. DOI: 10.37228/estado_comunes.v2.n9.2019.121.

35. Sain M.F., Games N.R. Tendencias y desafíos del crimen organizado en Latinoamérica. Buenos Aires: Universidad Metropolitana para la Educación y el Trabajo, 2015.

36. Santana A. A globalização do narcotráfico // Revista Brasileira de Política Internacional. 1999. Vol. 42. No. 2. P. 99–116. DOI: 10.1590/S0034-73291999000200006.

37. Vila I.O. Las pandillas transnacionales centroamericanas // VI Congreso de Relaciones Internacionales. Noviembre 2012. P. 1–19.

REFERENCES

1. Zemtsova S.I. 2021. Transnatsional'naya narkoprestupnost' v Tsentral'noi Amerike: teoreticheskie aspekty [Transnational drug crime in Central America: Theoretical aspects]. *Vestnik Vserossiiskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii*, no. 3 (59), pp. 28–34. (In Russ.)

2. Ivanovskii Z.V. 2019. Latinskaya Amerika v novom tysyacheletii: sotsial'naya panorama i dinamika politicheskikh protsessov (chast' 1) [Latin America in the new millennium. Social panorama and dynamics of political processes (1)].

Latinskaya Amerika, no. 7, pp. 30–39. DOI: 10.31857/S0044748X0005395-3. (In Russ.)

3. Kalugina T.N. 2022. Vneshnyaya politika i deglobalizatsiya [Foreign policy and the deglobalization]. *MGIMO Review of International Relations*, vol. 15, no. 2, pp. 218–225. DOI: 10.24833/2071-8160-2022-2-83-218-225. (In Russ.)

4. Knyazev Yu.K. 2022. Deglobalizatsiya: vremenno ili navsegda? [Deglobalization: Temporarily or forever?]. *Svobodnaya mysl'*, no. 1 (1691), pp. 35–42. (In Russ.)

5. Kolesnik A.S. 2019. Transnatsional'naya organizovannaya prestupnost' kak ugroza bezopasnosti gosudarstv Latinskoi Ameriki [Transnational organized crime as a threat to the security of Latin American states]. *GosReg: gosudarstvennoe regulirovanie obshchestvennykh otnoshenii*, no. 2 (28), pp. 210–216. (In Russ.)

6. Manukhin A.A. 2020. Podkhod SShA k sotrudnichestvu s Kolumbiei i Meksikoi v dele protivodeistviya narkotrafiku [The U.S. approach to cooperation with Colombia and Mexico on the issue of countering drug-trafficking]. *Latinskaya Amerika*, no. 12, pp. 6–25. DOI: 10.31857/S0044748X0012274-0. (In Russ.)

7. Lebedeva M.M. (ed.). 2019. *Megatrendy mirovoi politiki i ikh razvitie v XXI veke* [Megatrends of world politics and their development in the 21st century]. Moscow, Aspekt Press Publ. (In Russ.)

8. Morozov D.V. 2017. Tsentral'naya Amerika v regional'noi sisteme nezakonnogo oborota narkotikov [Central America in the regional system of the drug-trafficking]. *Latinskaya Amerika*, no. 10, pp. 35–47. (In Russ.)

9. Nizamova S.T., Golovina O.D. 2021. Deglobalizatsiya: novaya volna global'noi ekonomiki [Deglobalization: A new wave of the global economy]. *Menedzhment: teoriya i praktika*, no. 1–2, pp. 85–91. (In Russ.)

10. Martynov B.F. (ed.). 2014. *Organizovannaya prestupnost' — vyzov bezopasnosti Latinskoi Ameriki* [The organized crime — the security challenge to the Latin America]. Moscow, ILA RAN Publ. (In Russ.)

11. Davydov V.M. (ed.). 2022. *Perspektiva ustoichivogo razvitiya. Apellyatsiya k obshchemirovym i latinoamerikanskim realiyam* [Prospects of sustainable development. Appeal to global and Latin American realities]. Moscow, Ves' mir Publ. (In Russ.)

12. Martynov B.F. (ed.). 2017. *Sovremennaya organizovannaya prestupnost' v Latinskoi Amerike i stranakh Karibskogo basseina* [Modern organized crime in Latin America and the Caribbean]. Moscow, Ves' mir Publ. (In Russ.)

13. Martynov B.F. (ed.). 2006. *Transgranichniy terrorizm. Ugrozy bezopasnosti i imperativy mezhdunarodnogo sotrudnichestva: latinoamerikanskii vektor* [Cross-border terrorism. Security threats and imperatives of international cooperation: Latin American vector]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

14. Glinkin A.N. (ed.). 2002. *Transnatsional'nyi narkobiznes: novaya global'naya ugroza* [Transnational drug-trafficking: A new global threat]. Moscow, ROSSPEN Publ. (In Russ.)

15. Basombria C. (ed.). 2013. *¿A dónde vamos? Analisis de políticas públicas de seguridad ciudadana en América Latina*. Washington, D.C., Woodrow Wilson International Center for Scholars.

16. *América Latina: Nuevos retos en seguridad y defensa*. 2016. Madrid, Instituto Español de Estudios Estratégicos.

17. Sanahuja J.A., Stefanoni P. (eds.). 2022. *América Latina: Transiciones ¿hacia donde? Informe anual 2022–2023*. Madrid, Fundación Carolina.

18. Buelvas J.E.T. 2019. Zonas grises y delincuencia organizada transnacional: Desafíos para la soberanía del estado en América Latina. *Revista Via Iuris*, no. 27, pp. 181–196. DOI: 10.37511/viaiuris.n27a9.

19. Cañas S.S., Rivera J.R. 2017. Democracia, integración y seguridad en América Latina: El crimen organizado transnacional (COT) como desafío. *Revista Enfoques*, vol. 15, no. 27, pp. 149–172.

20. Carbonell J.L. 2021. Una estrategia para derrotar a la insurgencia criminal en el Triángulo Norte de Centroamérica. *Revista Fuerza Aérea-EUA*, no. 2, pp. 46–61.

21. Solis L.G., Aravena F.R. (eds.). 2008. *Crimen organizado en América Latina y el Caribe*. Santiago, Catalonia.

22. Olaeta H. (ed.). 2016. *Delincuencia económica organizada. Tres aproximaciones desde la criminología*. Bernal, Universidad Nacional de Quilmes.

23. Marcella G., Pérez O.J., Fonseca B. (eds.). 2023. *Democracy and security in Latin America. State capacity and governance under stress*. New York, Routledge.

24. Delzo P.E.V. (ed.). 2022. *Desafíos y amenazas a la seguridad en América Latina*. Lima, Centro de Estudios Estratégicos del Ejército del Perú.

25. Diamint R. 2020. *Sin rumbo. Estrategias de defensa en América Latina*. Bogotá, Universidad Sergio Arboleda.

26. Martínez R. (ed.). 2022. *El papel de las fuerzas armadas en la América Latina del siglo XXI*. Madrid, Centro de Estudios Políticos y Constitucionales.

27. *Evaluación de la amenaza del crimen transnacional organizado en Latinoamérica. Instrumento de Documentación y Evaluación de la amenaza en Latinoamérica (IDEAL)*. 2021. Madrid, Programa El PAcCTO.

28. García G.B. 2021. Crimen organizado transnacional y maras en el Triángulo Norte de Centroamérica. *Boletín IEEE*, no. 22, pp. 639–659.

29. González H.A. 2015. Pandillas transnacionales: Un enfoque de seguridad nacional en México. *Revista TeRCi*, vol. 5, no. 1, pp. 139–153.

30. Kessler G. 2014. El crimen organizado en América Latina y el Caribe: Ejes de debate en narcotráfico, el tráfico de armas y de personas. In: Betancourt J.A.Z. (ed.). *El laberinto de la inseguridad ciudadana: Bandas criminales, seguridad de fronteras y regímenes penitenciarios en América Latina*. Buenos Aires, CLACSO, pp. 43–61.

31. Tordini X. (ed.). 2018. *La guerra interna: Como la lucha contra las drogas está militarizando América Latina*. Buenos Aires, Centro de Estudios Legales y Sociales.

32. Sampo C., Alda S. (eds.). 2019. *La transformación de las fuerzas armadas en América Latina ante el crimen organizado*. Madrid, Real Instituto Elcano.

33. Mesa M., Moorhouse E. 2008. *Documento de trabajo: Claves para entender la violencia de carácter transnacional en Centroamérica*. Madrid, CEIPAZ.

34. Rodríguez D.D. 2019. El involucramiento militar en materia de seguridad pública: Una cuestión inconclusa que se reinstala en Latinoamérica ante el desafío del crimen organizado transnacional. *Estado & Comunidades*, vol. 2, no. 9, pp. 133–153. DOI: 10.37228/estado_comunes.v2.n9.2019.121.

35. Sain M.F., Games N.R. 2015. *Tendencias y desafíos del crimen organizado en Latinoamérica*. Buenos Aires, Universidad Metropolitana para la Educación y el Trabajo.

36. Santana A. 1999. A globalização do narcotráfico. *Revista Brasileira de Política Internacional*, vol. 42, no. 2, pp. 99–116. DOI: 10.1590/S0034-73291999000200006.

37. Vila I.O. 2012. Las pandillas transnacionales centroamericanas. *VI Congreso de Relaciones Internacionales*, Noviembre 2012, pp. 1–19.

Статья поступила в редакцию 10.04.2023; одобрена после рецензирования
06.07.2023; принята к публикации 21.08.2023

The paper was submitted 10.04.2023; approved after reviewing 06.07.2023;
accepted for publication 21.08.2023

DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-2-94-115

Научная статья / Research paper

Н.О. Юдин*

ГУМАНИТАРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ «МЯГКОЙ СИЛЫ» ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ КОРПОРАЦИЙ

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный институт международных отношений
(университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации»
119454, Москва, пр-т Вернадского, 76*

Процессы глобализации превратили транснациональные корпорации (ТНК) в важнейших субъектов мировой экономики и одновременно усилили их политические амбиции. В целях достижения монопольного положения на отдельных рынках, создания условий для дальнейшего наращивания прибыли и географической экспансии ТНК активно используют широкий спектр политических инструментов, в котором всё большую роль играют разнообразные гуманитарные проекты и инициативы. В этом контексте представляется целесообразным рассмотреть гуманитарную деятельность ТНК через линзу концепции «мягкой силы». В первой части статьи проанализированы взгляды российских и зарубежных экспертов относительно роли политических соображений в гуманитарных инициативах ТНК, а также возможности достижения баланса между целями развития принимающих стран и интересами иностранного капитала. Автор соглашается с теми учеными, которые указывают, что гуманитарная деятельность ТНК может способствовать не только формированию благоприятного для корпорации политического климата в стране пребывания, но и внедрению в общественное сознание западных (глобалистских) нарративов. В качестве примера использования гуманитарной повестки для продвижения экономических и политических интересов ТНК в развивающихся странах во второй части статьи рассмотрена деятельность

* Юдин Никита Олегович — кандидат политических наук, руководитель Сектора наукометрического анализа Управления научной политики, преподаватель кафедры немецкого языка МГИМО МИД России (e-mail: n.yudin@inno.mgimo.ru; ORCID: 0000-0002-3579-0917).

компании Nestlé в Колумбии. Показано, как, опираясь на американскую модель *corporate humanitarian expansion*, данная ТНК реализовала в стране целый комплекс различных гуманитарных проектов, что позволило ей закрепиться на рынке Колумбии и интегрироваться в ее политическое пространство, а также получить возможности для дальнейшего расширения своего политического присутствия в регионе. Автор заключает, что усиление влияния ТНК размывает структуры государственного управления и может поставить под вопрос политический суверенитет стран их пребывания. В этом смысле в настоящее время России следует не только весьма осторожно относиться к деятельности ТНК на своей территории, но и сформировать вполне определенную концепцию, которая очерчивала бы границы присутствия транснационального бизнеса в гуманитарном пространстве страны. В третьей части статьи сформулирован ряд принципов, которых, по мнению автора, следует придерживаться, чтобы минимизировать возможность для ТНК влиять на политические процессы в Российской Федерации посредством использования различных гуманитарных акций и проектов в качестве инструмента «мягкой силы».

Ключевые слова: транснациональные корпорации, корпоративная социальная ответственность, гуманитарная политика, гуманитарные технологии, «мягкая сила», глобализация, национальный суверенитет

Для цитирования: Юдин Н.О. Гуманитарная деятельность как инструмент «мягкой силы» транснациональных корпораций // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2023. Т. 15. № 2. С. 94–115. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-2-94-115.

Nikita O. Yudin

HUMANITARIAN ACTIVITY AS A 'SOFT POWER' INSTRUMENT OF TRANSNATIONAL CORPORATIONS

*Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454*

Globalization has turned transnational corporations (TNCs) into the key actors in the world economy and at the same time strengthened their political ambitions. In order to establish a monopoly over certain markets, create opportunities for additional revenue growth and geographic expansion, TNCs are actively using

a wide range of political instruments, in which various humanitarian projects and initiatives play an increasingly important role. In this context, it seems appropriate to consider the humanitarian activities of TNCs through the lens of the concept of soft power. The first section of the paper examines the views of Russian and foreign experts on the role of political considerations in the humanitarian initiatives of TNCs, as well as on the possibility of achieving a balance between the development goals of host countries and the interests of foreign capital. The author shares the view of those scholars who argue that the humanitarian activities of TNCs can not only create a favorable political climate for the corporation in the host country, but also subtly introduce Western (globalist) narratives into the public consciousness. The second section examines the activities of Nestlé in Colombia as an example of effective use of the humanitarian agenda to promote the economic and political interests of TNCs in developing countries. The author shows that within the framework of corporate humanitarian expansion Nestlé implemented a wide range of humanitarian projects, which allowed it not only to secure a foothold in the Colombian market, but also to penetrate its political system, as well as to gain opportunities to further expand its political presence in the region. The author concludes that the growing influence of TNCs erodes the government structures and may even put into question the political sovereignty of their host countries. In this context, the Russian authorities should not only be very cautious about the activities of TNCs on its territory, but also provide a clear legal framework regulating the presence of transnational businesses in the humanitarian space of the country. The third section outlines a set of principles that, if implemented, could minimize the opportunity for TNCs to influence political processes in the Russian Federation through the use of various humanitarian actions and projects as a tool of soft power.

Keywords: transnational corporations, corporate social responsibility, humanitarian policy, humanitarian technologies, ‘soft power’, globalization, national sovereignty

About the author: *Nikita O. Yudin* — PhD (Political Science), Head of the Center for Scientometric Analysis, Science Policy Office; Lecturer at the Chair of German Language, MGIMO University (e-mail: n.yudin@inno.mgimo.ru; ORCID: 0000-0002-3579-0917).

For citation: Yudin N.O. 2023. Humanitarian activity as a ‘soft power’ instrument of transnational corporations. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 15, no. 2, pp. 94–115. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-2-94-115. (In Russ.)

Актуальность данной статьи определяется всё более возрастающей ролью транснациональных компаний (ТНК), которые в начале

XXI столетия становятся ведущими игроками не только на финансово-экономических рынках, но и на политической арене.

ТНК представляют собой одновременно и негосударственного, и межстранового актора мировой политики. Финансово-экономическое могущество, многомиллиардные активы, сравнимые по объемам с ВВП некоторых стран, широкая география присутствия, многотысячные коллективы работников, доступ к самым передовым технологиям управления, передачи информации, влияние на общественное мнение создают идеальные перспективы для вступления ТНК на путь формирования современной мировой политической повестки в целях достижения монопольного положения на отдельных рынках, дальнейшего наращивания прибыли и географической экспансии. В условиях глобализации и открытости рынков конкурентоспособность бизнес-корпораций определяется эффективностью использования ими не только производственных активов и денежных ресурсов, но и нематериальных активов компаний, а также качеством управления нефинансовыми рисками [Carrera, 2022].

Глобализация в целом усиливает позиции ТНК на «великой шахматной доске», формирует более эффективные рычаги их воздействия на политику той или иной страны, расширяет политическое пространство их деятельности [Moran, 1974]. С прямым или косвенным участием ТНК происходит активный процесс взаимовлияния, взаимопереплетения и взаимопроникновения глобальных структур во всех аспектах функционирования мирового сообщества, в том числе в гуманитарном.

Именно последний аспект и окажется в центре внимания данного исследования. В нем будет предпринята попытка оценить современные тенденции и перспективы гуманитарной деятельности ТНК как инструмента «мягкой силы», призванного не только обеспечить их долгосрочные экономические интересы, но и способствовать укреплению политического влияния в принимающих государствах.

Политизация гуманитарных стратегий ТНК

Зарубежные исследователи [Faludi, 2013; Gerner, 2019; Corporate social responsibility in times of crisis..., 2017] констатируют возрастание экономической и политической роли ТНК в современном мире, что в свою очередь актуализирует дебаты о том, насколько их гуманитарная деятельность является бескорыстной, а присутствие

в гуманитарном пространстве принимающих стран отвечает национальным интересам последних.

К настоящему моменту утвердилась точка зрения, что ТНК уже сейчас способны существенно влиять на гуманитарную ситуацию во всем мире [Mao, Wang, 2007; Tamvada, 2020]. По этому поводу М.М. Лебедева и М.В. Харкевич отмечают, что если раньше бизнес ориентировался на социальную деятельность в рамках своей компании и национального государства, где находилась его штаб-квартира, то в XXI в. эта деятельность приобрела по-настоящему глобальный масштаб, свидетельством чему является Глобальный договор ООН. В значительной степени мотивационной основой участия в нем бизнеса выступают имиджевые соображения, но не только. Через подобные структуры бизнес может влиять на формирование международных правил поведения, т.е. на мировую политику [Лебедева, Харкевич, 2018]. И хотя данное влияние осуществляется в формах, которые позволяют скрыть истинные мотивы ТНК, в науке [Castañeda et al., 2014; Li W., Li B., 2007; Robledo, 2015] сложился консенсус по поводу того, что деятельность корпораций всегда прагматична и обоснована в первую очередь их экономическими интересами.

В то же время, как указывают другие исследователи [Leonard, 1980; Nye, 1974], имеется и обратная взаимосвязь, когда государства используют ТНК как инструмент политического влияния на оппонентов, навязывая своей воли странам и народам, прибегая к экономическому давлению и технологиям «мягкой силы».

Так или иначе, в практическом выражении сейчас гуманитарные стратегии ТНК подразумевают обращение к гуманитарным вопросам как способу укрепления корпоративного имиджа и демонстрации своего социально ответственного поведения в целях проникновения на новые рынки и решения долгосрочных проблем бизнеса на территориях деятельности корпораций. В этом контексте гуманитарная деятельность ТНК рассматривается как феномен, обладающий многосубъектной природой, в центре которого находится корпоративная социальная ответственность как основание социально ответственного поведения ТНК на территориях пребывания [Carbonnier, 2001].

В современном бизнесе, организованном по сетевому принципу, от качества позиционирования в гуманитарной сфере напрямую зависит рыночная ситуация, складывающаяся вокруг ТНК [Porter,

Kramer, 1999]. Как таковая гуманитарная деятельность корпораций может отвечать (и часто отвечает) интересами стран их пребывания, но может и противоречить им.

Как указывают некоторые исследователи [Byrum, 2023; Hotho, Girschik, 2019], ведущие ТНК мира находятся под пристальным вниманием межправительственных и общественных организаций, социально ответственных инвесторов и средств массовой информации, в связи с чем они не могут себе позволить ограничиваться отдельными бессистемными инициативами. Ключевое значение для ТНК приобретает поиск баланса между корпоративной социальной ответственностью, проявляющейся в том числе в их гуманитарной деятельности, и бизнес-интересами компании [Byrum, 2023; Carrera, 2022; Corporate social responsibility in times of crisis..., 2017; Tamvada, 2020].

Как отмечает М. Портер, в нахождении такого баланса заинтересованы и транснациональный бизнес, и принимающее общество. В противном случае они окажутся на опасном пути, когда ТНК будут восприниматься как колонизаторы, а общество не сможет получить выгоды от сотрудничества с ними [Porter, Kramer, 2006].

Впрочем, такой взгляд на содержание и перспективы взаимодействия ТНК с принимающими странами подвергается критике со стороны многих ведущих зарубежных ученых. Так, А. Крейн, Г. Палаццо, Л.Дж. Спенс и Д. Меттен считают саму постановку вопроса о стремлении ТНК к гуманитарному и социальному развитию территорий, на которых они ведут свою деятельность, наивной и утопичной [Crane et al., 2014].

Эта критика представляется обоснованной, поскольку, как уже было отмечено, гуманитарная деятельность ТНК не является следствием их альтруистской позиции по отношению к проблемам в странах пребывания [Hotho, Girschik, 2019]. Правильнее всего рассматривать ее как мощное средство PR [Головин, Головина, 2021; Зайцев, 2017; Карпович, 2017], а также проявление стратегии «мягкой силы», которая в настоящее время считается важной частью политического процесса, обретающего новую специфику в эпоху «гибридных войн» [Лебедева, Харкевич, 2018].

В этом контексте можно согласиться с теми исследователями, которые трактуют «мягкую силу» как инструмент создания позитивного имиджа государства на международной арене, а также как дипломатический и идеологический ресурс, позволяющий транслировать важнейшие элементы национальной идеологии и политики

в сознание целевой аудитории путем использования инструментов политического маркетинга, демонстрации достижений экономики, социальной сферы, здравоохранения, культуры, спорта [Nye, 2004; Грибова, 2023; Лошкарёв и др., 2023; Чернышёва, 2023].

Как указывают западные аналитики [Li W., Li B., 2020], использование гуманитарных технологий, направленных на формирование позитивного общественного мнения в странах, принимающих ТНК, не только способствует позиционированию корпораций в качестве социально ответственных бизнес-субъектов, но и опосредованно формирует в глазах национальной общественности искажённую «политическую картину мира». В ней присутствуют образы «экономического процветания», «демократического устройства», «защиты прав человека», «цифрового равенства», «технологического совершенства» и т.д., которые ассоциируются с западными странами, представляемыми ТНК в политическом пространстве развивающихся государств [Carrera, 2022].

Таким образом, гуманитарную деятельность ТНК целесообразно рассматривать не только и не столько в чисто экономических категориях — как средство позиционирования компании на рынке, но и в качестве инструмента «мягкой силы», призванного содействовать формированию благоприятного для корпорации политического климата в стране пребывания и внедрению западных (глобалистских) нарративов в политическое сознание наций и народов принимающих государств.

Гуманитарная деятельность как инструмент «мягкой силы» ТНК: кейс Nestlé

В качестве эффективного механизма внедрения политических установок в гуманитарную деятельность ТНК можно рассматривать американскую модель *corporate humanitarian expansion*, которая возникла ещё в эпоху колониализма, однако и сегодня сохраняет свою актуальность. В отличие от иных моделей (континентальной, которая является более формализованной и в основе своей ориентирована на маркетинг; британской и канадской, синтезирующих подходы двух предыдущих) [Klimek, 2016], американская модель более активна, нацелена на агрессивное продвижение гуманитарной повестки, которую ТНК формулируют, исходя из интересов бизнеса (декларируя идеи социальной ответственности и гуманизации деловой среды)

и необходимости расширения американского политического присутствия в различных регионах мира [Klimek, 2016].

Данная модель в настоящее время широко используется западными ТНК, поскольку она на практике доказала свою эффективность в достижении корпоративных целей в странах Латинской Америки, Африки и постсоветского пространства.

В основе данной модели лежат теория стейкхолдеров, а также концепция «корпоративного гражданства», согласно которой интересы бизнеса самым тесным образом переплетены с его возможностями формировать внутреннюю политическую повестку в странах пребывания, в том числе с помощью гуманитарной деятельности.

На рис. 1 приведены элементы стратегии *corporate humanitarian expansion*.

Рис. 1. Модель *corporate humanitarian expansion*, используемая ведущими мировыми ТНК на национальных рынках

Источник: составлено автором

Одним из самых ярких примеров использования модели *corporate humanitarian expansion* является корпоративная гуманитарная стратегия компании Nestlé, глобального лидера в области питания и продуктов для здорового образа жизни. Эта модель была опробована Nestlé, в частности, в отношении стран Латинской Америки, и ее результаты были подробно разобраны на примере кейса Колумбии¹.

¹ Nestlé in society: Creating shared value and meeting our commitments 2018. Nestlé 2018 annual review extract // Nestlé. Available at: <https://www.nestle.com/sites/default/>

Колумбийский пример действительно является весьма показательным, демонстрируя эффективность использования модели *corporate humanitarian expansion* именно как инструмента продвижения политических интересов стран западного мира через гуманитарную деятельность ТНК.

Начиная с 2010 г. Nestlé активно внедряется в латиноамериканский бизнес, связанный с выращиванием и переработкой какао-бобов.

Особый интерес компания проявляла к плантациям на территории Колумбии, поскольку эта страна отличается высоким уровнем коррупции, а также вовлеченностью криминальных структур в политические процессы, что в комплексе с активно продвигаемой гуманитарной повесткой открывало широкие перспективы для быстрого вхождения на рынок.

В Латиноамериканском регионе компания реализует стандартный набор корпоративных целей, являющихся основой ее деятельности на рынках зарубежных стран (рис. 2).

Рис. 2. Элементы *corporate humanitarian expansion* компании Nestlé

Примечание: * ПГСВ — политико-гуманитарный стратегический вектор

Источник: составлено автором по данным: Nestlé. Good food, good life. Annual report. 2002. Available at: <https://www.nestle.com/investors/annual-report#download> (accessed: 05.08.2023)

Как заявляет Nestlé, ее цель — раскрытие потенциала продуктов питания для улучшения качества жизни каждого человека, живу-

files/2020-10/nestle-creating-shared-value-summary-report-2018-en.pdf (accessed: 05.08.2023).

щего сегодня, и качества жизни будущих поколений, что побуждает компанию активизировать переход к регенеративным продовольственным системам, которые смогут накормить мир.

Если судить по приведенной на рис. 2 схеме, то корпорация Nestlé руководствуется классической теорией мотивации А. Маслоу, согласно которой восхождение к «высоким» целям деятельности (в данном случае — «продвижение гуманитарных ценностей») достигается через удовлетворение базовых потребностей населения в соблюдении прав человека, формировании устойчивой среды обитания и т.д.

Однако, как будет показано далее, в действительности «вершиной» деятельности Nestlé в Латиноамериканском регионе вообще и на территории Колумбии в частности было создание комфортной политической среды, в которой ТНК могла в полной мере реализовать свои экономические интересы.

При этом ошибочно было бы утверждать, что гуманитарная составляющая в деятельности данной компании носила исключительно декларативный характер: она была направлена на достижение важных, социально значимых целей, среди которых обеспечение доступа населения к здоровому питанию, контроль за использованием воды, решение проблем пищевых отходов и защиты животных.

В таблице обобщены основные обязательства Nestlé в гуманитарной сфере, которые компания намеревалась реализовать на территории региона.

Используя модель *corporate humanitarian expansion*, компания активно рекламировала экологичность продукции создаваемых ею сельскохозяйственных кооперативов, делая акцент на том, что в данных хозяйствах особое внимание уделяется повышению качества человеческого капитала, развитию профессиональных навыков работников, созданию условий для их карьерного роста. Кроме того, компания позиционировала себя как социально ответственную ТНК, которая готова жертвовать значительные средства на развитие национальных культур стран Латинской Америки, выступая спонсором этномузыкальных фестивалей, выставок и спортивных мероприятий.

Существенное внимание Nestlé уделяла работе с женщинами-фермерами, организовывая их участие в тренинг-сессиях, поощряя женщин к сотрудничеству в сфере выращивания кофейных зерен. В этом контексте компания активно продвигала идеи ген-

**Обязательства Nestlé по решению гуманитарных проблем
на территории Латинской Америки**

Направление деятельности	Обязательства	Целевые показатели и программы
Правильное питание и здоровый образ жизни	• накапливать передовые знания в области детского питания; • производить правильные с точки зрения диетологии продукты для детей; • уменьшить риск неправильного питания путем увеличения содержания питательных веществ в продуктах; • уменьшить содержание соли, сахара, насыщенных жиров в продуктах; • внедрять образовательные программы по популяризации правильного питания	• 100% продуктов компании, произведенных в Латинской Америке, отвечают критериям диетического фонда Nestlé; 98% детских продуктов отвечают требованиям диетического фонда Nestlé по содержанию соли; • 93% продуктов содержат на упаковках информацию о рекомендованных порциях; • содержание соли в соусах, произведенных компанией, уменьшено на 16,5 т; • компания реализует общенациональную образовательную программу «Азбука питания», проект «Вкусные истории с Nestlé», глобальную программу «Nestlé Здоровые дети»
Развитие сельской местности	• реализовывать модель развития сельской местности; • обеспечивать ответственные поставки в сети поставок; • реализовывать «Какао-план Nestlé» с выращивающими какао фермерами; • реализовывать «Neskafé — план Nestlé» с кофейными фермерами	• на рынке появился продукт KitKat, произведенный с использованием какао, приобретенного в рамках «Какао-плана Nestlé»; • компания реализует программу «Хозяин», нацеленную на развитие местных поставщиков сырья
Вода	• повысить эффективность использования воды на производствах; • внедрять эффективные меры по контролю за использованием водных ресурсов;	• на всех предприятиях компании в Латинской Америке сокращено использование воды в целом на 4% по сравнению с 2020 г.

Направление деятельности	Обязательства	Целевые показатели и программы
Вода	• эффективно очищать использованную воду; • сотрудничать с поставщиками, особенно в сельском хозяйстве; • способствовать осведомленности населения о доступе к воде и ее бережливом использовании	
Устойчивое развитие окружающей среды	• улучшать эффективность использования ресурсов; • повышать уровень экологичности упаковки; • оценивать и оптимизировать влияние продуктов на экологию; • быть лидером в области изменения климата; • бережно относиться к природному капиталу, включая леса	• уменьшена доля отходов более чем на 2% по сравнению с 2020 г.; • уменьшены выбросы парниковых газов на тонну продукции на 3,5% по сравнению с 2020 г.; • уменьшено использование энергоресурсов на 3% по сравнению с 2020 г.
Люди, права людей, соблюдение стандартов	• защищать права человека на производствах и в цепи снабжения; • ликвидировать детский труд в основных цепях поставок; • улучшать гендерный баланс; • предложить 20 тыс. рабочих мест для молодежи до 30 лет в компании в Европе; • обеспечивать сотрудникам обучение по созданию общих ценностей, факторов питания (NQ) и экологической устойчивости	• трудоустроены 10 915 молодых людей, проводятся стажировки, мероприятия для молодежи, осуществляется сотрудничество с вузами в рамках программы «Nestlé needs YOUth»; • проводятся NQ-тренинги для сотрудников

Источник: составлено автором по данным: Nestlé. Good food, good life. Annual report. 2002. Available at: <https://www.nestle.com/investors/annual-report#download> (accessed: 05.08.2023).

дерного равенства, а также образования для женщин и девушек в университетах Латинской Америки, сотрудничающих с европейскими и американскими вузами в рамках программ студенческой мобильности.

Для развития местного предпринимательства компания отобрала 10 000 молодых людей по всей Латинской Америке (среди них 1200 колумбийцев), которые прошли стажировку в бизнес-структурах Nestlé. Компания также реализовала программу, направленную на привлечение талантливой молодежи к работе в своих подразделениях в Латиноамериканском регионе.

Кроме того, Nestlé выделяла средства для участия молодых людей в различных симпозиумах, конференциях, посвященных вопросам социально-экономического развития Латинской Америки в целом и Колумбии в частности, что является ярким примером подходов современных ТНК к работе с молодежью. В этом смысле корпорация стремится реализовывать на территориях стран пребывания долгосрочную стратегию, формируя будущий политический класс, готовый к тому, чтобы отстаивать ее интересы и продвигать западные идеологические нарративы.

В целом можно говорить о том, что модель *corporate humanitarian expansion*, которую Nestlé на протяжении 12 лет реализовывала на территории Латинской Америки и в Колумбии, подтвердила свою эффективность. Используя технологию «гуманитарной экспансии», компания смогла не только закрепиться на колумбийском рынке (в настоящее время ей принадлежит 82% плантаций какао-бобов в регионе), но и войти в политическое пространство страны (на выборах в нижнюю палату колумбийского парламента в 2022 г. 7 мест из 186 получили политики, прошедшие обучение по программам профессионального развития Nestlé)², а также получить возможности для дальнейшего расширения своего политического присутствия в Латинской Америке.

Таким образом, пример использования компанией Nestlé модели *corporate humanitarian expansion* не только может служить яркой иллюстрацией тенденции к политизации гуманитарной деятельности

² European Union Election Observation Mission. Colombia 2022: Final Report // The Diplomatic Service of the European Union. Available at: <https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/documents/Final%20Report%20EU%20EOM%20Colombia%202022.pdf> (accessed: 05.08.2023).

ТНК, но и позволяет изучить конкретные механизмы инструментализации гуманитарной повестки как элемента «мягкой силы».

Критическое осмысление гуманитарного присутствия ТНК в российском политическом пространстве

Проведенный в предыдущем разделе анализ позволяет говорить о том, что активность корпорации Nestlé в гуманитарной области носит весьма прагматичный характер, и заставляет усомниться в состоятельности апологетических оценок гуманитарной деятельности ТНК как «альтруистической модели ведения бизнеса, когда аргументы социальной ответственности создают предпосылки для формирования нового качества распределительной функции в экономике, обеспечивая перераспределение финансовых ресурсов наиболее состоятельных субъектов мировой экономики в пользу регионов и социальных групп, которые в наибольшей степени нуждаются в финансовой поддержке для решения гуманитарных проблем» [Brammer, Millington, 2003: 220].

Действительно перераспределительная функция в настоящее время обретает новое содержание: от решения задач обеспечения исключительно финансовых интересов заинтересованных сторон политика ТНК всё чаще переходит к увеличению объема инвестиций в проекты социально-гуманитарного характера. Однако и данный тренд имеет, как показал приведенный пример, всецело прагматичное наполнение.

Таким образом, хотя усиление гуманитарной составляющей в деятельности ТНК оказывает в целом объективно положительное влияние на экономику регионов их присутствия, вся эта деятельность по-прежнему остается подчинена одной цели: проникновению на новые рынки и закреплению на них. Соответственно гуманитарная политика ТНК является в настоящее время прежде всего инструментом борьбы за потребителя, а не реальной концепцией гуманизации бизнеса. При этом с ее помощью ТНК одновременно создают вокруг себя особое «политическое пространство», находясь в пределах которого, потребитель воспринимает ценности и идеалы, изначально заложенные в идеологию западного бизнеса, а в широком смысле — западного образа жизни.

В этой связи вызывает удивление весьма позитивное отношение российских экспертов к тому, что такие компании, как «Ашан», PepsiCo, Nestlé Mars, Danone и др., продолжают вести бизнес в Рос-

сии, невзирая на санкции. Утрата российского потребителя стала бы весьма болезненным ударом прежде всего для самих этих компаний. При этом они одним фактом присутствия на российском рынке создают возможность для трансляции западных нарративов в сознание потребителей.

Аналогично в настоящее время беспокойство вызывает расширение присутствия в России китайских ТНК, пытающихся заменить западные корпорации, а также стремящихся к обретению политического влияния через корпоративную деятельность, используя в том числе западные подходы к политизации гуманитарных корпоративных стратегий³ [Калашников, 2021]. В данном контексте следует признать, что Россия до недавнего времени была чрезвычайно зависимой от деятельности ТНК и воспринимала ее только с экономической точки зрения, мало внимания уделяя политико-идеологическим факторам.

Очевидно, однако, что, несмотря на значительные экономические выгоды от роста прямых иностранных инвестиций ТНК в российскую экономику, их выход на отечественные рынки был сопряжен и с рядом негативных тенденций: вытеснением национальных неконкурентоспособных производителей; дискредитацией государственной политики импортозамещения; формированием национального гуманитарного пространства, в котором ТНК имели широкое поле деятельности, искажая ценностные установки населения, воспринимающего западные образцы потребительского поведения.

В этом отношении можно утверждать, что во многих случаях при выходе ТНК на рынок государство теряет возможность в полной мере контролировать их деятельность. Это ставит страну в зависимость от решений, принимаемых за рубежом, в результате чего под угрозой оказываются национальная безопасность и национальный суверенитет.

Следует согласиться и с утверждением, что транснационализация рынков и расширение влияния ТНК размывают структуры государственного управления. При этом наличие у корпораций собственных крупных охранных структур, а фактически — частных армий ставит

³ Сафарян Л. В тесных объятиях восходящего гиганта: Россия и Китай — что дальше? Интервью // EurAsia Daily. 24.10.2022. Доступ: <https://eadaily.com/ru/news/2022/10/24/v-tesnyh-obyatiyah-voshodyashchego-giganta-rossiya-i-kitay-cto-dalshe-intervyu> (дата обращения: 05.08.2023).

вопрос о новой архитектуре безопасности во всем мире [Nikolenko, Tushkov, 2021].

В этом смысле в настоящее время России следует не только весьма внимательно относиться к деятельности ТНК на своей территории, но и сформировать вполне определенную концепцию, которая очерчивала бы границы присутствия транснационального бизнеса в гуманитарном пространстве страны. Прежде всего, речь должна идти об установлении четких рамок гуманитарной деятельности ТНК на территории Российской Федерации, которые фиксировали бы, в частности, недопустимость участия корпораций:

- в идеологически важных сферах гуманитарной политики РФ, касающихся защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей;
- в реализации образовательных программ, различных проектов, связанных с воспитанием молодежи;
- в деятельности партий, различных общественных объединений или движений, являющихся субъектами политической активности на территории Российской Федерации.

Как представляется, такие ограничения должны исключать возможность для ТНК влиять на политические процессы в Российской Федерации посредством использования различных гуманитарных акций и проектов в качестве инструмента «мягкой силы».

Анализ современной практики гуманитарной деятельности ТНК показывает, что только национально ориентированная государственная политика в гуманитарной сфере, особенно когда речь идет о реализации соответствующих проектов транснационального бизнеса, способна гарантировать защиту суверенитета страны. При этом сама гуманитарная деятельность ТНК требует тщательной государственной экспертизы с точки зрения допустимости и желательности их участия в различных проектах, связанных с развитием систем здравоохранения, образования, цифровизации и т.д.

* * *

В современных условиях деятельность ТНК носит разноплановый характер, всё чаще включая ярко выраженный гуманитарный компонент, который позволяет эффективно завуалировать истинные цели корпораций, каковыми являются максимизация прибыли, проникновение на новые рынки, создание благоприятного для себя

политического климата через участие в решении гуманитарных проблем стран и регионов.

Данная деятельность осуществляется в соответствии с относительно стандартными паттернами, одним из которых выступает модель *corporate humanitarian expansion*, обеспечивающая эффективное внедрение в социально-политическое пространство национальных государств, принимающих ТНК. В этом смысле целесообразно рассматривать их деятельность в гуманитарной сфере как проявление политики «мягкой силы», направленной не только на распространение влияния ТНК на национальную экономику, но и, что особенно важно, на изменение мировоззренческих установок населения страны пребывания.

В настоящее время перед Россией стоит задача ограничить влияние ТНК в гуманитарной сфере, оградить национальное политическое пространство от их воздействия, невзирая на их национальную принадлежность и значение для развития национальной экономики. При этом российские корпорации вполне могут использовать западный опыт корпоративной гуманитарной политики для укрепления своих позиций на мировых рынках, продвижения российской политической повестки в различных регионах мира. Пример гуманитарных инициатив зарубежных ТНК свидетельствует о наличии широких возможностей для использования корпоративного сегмента бизнеса в решении внешнеполитических задач.

Впрочем, эта тема, равно как и изучение возможностей достижения баланса между экономическими интересами государства и допуском ТНК в гуманитарно-политическое пространство Российской Федерации, должна стать предметом отдельного рассмотрения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Головин В.Г., Головина Е.Е. Имперские амбиции современных транснациональных корпораций // Вопросы элитологии. 2021. Т. 2. № 3. С. 156–189. DOI: 10.46539/elit.v2i3.77.
2. Грибова Д.О. Построение имиджа государства в мировой политике // Научные записки молодых исследователей. 2023. Т. 11. № 1. С. 37–44.
3. Зайцев С.Ю. Взаимодействие транснациональных корпораций и государства: политологический анализ // Вестник Поволжского института управления. 2017. Т. 17. № 6. С. 37–45. DOI: 10.22394/1682-2358-2017-6-37-45.
4. Калашников Д.Б. Китайская помощь развитию: официальные и истинные цели // Мировое и национальное хозяйство. 2021. № 4 (57). Доступ:

<https://mirec.mgimo.ru/2021/2021-04/chinese-development-assistance-official-true-goals> (дата обращения: 05.08.2023).

5. Карпович О.Г. Национальные интересы современных государств и функции транснациональных корпораций в мировой политике // Тренды и управление. 2017. № 1. С. 29–39. DOI: 10.7256/2454-0730.2017.1.21597.

6. Лебедева М.М., Харкевич М.В. Роль бизнеса в трансформации политической организации мира // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11. № 1. С. 34–51. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-1-34-51.

7. Лошкарёв И.О., Питерская А.Л., Батеева Е.В. Социальные программы России: направления и перспективы // Право и управление. 2023. № 4. С. 202–207.

8. Чернышёва Е.Ю. Анализ состояния политики «мягкой силы» Российской Федерации в странах постсоветского пространства // Инновационная наука. 2023. № 4–1. С. 90–91.

9. Brammer S., Millington A. The effect of stakeholder preferences, organizational structure and industry type on corporate community involvement // Journal of Business Ethics. 2003. Vol. 45. P. 213–226. DOI: 10.1023/A:1024151528646.

10. Byrum K. Communicating corporate social responsibility: The trust factor. Lanham: Lexington Books, 2023.

11. Carbonnier G. Corporate responsibility and humanitarian action. What relations between the business and humanitarian worlds? // International Review of the Red Cross. 2001. Vol. 83. No. 844. P. 947–969. DOI: 10.1017/S1560775500183488.

12. Carrera L. Corporate social responsibility. A strategy for social and territorial sustainability // International Journal of Corporate Social Responsibility. 2022. Vol. 7. No. 7. P. 1–12. DOI: 10.1186/s40991-022-00074-0.

13. Castañeda E., Morales C.M., Ochoa O. Transnational behavior in comparative perspective. The relationship between immigrant integration and transnationalism in New York, El Paso, and Paris // Comparative Migration Studies. 2014. Vol. 2. No. 3. P. 305–333. DOI: 10.5117/CMS2014.3.CAST.

14. Corporate social responsibility in times of crisis. Practices and cases from Europe, Africa and the world / Ed. by S.O. Idowu, S. Vertigans, A.S. Burlea. Cham: Springer, 2017.

15. Crane A., Palazzo G., Spence L.J., Matten D. Contesting the value of 'creating shared value' // California Management Review. 2014. Vol. 56. No. 2. P. 130–153. DOI: 10.1525/cmr.2014.56.2.130.

16. Faludi A. Territorial cohesion, territorialism, territoriality, and soft planning: A critical review // Environment and Planning A: Economy and Space. 2013. Vol. 45. No. 6. P. 1302–1317. DOI: 10.1068/a45299.

17. Gerner M. Assessing and managing sustainability in international perspective: Corporate sustainability across cultures — towards a strategic frame-

work implementation approach // *International Journal of Corporate Social Responsibility*. 2019. Vol. 4. No. 5. P. 1–34. DOI: 10.1186/s40991-019-0043-x.

18. Hotho J., Girschik V. Corporate engagement in humanitarian action: Concepts, challenges, and areas for international business research // *Critical Perspectives on International Business*. 2019. Vol. 15. No. 2/3. P. 201–218. DOI: 10.1108/cpoib-02-2019-0015.

19. Klimek A. Integration strategies of emerging multinational corporations: Theoretical approach // *International Journal of Economic Theory*. 2016. Vol. 12. No. 2. P. 183–196.

20. Leonard H.J. Multinational corporations and politics in developing countries // *World Politics*. 1980. Vol. 32. No. 3. P. 454–483. DOI: 10.2307/2010112.

21. Li W., Li B. Why TNCs try to make their subsidiaries sole proprietorship enterprises in China? An analysis of TNCs' strategy on equity ownership structure // *Frontiers of Business Research in China*. 2007. Vol. 1. P. 365–377. DOI: 10.1007/s11782-007-0021-0.

22. Mao Y., Wang J. The strategic decisions and success factors of the global integration-local responsiveness of Japanese MNCs in China // *Frontiers of Business Research in China*. 2007. Vol. 1. P. 67–90. DOI: 10.1007/s11782-007-0005-0.

23. Moran T.H. Multinational corporations and the politics of dependence: Copper in Chile. Princeton: Princeton University Press, 1974.

24. Nikolenko A., Tushkov A. Transnational corporations as the newest subject of political relations // *Proceeding of the International Science and Technology Conference 'FarEastCon 2020' / Ed. by D.B. Solovov, V.V. Savaley, A.T. Bekker, V.I. Petukhov*. Singapore: Springer, 2021. P. 1055–1061.

25. Nye J.S. Multinational corporations in world politics // *Foreign Affairs*. 1974. Vol. 53. No. 1. P. 153–175. DOI: 10.2307/20039497.

26. Nye J.S. *Soft power: The means to success in world politics*. New York: Public Affairs, 2004.

27. Porter M.E., Kramer M.R. Philanthropy's new agenda: Creating shared value // *Harvard Business Review*. 1999. Vol. 77. No. 6. P. 121–130.

28. Porter M.E., Kramer M.R. Strategy and society: The link between competitive advantage and corporate social responsibility // *Harvard Business Review*. 2006. Vol. 84. No. 12. P. 78–92. DOI: 10.1108/sd.2007.05623ead.006.

29. Robledo C. New donors, same old practices? South-South cooperation of Latin American emerging donor // *Bandung: Journal of the Global South*. 2015. Vol. 2. No. 3. P. 1–16. DOI: 10.1186/s40728-014-0008-0.

30. Tamvada M. Corporate social responsibility and accountability: A new theoretical foundation for regulating CSR // *International Journal of Corporate Social Responsibility*. 2020. Vol. 5. No. 2. P. 1–14. DOI: 10.1186/s40991-019-0045-8.

REFERENCES

1. Golovin V.G., Golovina E.E. 2021. Imperskie ambitsii sovremennykh transnatsional'nykh korporatsii [Imperial ambitions of modern transnational corporations]. *Voprosy elitologii*, vol. 2, no. 3, pp. 156–189. DOI: 10.46539/elit.v2i3.77. (In Russ.)
2. Gribova D.O. 2023. Postroenie imidzha gosudarstva v mirovoi politike [Forming the state's image in the world politics]. *Nauchnye zapiski molodykh issledovatelei*, vol. 11, no. 1, pp. 37–44. (In Russ.)
3. Zaitsev S.Yu. 2017. Vzaimodeistvie transnatsional'nykh korporatsii i gosudarstva: politologicheskii analiz [Interaction of transnational corporations and the state: Political analysis]. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya*, vol. 17, no. 6, pp. 37–45. DOI: 10.22394/1682-2358-2017-6-37-45. (In Russ.)
4. Kalashnikov D.B. 2021. Kitaiskaya pomoshch' razvitiyu: ofitsial'nye i istinnye tseli [Chinese development assistance: Official and true goals]. *Mirovye i natsional'noe khozyaistvo*, no. 4 (57). Available at: <https://mirec.mgimo.ru/2021/2021-04/chinese-development-assistance-official-true-goals> (accessed: 05.08.2023). (In Russ.)
5. Karpovich O.G. 2017. Natsional'nye interesy sovremennykh gosudarstv i funktsii transnatsional'nykh korporatsii v mirovoi politike [National interests of modern states and functions of transnational corporations in world politics]. *Trends and Management*, no. 1, pp. 29–39. DOI: 10.7256/2454-0730.2017.1.21597. (In Russ.)
6. Lebedeva M.M., Kharkevich M.V. 2018. Rol' biznesa v transformatsii politicheskoi organizatsii mira [The role of business in transforming the political organization of the world]. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no. 1, pp. 34–51. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-1-34-51. (In Russ.)
7. Loshkarev I.O., Piterskaya A.L., Bateeva E.V. 2023. Sotsial'nye programmy Rossii: napravleniya i perspektivy [Russian social programs: Directions and prospects]. *Pravo i upravlenie*, no. 4, pp. 202–207. (In Russ.)
8. Chernysheva E.Yu. 2023. Analiz sostoyaniya politiki 'myagkoi sily' Rossiiskoi Federatsii v stranakh postsovetskogo prostranstva [Analysis of the 'soft power' policy of the Russian Federation in the post-Soviet countries]. *Innovatsionnaya nauka*, no. 4–1, pp. 90–91. (In Russ.)
9. Brammer S., Millington A. 2003. The effect of stakeholder preferences, organizational structure and industry type on corporate community involvement. *Journal of Business Ethics*, vol. 45, pp. 213–226. DOI: 10.1023/A:1024151528646.
10. Byrum K. 2023. *Communicating corporate social responsibility: The trust factor*. Lanham, Lexington Books.
11. Carbonnier G. 2001. Corporate responsibility and humanitarian action. What relations between the business and humanitarian worlds? *Inter-*

national Review of the Red Cross, vol. 83, no. 844, pp. 947–969. DOI: 10.1017/S1560775500183488.

12. Carrera L. 2022. Corporate social responsibility. A strategy for social and territorial sustainability. *International Journal of Corporate Social Responsibility*, vol. 7, no. 7, pp. 1–12. DOI: 10.1186/s40991-022-00074-0.

13. Castañeda E., Morales C.M., Ochoa O. 2014. Transnational behavior in comparative perspective. The relationship between immigrant integration and transnationalism in New York, El Paso, and Paris. *Comparative Migration Studies*, vol. 2, no. 3, pp. 305–333. DOI: 10.5117/CMS2014.3.CAST.

14. Idowu S.O., Vertigans S., Burlea A.S. (eds.). 2017. *Corporate social responsibility in times of crisis. Practices and cases from Europe, Africa and the world*. Cham, Springer.

15. Crane A., Palazzo G., Spence L.J., Matten D. 2014. Contesting the value of ‘creating shared value’. *California Management Review*, vol. 56, no. 2, pp. 130–153. DOI: 10.1525/cmr.2014.56.2.130.

16. Faludi A. 2013. Territorial cohesion, territorialism, territoriality, and soft planning: A critical review. *Environment and Planning A: Economy and Space*, vol. 45, no. 6, pp. 1302–1317. DOI: 10.1068/a45299.

17. Gerner M. 2019. Assessing and managing sustainability in international perspective: Corporate sustainability across cultures — towards a strategic framework implementation approach. *International Journal of Corporate Social Responsibility*, vol. 4, no. 5, pp. 1–34. DOI: 10.1186/s40991-019-0043-x.

18. Hotho J., Girschik V. 2019. Corporate engagement in humanitarian action: Concepts, challenges, and areas for international business research. *Critical Perspectives on International Business*, vol. 15, no. 2/3, pp. 201–218. DOI: 10.1108/cpoib-02-2019-0015.

19. Klimek A. 2016. Integration strategies of emerging multinational corporations: Theoretical approach. *International Journal of Economic Theory*, vol. 12, no. 2, pp. 183–196.

20. Leonard H.J. 1980. Multinational corporations and politics in developing countries. *World Politics*, vol. 32, no. 3, pp. 454–483. DOI: 10.2307/2010112.

21. Li W., Li B. 2007. Why TNCs try to make their subsidiaries sole proprietorship enterprises in China? An analysis of TNCs’ strategy on equity ownership structure. *Frontiers of Business Research in China*, vol. 1, pp. 365–377. DOI: 10.1007/s11782-007-0021-0.

22. Mao Y., Wang J. 2007. The strategic decisions and success factors of the global integration-local responsiveness of Japanese MNCs in China. *Frontiers of Business Research in China*, vol. 1, pp. 67–90. DOI: 10.1007/s11782-007-0005-0.

23. Moran T.H. 1974. *Multinational corporations and the politics of dependence: Copper in Chile*. Princeton, Princeton University Press.

24. Nikolenko A., Tushkov A. 2021. Transnational corporations as the newest subject of political relations. In: Solovev D.B., Savaley V.V., Bekker A.T., Petu-

khov V.I. (eds.). *Proceeding of the International Science and Technology Conference 'FarEastCon 2020'*. Singapore, Springer, pp. 1055–1061.

25. Nye J.S. 1974. Multinational corporations in world politics. *Foreign Affairs*, vol. 53, no. 1, pp. 153–175. DOI: 10.2307/20039497.

26. Nye J.S. 2004. *Soft power: The means to success in world politics*. New York, Public Affairs.

27. Porter M.E., Kramer M.R. 1999. Philanthropy's new agenda: Creating shared value. *Harvard Business Review*, vol. 77, no. 6, pp. 121–130.

28. Porter M.E., Kramer M.R. 2006. Strategy and society: The link between competitive advantage and corporate social responsibility. *Harvard Business Review*, vol. 84, no. 12, pp. 78–92. DOI: 10.1108/sd.2007.05623ead.006.

29. Robledo C. 2015. New donors, same old practices? South-South cooperation of Latin American emerging donors. *Bandung: Journal of the Global South*, vol. 2, no. 3, pp. 1–16. DOI: 10.1186/s40728-014-0008-0.

30. Tamvada M. 2020. Corporate social responsibility and accountability: A new theoretical foundation for regulating CSR. *International Journal of Corporate Social Responsibility*, vol. 5, no. 2, pp. 1–14. DOI: 10.1186/s40991-019-0045-8.

Статья поступила в редакцию 29.03.2023; одобрена после рецензирования
01.08.2023; принята к публикации 10.09.2023

The paper was submitted 29.03.2023; approved after reviewing 01.08.2023;
accepted for publication 10.09.2023

DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-2-116-152

Научная статья / Research paper

Оганисян Л.Д.*

ГУМАНИТАРНАЯ ПОМОЩЬ ПОД САНКЦИЯМИ: ОТ ПОСТАНОВКИ ПРОБЛЕМЫ К ПОИСКАМ РЕШЕНИЙ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В условиях резкого обострения межгосударственного соперничества, ущажения природных катаклизмов, возникновения новых эпидемиологических вызовов особенно остро встает проблема своевременного оказания гуманитарной помощи населению наиболее пострадавших стран и регионов. Ее решение, и без того сопряженное с целым комплексом объективных экономических, политических и иных трудностей, дополнительно осложняется существующей практикой введения односторонних и международных санкций, которые к настоящему моменту превратились в один из ключевых инструментов ведущих субъектов мировой политики. И хотя формально санкционные режимы снабжены гуманитарными исключениями, призванными минимизировать их негативные последствия для населения целевых стран, их введение неизбежно оборачивается новыми препятствиями для оказания гуманитарной помощи нуждающимся. Данное исследование призвано выявить ключевые проблемы, с которыми сопряжена практика оказания гуманитарной помощи в условиях существующих санкционных ограничений, и оценить перспективы их преодоления. В первом разделе рассмотрены полемика в экспертных и политических кругах вокруг проблемы негативных гуманитарных последствий санкций и поиск подходов к ее решению. В частности, выявлены логика, стоявшая за переходом от всеобъемлющих к «умным» санкциям, а также специфика применения гуманитарных исключений. Во втором разделе показаны ключевые аспекты многопланового деструктивного влияния рестрикций на оказание гуманитарной помощи, включая технические и политические барьеры, возникающие в процессе реализации исключений по гуманитар-

* Оганисян Лида Давидовна — кандидат политических наук, доцент кафедры международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: lidaoganisyan@gmail.com; ORCID: 0009-0000-8439-2352).

ным соображениям. Наконец, в третьем разделе выявлены современные тенденции в применении гуманитарных исключений ведущими субъектами ограничительных мер. В этом контексте особое внимание уделено резолюции № 2664 Совета Безопасности ООН, принятой в декабре 2022 г., которая предписывает включение в санкционные режимы ООН стандартизированных изъятий в целях минимизации воздействия ограничительных мер на оказание помощи и облегчения страданий нуждающихся. Автор заключает, что хотя к настоящему моменту пространство для решения проблемы негативных гуманитарных последствий санкций остается, для этого требуется осуществление международным сообществом решительных политических шагов.

Ключевые слова: гуманитарная помощь, гуманитарные исключения, гуманитарная деятельность, санкции, санкционные режимы, Совет Безопасности ООН, резолюция № 2664, оверкомплаенс

Для цитирования: Оганисян Л.Д. Гуманитарная помощь под санкциями: от постановки проблемы к поискам решений // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2023. Т. 15. № 2. С. 116–152. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-2-116-152.

Lida D. Oganisyan

**HUMANITARIAN AID UNDER SANCTIONS:
FROM THE PROBLEM STATEMENT
TO THE SEARCH FOR SOLUTIONS**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991*

In the context of a sharp aggravation of interstate rivalry, an increase in natural disasters and the emergence of new epidemiological challenges, the problem of timely provision of humanitarian assistance to the population of the most affected countries and regions becomes especially acute. Its solution, already fraught with a whole complex of objective economic, political and other difficulties, is further complicated by the existing practice of imposing unilateral and multilateral or international sanctions, which have become one of the key instruments of the leading subjects of world politics. And although formally sanctions regimes are provided with humanitarian exceptions designed to minimize their negative consequences for the population of target countries, their imposition inevitably results in new obstacles to the provision of humanitarian

assistance to those in need. The paper identifies the key challenges associated with provision of humanitarian aid under the existing sanctions restrictions, and assesses the prospects for addressing them in the contemporary context. The first section examines political and academic debates on the negative humanitarian consequences of sanctions and possible ways to overcome them. In particular, the author identifies the logic behind the transition from comprehensive to 'smart' sanctions, as well as the specifics of applying humanitarian exceptions. The second section outlines key aspects of the complex disruptive impact of restrictions on humanitarian assistance, including the technical and political barriers faced in the implementation of humanitarian exceptions. Finally, the third section identifies current trends in the use of humanitarian exceptions by the main initiators of restrictive measures. In this context, particular attention is paid to the UN Security Council Resolution 2664, adopted in December 2022, which mandates the inclusion of standardized exemptions in UN sanctions regimes in order to minimize the impact of restrictive measures on the provision of assistance and to alleviate the suffering of those in need. The author concludes that although there still remain possibilities to address the negative humanitarian consequences of sanctions, this requires strong political will on the part of the international community.

Keywords: humanitarian assistance, humanitarian exceptions, humanitarian action, sanctions, sanctions regimes, UN Security Council, Resolution No. 2664, overcompliance

About the author: *Lida D. Oganisyan* — PhD (Political Science), Associate Professor at the Chair of International Organizations and World Political Processes, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: lidaoganisyan@gmail.com; ORCID: 0009-0000-8439-2352).

For citation: Oganisyan L.D. 2023. Humanitarian aid under sanctions: From the problem statement to the search for solutions. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 15, no. 2, pp. 116–152. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-2-116-152. (In Russ.)

На фоне эпидемиологических вызовов, природных, социальных и политических катаклизмов, высокого уровня конфликтогенности и нестабильности во многих государствах мира широкие слои населения остро нуждаются в гуманитарной помощи¹. Дополнитель-

¹ Под гуманитарной помощью понимается деятельность государств, межправительственных или неправительственных организаций, направленная на обеспечение необходимой помощи в виде предоставления базовых товаров и услуг, включая продукты питания и медикаменты, жертвам гуманитарных катастроф, природных

ным фактором риска для доноров и гуманитарных операторов при взаимодействии с государствами, охваченными нестабильностью, являются односторонние и международные санкции². Масштабное расширение практики использования санкций ведущими субъектами международных отношений в последние годы вновь поставило в центр политического и академического дискурса проблему гуманитарных последствий применения рестриктивных мер, равно как и дилеммы оказания помощи населению подсанкционных государств. В современных реалиях, в условиях острого дефицита финансирования гуманитарного сектора, данная проблема приобретает поистине экзистенциальное значение.

Ключевые инициаторы ограничительных мер, прежде всего Соединенные Штаты Америки и Европейский союз, одновременно являются крупными донорами гуманитарной помощи. В их санкционной риторике и документах особый акцент делается на том, что рестрикции не направлены на препятствование доставке помощи нуждающимся³. Введение ограничительных мер их инициаторы сопровождают публичными заявлениями о своей приверженности оказанию гуманитарной помощи (*humanitarian aid*) и нежелании препятствовать осуществлению такой деятельности (*humanitarian action*). С этой целью санкционные режимы снабжены исключениями по гуманитарным соображениям, призванными минимизировать издержки от применения рестрикций и их негативное влияние на население целевых государств. Данные исключения являются

бедствий и вооруженных конфликтов. См.: Большая российская энциклопедия 2004–2017. Доступ: https://old.bigenc.ru/world_history/text/1935542?ysclid=llhw95v8st0993360466 (дата обращения: 11.07.2023).

²Международные, или многосторонние санкции (по терминологии ООН — «принудительные меры») вводятся Советом Безопасности Организации Объединенных Наций (СБ ООН) на основании главы VII ст. 41 ее Устава. Односторонние ограничительные меры применяются вне рамок ООН и вводятся отдельными странами или группами государств на основе собственного законодательства как в дополнение к международным санкциям, так и автономно.

³См., например: Department of the Treasury. Office of Foreign Assets Control. Fact Sheet: Provision of Humanitarian Assistance and Trade to Combat COVID-19. April 16, 2020. Available at: https://safety4sea.com/wp-content/uploads/2020/04/OFAC-Provision-of-Humanitarian-Assistance-and-Trade-to-Combat-COVID-19-2020_004.pdf (accessed: 11.07.2023); European Commission. Commission guidance note on the provision of humanitarian aid to fight the COVID-19 pandemic in certain environments subject to EU restrictive measures. 13.08.2021. Available at: https://finance.ec.europa.eu/system/files/2021-08/210813-humanitarian-aid-guidance-note_en.pdf (accessed: 11.07.2023).

основанием для освобождения лиц и организаций от санкций или приостановления рестрикций, прежде всего в случае нарушений фундаментальных прав человека, а также препятствования оказанию гуманитарной помощи нуждающимся. Введение исключений позволяет доставлять помощь и осуществлять коммерческие поставки в гуманитарных целях в подсанкционные страны. Однако на практике реализация гуманитарных исключений оказывается непростой задачей, решение которой наталкивается на целый ряд проблем технического, политического и иного характера.

Цель исследования — выявить ключевые проблемы и вызовы, с которыми сопряжена практика оказания гуманитарной помощи в условиях существующих санкционных ограничений, и оценить перспективы их преодоления.

Проблема гуманитарного ущерба от санкций в целом, а также их непосредственного негативного влияния на оказание гуманитарной помощи на протяжении многих лет вызывает большой интерес у зарубежных авторов [см., например: Weiss, 1999; Smart sanctions..., 2002; Craven, 2002; Gordon, 2011], что связано со спецификой и широтой применения рестрикций отдельными западными странами и Европейским союзом. Триггерами роста внимания к данной проблеме, как правило, становились обострение гуманитарной обстановки в подсанкционных странах, эпидемиологические вызовы и др. В последние годы пандемия SARS-CoV-2 стимулировала дискурс о деструктивном воздействии санкций на население в государствах-мишенях и оказание помощи наиболее уязвимым и незащищенным социальным группам [см., например: Walker, 2020a; Fazio et al., 2022]. На сегодняшний день в центре дискуссий о проблеме влияния санкций на оказание гуманитарной помощи находятся Сирия [см., например: Azar, 2020; U.S. and European sanctions on Syria, 2020; Walker, 2020b], Афганистан⁴ [см., например: Moret, 2023] и другие страны, в отношении которых действуют жесткие ограничительные меры.

Несмотря на то что западные исследователи по объективным причинам уделяют сравнительно больше внимания данной проблеме, отдельные ее аспекты изучены и в ряде работ отечественных авторов. В частности, влияние пандемии COVID-19 на использова-

⁴ Moret E. The role of sanctions in Afghanistan's humanitarian crisis // IPI Global Observatory. 14.10.2021. Available at: <https://theglobalobservatory.org/2021/10/the-role-of-sanctions-in-afghanistans-humanitarian-crisis/> (accessed: 15.07.2023).

ние санкций в качестве внешнеполитического инструмента было рассмотрено в работах генерального директора Российского совета по международным делам И.Н. Тимофеева [Тимофеев, 2020]. Исследуются отечественными учеными и особенности взаимного влияния международной помощи и санкционного давления, а также прямое и опосредованное воздействие санкций на продовольственную безопасность [см., например: Бартенев, 2022а, 2022b]. В статье директора Центра экспертизы санкционной политики ИМИ МГИМО Е.Я. Араповой и ведущего научного сотрудника того же центра А.С. Кудинова, раскрывающей специфику санкционного регулирования в США, ЕС и Великобритании, выявлено, что значение гуманитарных исключений в законодательной практике Евросоюза выше, чем в американской [Арапова, Кудинов, 2022]. Отдельные работы посвящены изучению гуманитарных последствий всеобъемлющих санкций, вызывавших наибольшие споры в экспертном сообществе [см., например: Агеева, 2022]. Кроме того, в статьях российских исследователей, посвященных анализу политики западных акторов, включая санкционную, в отношении отдельных государств также отмечается проблема гуманитарного ущерба от санкций, в том числе их негативного влияния на доставку помощи⁵ [Матвеев, 2022; Оганисян, 2023]. Однако, несмотря на определенный интерес отечественных исследователей к данной проблеме, отдельных работ, в которых рассматривались бы действия международного сообщества по смягчению или преодолению негативного влияния санкционных барьеров на оказание гуманитарной помощи в целом и практика применения гуманитарных исключений в частности, нет. Данная статья в известном смысле восполняет этот пробел.

В структурном отношении статья делится на три раздела. В первом рассмотрены полемика в экспертных и политических кругах вокруг проблемы негативных гуманитарных последствий санкций и поиск подходов к ее решению. В частности, проанализированы императивы, прежде всего гуманитарные, перехода от всеобъемлющих

⁵ Тимофеев И.Н. Афганистан в тисках санкций // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 08.09.2021. Доступ: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/afghanistan-v-tiskakh-sanktsiy/?ysclid=lkftb7w395554015825> (дата обращения: 11.07.2023); Бочаров И. Сирия: гуманитарный кризис и стихийное бедствие // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 10.02.2023. Доступ: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/o-linii-soprikosnoveniya/?ysclid=lkfte3opi9450244505> (дата обращения: 11.07.2023).

к «умным» санкциям, а также специфика применения гуманитарных исключений. Во втором разделе показаны ключевые аспекты многопланового деструктивного влияния рестрикций на оказание гуманитарной помощи, включая технические и политические барьеры, возникающие в процессе реализации исключений по гуманитарным соображениям. Наконец, в третьем разделе выявлены современные тенденции в применении гуманитарных исключений ведущими субъектами рестрикций. В этом контексте особого внимания заслуживает резолюция № 2664 Совета Безопасности ООН, принятая в декабре 2022 г., которая предписывает включение в санкционные режимы ООН стандартизированных изъятий в целях минимизации воздействия ограничительных мер на оказание помощи и облегчения страданий нуждающихся.

Гуманитарные последствия санкций: постановка проблемы

К настоящему моменту санкции превратились в ключевой инструмент внешней политики, активно используемый многими субъектами международных отношений. Одним из главных трендов в данной сфере является применение «умных» (точечных, адресных) санкций, более двух десятилетий выступающих важным средством экономического принуждения. И хотя, как отмечает И.Н. Тимофеев, вводимые с февраля 2022 г. ограничительные меры против России сигнализируют об изменении парадигмы «умных» санкций, на смену которым теперь приходит «санкционное цунами», или «ковровая бомбардировка экономики» [Тимофеев, 2022a], с технической точки зрения применяемые рестрикции остаются точечными, несмотря на явный отход от узкой адресности и их широкий охват.

Рождение парадигмы «умных» санкций, пришедших на смену всеобъемлющим рестрикциям, стало кульминацией многолетнего сотрудничества представителей политического и научного сообществ. Так, на рубеже XX–XXI вв. развернувшаяся между учеными и политиками-практиками полемика вокруг проблемы эффективности санкций выявила глубокое расхождение в используемых ими подходах и методах оценки результативности рестриктивных мер. Как справедливо отмечал профессор кафедры международной политики Школы права и дипломатии имени Флетчера при Университете Тафтса Д. Дрезнер, выводы, к которым пришли ученые

в своих исследованиях⁶, с одной стороны, продемонстрировали неэффективность санкций как внешнеполитического инструмента, а с другой — оказались мало полезными для политиков, поскольку не отвечали на два ключевых вопроса: как повысить результативность методов экономического принуждения против «сложных» целей⁷ и как смягчить проблемы, созданные применением санкций [Drezner, 2011].

Именно вторая проблема, т.е. политические и гуманитарные издержки использования санкций, особенно остро встала перед международным сообществом в конце 1990-х годов. Негативные последствия политического и гуманитарного характера, связанные с применением санкций против Ирака в 1990-е годы⁸, вызвали серьезную озабоченность международной общественности. По меткому высказыванию Д. Дрезнера, именно иракский кейс подсветил прежде мало исследуемые причинно-следственные механизмы. В работах, основанных на совершенно разных, зачастую диаметрально противоположных теоретико-методологических подходах, ученые пришли к идентичному выводу о наличии у практики всеобъемлющих санкций значительных недостатков: они причиняют несоразмерный вред уязвимым группам населения страны-мишени и приносят пользу сторонникам режима [Drezner, 2011].

⁶ Например, выводы о том, что экономическое принуждение более эффективно на стадии угрозы, чем применения, или что санкции с большей вероятностью приведут к уступкам в случаях, когда: инициатор ограничительных мер и целевое государство не ожидают частых конфликтов в будущем; международное сообщество поддерживает санкции; государство-мишень является демократией; санкции вводятся против союзников, а не противников и т.д.

⁷ К числу таких государств относились, например, Иран, Корейская Народно-Демократическая Республика (КНДР), Куба и др.

⁸ В 1999 г. группа, учрежденная для наблюдения за гуманитарной ситуацией в Ираке, представила СБ ООН доклад, в котором отмечалось, что введение санкций сопровождалось резким ухудшением социально-экономического благосостояния широких слоев населения страны. В частности, в Ираке к концу 1990-х годов наблюдались самый высокий уровень детской смертности в мире, снижение производства продуктов питания и качества воды, увеличение числа случаев хронического недоедания и преждевременной смертности, рост заболеваний и т.д. См.: United Nations report of the second panel established pursuant to the note by the president of the Security Council of 30 January 1999 (S/1999/100), concerning the current humanitarian situation in Iraq // Campaign Against Sanctions on Iraq (CASI). 30.03.1999. Available at: <https://casi.org.uk/info/panelrep.html> (accessed: 11.07.2023).

Как следствие, гуманитарные организации, отдельные представители истеблишмента и научного сообщества всё чаще стали ставить в центр дискуссий о применении санкций проблему их непомерных гуманитарных последствий при низкой результативности, а также вопрос этичности использования рестрикций, побочным эффектом которых становились страдания уязвимых групп населения [Haass, 1997; Bruderlein, 1998; Müller J., Müller K., 1999; Marks, 1999; Weiss, 1999]. В 1995 г. Генеральный секретарь ООН Б. Бутрос-Гали в «Дополнении к Повестке дня для мира» поставил под сомнение этичность применения всеобъемлющих санкций как средства давления на политических лидеров, «на поведение которых вряд ли повлияет бедственное положение их подданных»⁹. Два года спустя Генеральный секретарь ООН К. Аннан в своем докладе о работе организации признал существующую озабоченность по поводу негативных последствий санкций для наиболее уязвимых групп гражданского населения, а также их косвенного воздействия на другие государства, отметив важность поиска путей превращения санкций «в менее слепой и более эффективный инструмент»¹⁰. В то же время в докладе подчеркивалось, что санкции являются «ценным инструментом в распоряжении Совета Безопасности, позволяющим Организации Объединенных Наций оказывать давление, не прибегая к силе»¹¹.

В итоге, как указывает профессор Лондонского университета М. Крейвен, беспокойство по поводу гуманитарных последствий санкций стало не столько аргументом против их использования, сколько доводом в пользу поиска мер для их усовершенствования. Поскольку во многом именно введенные ООН в 1990-е годы санкционные режимы против Ирака, а также Югославии, Гаити и других государств стали причиной этих дебатов и объектом критики, по справедливому утверждению М. Крейвена, «сопутствующий ущерб» наносился не только гражданскому населению подсанкционных государств и третьим странам, но и репутации самого Совета Безопасности [Craven, 2002].

⁹ Supplement to an agenda for peace: Position paper of the Secretary-General on the occasion of the fiftieth anniversary of the United Nations. 1995. Para. 70. Available at: <https://steps-for-peace.org/wp-content/uploads/supplement-agenda-for-peace.pdf> (accessed: 11.07.2023).

¹⁰ Annual Report of the Secretary-General on the Work of the Organization. 1997. Para. 89. Available at: <https://digitallibrary.un.org/record/257037> (accessed: 11.07.2023).

¹¹ Ibidem.

На фоне развернувшихся дискуссий о влиянии всеобъемлющих ограничительных мер на население целевых стран был создан ряд конференций, целью участников которых стал поиск способов совершенствования практики применения санкций. Наиболее крупными из инициатив, собравших ведущих ученых, политиков, представителей международных организаций, НПО и банков, стали проекты Института Уотсона по международным и общественным отношениям при Университете Брауна; инициированный правительством Швейцарии Интерлакенский процесс; Боннско-Берлинский процесс, организованный МИД Германии и Боннским международным центром конверсии, а также Стокгольмский процесс, реализуемый МИД Швеции совместно с Упсальским университетом, результаты которого в феврале 2003 г. были представлены Совету Безопасности ООН [см. подробнее: Smart sanctions..., 2002; Tostensen, Bull, 2002; Biersteker et al., 2005; Gordon, 2011]. Эти конференции способствовали тесному взаимодействию ученых, политиков и практиков, результатом которого и стало рождение концепции «умных» санкций, призванной минимизировать гуманитарные и политические последствия применения всеобъемлющих ограничений.

«Умные» санкции стали идеей, получившей поддержку ключевых участников международных отношений. Иными словами, замена ножа на скальпель стала компромиссом как между ведущими государствами, так и между политическим, научным сообществом и гуманитарными организациями. В итоге в 2000-е годы четко обозначился тренд на нацеливание санкций на отдельных лиц и компании, сектора экономик целевых государств, а ведущие акторы, включая ООН, США, ЕС и др., взяли этот инструмент на вооружение.

В свою очередь переход к «умным» санкциям несколько заглушил дискуссию о негативных гуманитарных последствиях рестрикций. По словам профессора Фэрфилдского университета Дж. Гордона, поскольку санкции стали «умными», «больше не нужно было беспокоиться о причинении вреда невинным» [Gordon, 2011: 332].

Однако «умные» санкции не стали панацеей. С одной стороны, они, безусловно, позиционируются как минимизирующие гуманитарные издержки и негативное влияние на права человека и потому вызывают сравнительно более сдержанную критику. При этом, хотя их применение, как показывают исследования, в большинстве случаев не приводит к уступкам со стороны государства-мишени [см. подробнее: Peksen, 2019], они, тем не менее, могут использоваться

не только для принуждения и сдерживания страны-мишени, но — в последнее время всё чаще — и для отправки сигнала, иначе говоря, средства коммуникации.

Эта последняя функция санкций была тщательно изучена зарубежными [см., например: Carter, 1987; Hufbauer et al., 2009; Giumelli, 2016], а также отечественными [см., например: Тимофеев, 2022b] исследователями. В частности, было показано, что ограничительные меры могут быть применены для отправки сигнала о неприемлемости политики страны-мишени, распространения определенного имиджа за рубежом, для «внутреннего потребления» — иными словами, для демонстрации собственному населению решимости правительства действовать в целях защиты национальных интересов, отстаивания ценностей и т.д.

При этом точечные санкции, хотя формально направлены против лиц и компаний, на деле так или иначе оказывают воздействие на государство в целом. Более того, за последние два десятилетия число введенных точечных рестрикций увеличилось в геометрической прогрессии, расширился их охват. В своей санкционной практике ведущие международные акторы перешли к широкомасштабному использованию секторальных ограничений, а следовательно, экономические и гуманитарные последствия применения таких рестриктивных мер оказываются всё более осязаемыми для населения государств-мишеней.

Таким образом, несмотря на всю свою значимость, переход от всеобъемлющих к «умным» санкциям не снял проблемы побочных эффектов от применения последних. С середины 2010-х годов на фоне расширения практики применения санкций поднялась новая волна дискуссий о деструктивном влиянии рестрикций на права человека, доставку гуманитарной помощи. В 2014 г. Совет по правам человека ООН принял решение о создании мандата Специального докладчика по вопросу о негативном воздействии односторонних принудительных мер на осуществление прав человека, в задачи которого входят сбор информации и подготовка отчетов по своей тематике¹². С 2015 г. пост Спецдокладчика занимал алжирский дипломат И. Джазаيري, которого в 2020 г. сменила профессор Белорусского государственного университета Е. Довгань. В своих докладах и выступлениях

¹² Управление ООН по правам человека. Специальный докладчик по вопросу об односторонних принудительных мерах. Доступ: <https://www.ohchr.org/ru/special-procedures/sr-unilateral-coercive-measures> (дата обращения: 11.07.2023).

спецдокладчики ООН неустанно подчеркивали, что односторонние принудительные меры наносят ущерб наиболее бедным и уязвимым слоям населения целевого государства, снижая качество их жизни, а также препятствуют гуманитарной деятельности, лишая их возможности получать продовольствие и медикаменты¹³.

Выработка нового подхода к санкциям на рубеже XX–XXI вв. шла по двум основным направлениям, общей целью которых было повысить эффективность санкционных режимов. Первое сводилось к идее более тонкой настройки санкций и направления их против элит и сторонников политического режима, «безответственных акторов», террористов и проч. Работа по второму направлению сосредоточилась на совершенствовании гуманитарных исключений из режимов санкций с целью преодолеть препятствия оказанию гуманитарной помощи и коммерческим поставкам продовольственных товаров и медикаментов, чтобы свести к минимуму ущерб наименее защищенным слоям населения в странах-мишенях.

В настоящий момент санкционные режимы многих инициаторов ограничительных мер, в числе которых СБ ООН, США, Европейский союз, Великобритания, Канада, Швейцария и др., предусматривают гуманитарные исключения. Однако специфика реализации гуманитарных исключений из санкций ведущими инициаторами, а также используемая ими терминология для их описания (*exemption*, *exception*, *derogation*, *carve-out*) существенно разнятся.

В соответствии с практикой Совета Безопасности «изъятие» (*exemption*) представляет собой отступление от правила, введенного санкционным режимом ООН, для ограничения сферы применения рестриктивной меры путем указания, на какие виды деятельности или субъектов не распространяются запреты либо какие виды деятельности или субъекты подлежат освобождению от санкционной меры. Термин «гуманитарное изъятие» используется для описания двух совершенно разных видов разрешений: во-первых, исключений

¹³ См., например: Доклад Специального докладчика по вопросу о негативном воздействии односторонних принудительных мер на осуществление прав человека Идриса Джазаири. A/HRC/30/45. 10.08.2015. Доступ: <https://www.refworld.org.ru/pdfid/565ff2fe4.pdf> (дата обращения: 11.07.2023); Доклад Специального докладчика по вопросу о негативном воздействии односторонних принудительных мер на осуществление прав человека Елены Довгань. A/76/174/Rev.1. 13.09.2021. Доступ: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N21/245/78/PDF/N2124578.pdf?OpenElement> (дата обращения: 11.07.2023).

по предварительному одобрению в интересах лиц, подпадающих под санкции¹⁴; во-вторых, исключений, предоставляемых «беспристрастным гуманитарным акторам» (*impartial humanitarian actors*)¹⁵ [см. подробнее: Huvé, Brubaker, 2022].

Санкционные программы США — ключевого инициатора рестриктивных мер — обычно допускают «законную торговлю, помощь или деятельность в гуманитарных целях» (*humanitarian-related trade, assistance, or activity*) в соответствии с законами и исполнительными указами¹⁶. В системе санкционного законодательства США предусмотрены гуманитарные изъятия из торговых санкций. Кроме того, выдача генеральных и специальных лицензий¹⁷ Управлением по контролю за иностранными активами (Office of Foreign Assets Control, OFAC) Министерства финансов США практикуется в том числе в гуманитарных целях. Иными словами, при наличии соответствующего разрешения со стороны американского Казначейства в гуманитарных целях допускаются финансовые трансакции с участием подсанкционных лиц.

Значение гуманитарных исключений велико и в санкционной политике ЕС. В документах институтов Евросоюза подчеркивается, что точечные рестриктивные меры объединения направлены на то, чтобы максимально уменьшить любые неблагоприятные гуманитарные последствия для гражданского населения подсанкционных

¹⁴ Эти исключения позволяют государствам временно и в исключительных случаях снимать санкционные ограничения, после того как соответствующий комитет по санкциям одобрит запрос страны-члена в интересах определенных физических и юридических лиц (а не для нуждающегося гражданского населения).

¹⁵ В этом случае конкретная санкционная мера не применяется к «беспристрастным гуманитарным субъектам» / «беспристрастной гуманитарной деятельности» или гуманитарные субъекты могут обратиться в соответствующий комитет по санкциям с просьбой официально исключить их деятельность, тем самым облегчив их работу в подсанкционной стране.

¹⁶ См., например: Department of the Treasury. Office of Foreign Assets Control. Fact Sheet: Provision of Humanitarian Assistance and Trade to Combat COVID-19. April 16, 2020. Available at: https://safety4sea.com/wp-content/uploads/2020/04/OFAC-Provision-of-Humanitarian-Assistance-and-Trade-to-Combat-COVID-19-2020_004.pdf (accessed: 11.07.2023); Department of the Treasury. Office of Foreign Assets Control. Fact Sheet: Provision of Humanitarian Assistance and Trade to Combat COVID-19. June 14, 2023. Available at: <https://ofac.treasury.gov/media/931896/download?inline> (accessed: 11.07.2023).

¹⁷ Выдача лицензий позволяет вводить исключения из санкционных режимов США и, следовательно, осуществлять определенную деятельность, которая в противном случае была бы запрещена.

государств или соседних стран, а также не должны препятствовать реализации мероприятий по оказанию гуманитарной помощи, которая согласно ст. 214.2 Договору о функционировании ЕС осуществляется «в соответствии с принципами международного права и принципами беспристрастности, нейтральности и недискриминации»¹⁸.

С этой целью автономные санкционные режимы Евросоюза¹⁹ предусматривают изъятия по гуманитарным соображениям двух видов. Во-первых, общие исключения из санкционных режимов (*exemptions*), представляющие собой положения, выводящие определенные виды деятельности из сферы применения общего запрета²⁰. Во-вторых, отступления (*derogations*), которые предоставляются соответствующими компетентными органами государств — членов объединения²¹. Компетентные органы стран — членов Европейского союза могут принять решение об освобождении определенных активов от ограничений для удовлетворения «основных потребностей» лиц и организаций, снять или приостановить ограничения на въезд в случае, например, «неотложной гуманитарной потребности», разрешить экспорт, покупку или использование «определенных предметов в гуманитарных целях» и т.д.

США²², ЕС²³ и другие инициаторы санкций регулярно публикуют руководства, ответы на наиболее часто задаваемые вопросы

¹⁸ Official Journal of the European Union. Consolidated version of the treaty on the functioning of the European Union. C 115/47. 09.05.2008. Available at: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:41f89a28-1fc6-4c92-b1c8-03327d1b1ecc.0007.02/DOC_1&format=PDF (accessed: 11.07.2023).

¹⁹ Когда ЕС вводит санкции во исполнение резолюций СБ ООН, право предоставлять исключения остается за Комитетом ООН по санкциям, ответственным за соответствующий режим санкций.

²⁰ European Commission. European civil protection and humanitarian aid operations. Sanctions and humanitarian aid. Available at: <https://www.dgecho-partners-helpdesk.eu/sanctions/sanctions-and-humanitarian-aid> (accessed: 11.07.2023).

²¹ Ibidem.

²² См., например: Department of the Treasury. Office of Foreign Assets Control. Guidance related to the provision of humanitarian assistance by not-for-profit non-governmental organizations. October 17, 2014. Available at: <https://ofac.treasury.gov/media/16186/download?inline> (accessed: 11.07.2023); Department of the Treasury. Office of Foreign Assets Control. Supplemental guidance for the provision of humanitarian assistance. February 27, 2023. Available at: <https://ofac.treasury.gov/media/931341/download?inline> (accessed: 11.07.2023).

²³ См., например: European Commission. Commission guidance note on the provision of humanitarian aid to fight the COVID-19 pandemic in certain environments subject to

(Guidance, FAQs и т.д.), в том числе призванные предоставить практические указания по соблюдению рестриктивных мер при оказании гуманитарной помощи. Более того, например, в условиях пандемии COVID-19 Комиссия запустила Контактный пункт по гуманитарной помощи странам, в отношении которых действуют санкции Евросоюза. Этот инструмент используется для поддержки и облегчения деятельности гуманитарных операторов, информирования их и предоставления рекомендаций в отношении гуманитарных отступлений в рамках режимов санкций ЕС²⁴.

В то же время практическая реализация механизма исключений по гуманитарным соображениям также наталкивается на целый ряд проблем.

Гуманитарная помощь в паутине санкционных ограничений

В текущих условиях многие подсанкционные государства испытывают острые гуманитарные проблемы, погружены в состояние хронического гуманитарного кризиса или вовсе стоят на грани гуманитарной катастрофы. Международное сообщество сталкивается с необходимостью поиска системного решения проблемы направления гуманитарной помощи в подсанкционные юрисдикции. Устойчивое взаимовлияние этих вопросов позволило западным экспертам говорить о существовании смычки между гуманитарной помощью и санкциями (*humanitarian-sanctions nexus*) [см. подробнее: Walker, 2021]. Наиболее ярко данная смычка проявилась в таких странах, как Сирия, Афганистан, Венесуэла, Иран, Йемен и др., где совокупный эффект санкций и проблем в сфере безопасности создает препятствия для реализации гуманитарных усилий.

В последние годы вопрос о влиянии санкций на доставку гуманитарной помощи стал предметом пристального внимания многих членов международного сообщества. В этой связи на рубеже 2010–

EU restrictive measures. 13.08.2021. Available at: https://finance.ec.europa.eu/system/files/2021-08/210813-humanitarian-aid-guidance-note_en.pdf (accessed: 11.07.2023); European Commission. Commission guidance note on the provision of humanitarian aid in compliance with EU restrictive measures (sanctions). 30.06.2022. Available at: https://finance.ec.europa.eu/system/files/2022-07/220630-humanitarian-aid-guidance-note_en.pdf (accessed: 11.07.2023).

²⁴ European Commission. Humanitarian assistance in environments subject to EU sanctions. Available at: https://finance.ec.europa.eu/eu-and-world/sanctions-restrictive-measures/humanitarian-assistance-environments-subject-eu-sanctions_en (accessed: 11.07.2023).

2020-х годов были запущены проекты с участием представителей экспертного и политического сообществ, аналитических центров, в числе которых Центр Картера, СИПРИ, Международный институт мира и др., выпущены доклады, призванные привлечь внимание к данному вопросу и найти решение дилемм оказания гуманитарной помощи в условиях санкций [см., например: Debarre, 2019; Azar, 2020; Walker, 2020b; Brockmann, Preble, 2021; Hausmann et al., 2022; Huvé et al., 2022].

Значительный импульс этой работе придал конфликт в Сирии. Одной из инициатив по поиску практических решений и механизмов управления рисками для банков, гуманитарных организаций и доноров, принимающих участие в процессе доставки гуманитарной помощи нуждающимся в ней сирийцам в условиях действия жестких санкций в отношении Дамаска, стал диалог, организованный Женевским институтом международных отношений при поддержке правительства Швейцарии и Европейской комиссии. Результаты данного диалога нашли отражение в докладе руководителя отдела санкций и рисков международной организации Association of Certified Anti-Money Laundering Specialists (ACAMS) Дж. Уокер, которая была привлечена к участию в проекте в качестве независимого эксперта [Walker, 2020b]. Хотя основные принципы, изложенные в руководстве, были разработаны непосредственно в привязке к сирийскому кейсу, они дают ориентиры по оказанию гуманитарной помощи во многих других государствах, находящихся под обширными санкциями, в числе которых Афганистан, Венесуэла, Иран, Йемен, КНДР, Сомали, Судан и др.

Очевидно, что в подсанкционных государствах ограничительные меры создают серьезные препятствия и барьеры для оказания гуманитарной помощи. Введение гуманитарных исключений не позволяет полностью избежать негативного влияния санкций на доставку помощи, поскольку сохраняются серьезные проблемы с точки зрения того, как механизмы исключений реализуются на практике. Основные проблемы и препятствия, с которыми сталкиваются гуманитарные организации, банки и компании, можно объединить в несколько широких групп.

Прежде всего, гуманитарные организации вынуждены нести затраты и терпеть задержки, связанные с анализом санкционных режимов, причем в ряде случаев речь идет о сложных юрисдикциях, в отношении которых действуют многосторонние и односторонние

ограничительные меры, могут быть введены экстерриториальные санкции, а также действовать горизонтальные (тематические) санкционные программы. В этой связи гуманитарным организациям требуются время и ресурсы, чтобы распутать санкционную паутину, зачастую сплетенную несколькими инициаторами ограничительных мер, что в случае более мелких гуманитарных операторов является непосильной задачей.

Проблема *прямой и косвенной передачи средств и ресурсов подсанкционным лицам* представляет собой еще один важный и одновременно сложный аспект, требующий должной осмотрительности. Наиболее распространенные случаи косвенной передачи могут включать покупку оборудования, необходимого для гуманитарных целей, у компании, не поименованной в санкционном списке, но принадлежащей подсанкционному лицу, или аренду здания для осуществления гуманитарных операций у организации, принадлежащей фигуранту санкционных списков [см. подробнее: Walker, 2020a, 2021]. Гуманитарным акторам также важно учитывать вопросы собственности и контроля, например «правило 50%». Оно применяется в санкционной политике ключевых субъектов, в частности США²⁵, ЕС²⁶ и Великобритании²⁷, и предполагает, что ограничительные меры распространяются как на фигурантов санкционных списков, так и на компании, не включенные в перечень, но находящиеся в их владении на 50% и более.

Следует отметить, что препятствия для осуществления гуманитарной деятельности связаны с соблюдением не только финансовых санкций, но и торговых рестрикций, ограничений на поставки вооружений, товаров двойного назначения и т.д. Известным является

²⁵ Department of the Treasury. Office of Foreign Assets Control. Revised guidance on entities owned by persons whose property and interests in property are blocked. August 13, 2014. Available at: <https://ofac.treasury.gov/media/6186/download?inline> (accessed: 11.07.2023).

²⁶ Council of the European Union. The EU best practices for the effective implementation of restrictive measures. June 27, 2022. Available at: https://www.europeansanctions.com/wp-content/uploads/2022/07/June-2022_-_EU-Best-Practices-for-the-effective-implementation-of-restrictive-measures.pdf (accessed: 11.07.2023).

²⁷ HM Treasury. Office of Financial Sanctions Implementation. UK Financial Sanctions. General guidance for financial sanctions under the Sanctions and Anti-Money Laundering Act 2018. August 2022. Available at: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/1169348/Financial_Sanctions_General_Guidance.pdf (accessed: 11.07.2023).

случай, когда из-за ограничений на экспорт металлических предметов в КНДР организации пришлось изъять кусачки для ногтей из гигиенических наборов, ввозимых в страну в гуманитарных целях [Debarre, 2019]. Поскольку поставщики и страны транзита склонны принимать меры по митигации рисков нарушения санкций, это создает задержки и иные препятствия в процессе доставки гуманитарных товаров. Кроме того, отдельного внимания требует соблюдение норм экспортного контроля.

Следующий комплекс проблем связан с *процессом предоставления исключений*. Как уже отмечалось, многие санкционные режимы позволяют гуманитарным организациям запрашивать у компетентных национальных органов исключения, дабы, действуя без риска нарушения санкций, беспрепятственно оказывать помощь нуждающемуся в ней населению. На деле гуманитарным организациям приходится тратить время и ресурсы на правильное прохождение процесса подачи заявок на получение лицензий, подготовку соответствующих отчетов. Эти проблемы усугубляются в условиях, когда действует несколько режимов санкций и гуманитарные организации должны запрашивать исключения у нескольких компетентных органов, процесс лицензирования которых может существенно разниться. Данная проблема особенно наглядно проявляется в случае ЕС, поскольку процесс предоставления исключений децентрализован. Этот комплекс проблем, безусловно, препятствует быстрому реагированию, что в случае с оказанием гуманитарной помощи является одним из критически важных параметров.

Другая насущная проблема, с которой сталкиваются гуманитарные организации, — *«чрезмерное соблюдение» санкционных режимов (оверкомплаенс)*. Банковские учреждения и компании воспринимают обслуживание гуманитарных организаций, особенно в сложных юрисдикциях, как деятельность, сопряженную с высоким уровнем риска, они опасаются вторичных санкций, штрафов, репутационных издержек. Несмотря на то что ряд инициаторов санкций и Спецдокладчики ООН призывают избегать «чрезмерного соблюдения»²⁸,

²⁸ См., например: European Commission. Commission guidance note on the provision of humanitarian aid to fight the COVID-19 pandemic in certain environments subject to EU restrictive measures. 13.08.2021. Available at: https://finance.ec.europa.eu/system/files/2021-08/210813-humanitarian-aid-guidance-note_en.pdf (accessed: 11.07.2023); European Commission. Commission guidance note on the provision of humanitarian aid in compliance with EU restrictive measures (sanctions). 30.06.2022.

это вряд ли может сломить негативный тренд на оверкомплаенс, учитывая масштаб и остроту данной проблемы, особенно в тех юрисдикциях, где одним из факторов являются вторичные санкции США. Более того, некоторые исследователи отмечают, что в определенных случаях непосредственно политика американских регулирующих органов способствует «чрезмерному соблюдению» санкций, создавая или допуская правовые «серые зоны» [Breen, 2021], тем самым добиваясь усиления давления на подсанкционное государство. Можно предположить, что это происходит как неумышленно, так и намеренно, поскольку санкции есть не что иное, как средство достижения внешнеполитических целей их инициаторов. Однако следует отметить, что возможность задавать регулятору вопросы является одним из способов рассеять определенные «серые зоны».

«Чрезмерное соблюдение» санкционных предписаний со стороны банков и компаний, поставляющих товары и услуги, создает для гуманитарных организаций ряд технических сложностей.

Во-первых, на сегодняшний день остро стоит проблема осуществления переводов средств в страны, находящиеся под жесткими ограничительными мерами. Задержка или отклонение платежей приводит к тому, что гуманитарные организации вынуждены приостановить или прекратить программы помощи [см. подробнее: Debarre, 2019; Walker, 2021]. Например, в начале 2020 г. Норвежский совет по делам беженцев отмечал, что на протяжении большей части 2018–2019 гг. ему не удалось найти ни одного международного банка для трансфера средств западных доноров в Иран в целях оказания помощи афганским беженцам и жертвам стихийных бедствий в наиболее пострадавших провинциях [Brockmann, Preble, 2021]. Крайне остро проблема осуществления переводов обстоит в Сирии, в отношении которой действуют жесткие ограничения. Так, в течение 2020 г. 12% переводов в гуманитарных целях были отклонены

Available at: https://finance.ec.europa.eu/system/files/2022-07/220630-humanitarian-aid-guidance-note_en.pdf (accessed: 11.07.2023); Эксперты обеспокоены последствиями односторонних санкций — гуманитарные исключения не работают // Новости ООН. 23.11.2023. Доступ: <https://news.un.org/ru/story/2022/11/1435107> (дата обращения: 11.07.2023); Guidance note on overcompliance with unilateral sanctions and its harmful effects on human rights. Available at: <https://www.ohchr.org/en/special-procedures/sr-unilateral-coercive-measures/resources-unilateral-coercive-measures/guidance-note-overcompliance-unilateral-sanctions-and-its-harmful-effects-human-rights> (accessed: 11.07.2023).

международными банковскими учреждениями, 12% обработанных трансферов не дошли до адресатов, а 32% осуществлены с задержками от 3 до 10 месяцев [Walker, 2021]. В целом стратегия снижения рисков характерна не только для банковских учреждений, но и для поставщиков товаров.

Во-вторых, отсутствие каналов для осуществления переводов всё чаще побуждает гуманитарные организации проводить операции за наличные, пользоваться неформальными финансово-расчетными системами. В частности, в 2021 г. неоднократно отмечалось, что сотрудники гуманитарных организаций ООН были вынуждены ввозить с собой наличные деньги в Афганистан, поскольку после введенных США санкций банковская система в стране фактически не функционировала²⁹. На протяжении последних лет представители НПО неоднократно отмечали, что в отсутствие надежных каналов для осуществления переводов они нередко прибегают к использованию неформальной расчетной системы «хавала»³⁰ [см. подробнее: Thompson, 2015; Hausmann et al., 2022]. Однако эти альтернативы могут повысить риски другого характера, в числе которых непреднамеренное финансирование терроризма и угроза физической безопасности лиц, перемещающих наличные.

В свою очередь и гуманитарные организации, стремясь снизить риски, могут выбрать путь «чрезмерного соблюдения» санкций, что становится проявлением так называемого *охлаждающего, или сдерживающего эффекта (chilling effect)*. Безусловно, отказ гуманитарных организаций осуществлять определенные виды деятельности или оказывать помощь людям в определенных районах, например, контролируемых подсанкционными группами, напрямую воздействует на нуждающееся население [см. подробнее: Debarre, 2019; Ferraro, 2021]. Основной причиной их опасений является то, что даже в случаях, когда конкретные виды деятельности разрешены, существует риск, что соответствующие товары или платежи могут быть переадресованы или использованы лицами и организациями, находящимися под санкциями.

²⁹ МИД России рассказал о ситуации в Афганистане из-за санкций США // РИА Новости. 27.12.2021. Доступ: <https://ria.ru/20211227/nalichnye-1765590812.html?ysclid=lhymvwdaj0253426626> (дата обращения: 11.07.2023).

³⁰ Неформальная финансово-расчетная система на основе взаимозачета требований и обязательств между брокерами, которая используется преимущественно в странах Ближнего и Среднего Востока, Африки и Азии.

Кроме того, одним из факторов, усиливающих «охлаждающий эффект», является неопределенность в отношении того, как ключевые игроки, прежде всего Соединенные Штаты, будут выстраивать свою санкционную политику. Например, фактором, оказавшим крайне деструктивное влияние на гуманитарную деятельность в Сирии, стало принятие США «Закона Цезаря»³¹ [см., например: U.S. and European sanctions on Syria, 2020; Walker, 2021]. В качестве еще одного примера можно привести ситуацию вокруг Афганистана. Так, через 4 месяца после принятия СБ ООН в декабре 2021 г. гуманитарного изъятия из режима санкций в отношении «Талибана»³² эксперты ООН по правам человека с тревогой отмечали, что в Афганистане не удалось достигнуть значительного увеличения финансовых потоков в гуманитарных целях. Ключевыми причинами этого эксперты назвали «чрезмерное соблюдение» санкций банками и, собственно, односторонние ограничительные меры США, поэтому в ответ на блокировку Соединенными Штатами активов Центрального банка Афганистана они призвали «отменить эту одностороннюю меру и внести решительный вклад в международные усилия по преодолению нарастающего гуманитарного кризиса в Афганистане»³³.

Афганский кейс также показывает, что даже в ситуациях, когда деятельность разрешена соответствующими исключениями, гуманитарные организации и финансовые учреждения могут не иметь о них четкого представления и воздерживаться от проведения операций, которые они посчитают рисковыми. Таким образом, важно, чтобы регуляторы выпускали руководства, ответы на часто задаваемые вопросы, тем самым позволяя облегчить деятельность гуманитарных организаций, блуждающих в лабиринтах санкционных правил и исключений.

³¹ «Закон Цезаря» («Закон о защите гражданского населения Сирии»), вступивший в силу в 2020 г., позволяет США вводить санкции в отношении лиц, оказывающих прямую или косвенную поддержку правительству Сирии, а также подконтрольным ему организациям.

³² Террористическая организация, запрещенная на территории Российской Федерации.

³³ United Nations Human Rights Office of the High Commissioner. Afghanistan: UN experts call on US Government to unblock foreign assets of central bank to ease humanitarian impact. April 25, 2022. Available at: <https://www.ohchr.org/en/press-releases/2022/04/afghanistan-un-experts-call-us-government-unblock-foreign-assets-central> (accessed: 11.07.2023).

Другим фактором, влияющим на доставку гуманитарной помощи, является *распространение культуры «нулевой толерантности к риску» среди доноров*. В частности, они всё чаще включают в соглашения о финансировании ограничительные положения, в соответствии с которыми НПО должны вести соответствующую отчетность, иметь внутренние правила и процедуры должной осмотрительности, предполагающие предварительную проверку контрагента [см. подробнее: Debarre, 2019]. Хотя многие гуманитарные организации уже внедрили строгие механизмы должной осмотрительности, соблюдение санкционных требований обременительно и втягивает их в водоворот значительных затрат. Наибольшую сложность ограничительные требования доноров представляют для более мелких НПО, не обладающих серьезными возможностями для осуществления должной осмотрительности, а также для тех организаций, которые финансируются несколькими донорами.

К тому же подходы государств к определению того, что включает в себя оказание гуманитарной помощи, может существенно разниться, создавая дополнительный комплекс факторов неопределенности для гуманитарных акторов. Более того, реагирование на кризис в подсанкционных странах может потребовать шагов, выходящих за рамки чисто гуманитарной помощи, и включать деятельность типа «гуманитарная помощь плюс» (*humanitarian plus*), «раннее восстановление» и т.д. [см. подробнее: Walker, 2020a, 2020b]. Например, для обеспечения работы медицинских учреждений, реализации проектов водоснабжения и проч. может потребоваться ремонт некоторых элементов местной инфраструктуры, что означает выход за узкие рамки гуманитарной помощи.

Из сказанного следует, что влияние санкций на оказание гуманитарной помощи может быть как прямым, создавая препятствия технического характера в процессе ежедневной доставки помощи, так и косвенным, оказывая деструктивное воздействие на процесс посредством «чрезмерного соблюдения» санкций, распространения культуры «нулевой толерантности к риску». Хотя представленный комплекс проблем не является исчерпывающим, перечисленные препятствия, порожденные санкционными вызовами, в большей или меньшей степени затрудняют оказание гуманитарной помощи и доставку гуманитарных товаров в подсанкционные страны.

Таким образом, на сегодняшний день требуются оптимизация процесса предоставления лицензий, которые в свою очередь должны

охватывать весь спектр деятельности, необходимой для удовлетворения основных человеческих потребностей; сведение к минимуму различий в подходах государств — инициаторов санкций в целях сужения поля для толкований отдельных решений; обеспечение надежных каналов для осуществления денежных переводов и многое другое. Однако решение данных проблем в обозримой перспективе представляется маловероятным, поскольку существует ряд препятствующих этому процессу факторов, часть которых носят политический характер.

Прежде всего, санкции, как односторонние, так и международные, являются политическим инструментом и применяются с учетом внешнеполитических приоритетов вводящих их государств. Как справедливо отмечается в докладе Международного института мира, отдельные государства — члены СБ ООН могут по-разному относиться к санкционным режимам ООН и не быть заинтересованными в том, чтобы сделать их более прозрачными или эффективными. В одних случаях государства могут поднимать вопрос о негативном влиянии рестрикций на оказание гуманитарной помощи, в других — игнорировать эту проблему [Debarre, 2019].

Кроме того, так же, как и введение рестрикций, их смягчение, в том числе посредством применения изъятий по гуманитарным соображениям, и снятие могут использоваться субъектами санкций для достижения широкого спектра политических целей. Интересным представляется выпущенный в 2021 г. Центром Картера доклад, посвященный рассмотрению различных подходов к смягчению санкций, который показывает, что ослабление ограничительных мер может гибко применяться для решения их инициаторами целого ряда различных политических проблем [Hudáková et al., 2021]. Представляется, что введение гуманитарных исключений также может выполнять сигнальную функцию, т.е. выступать средством коммуникации государства-субъекта со страной-мишенью, другими членами международного сообщества, быть адресованным внутренней аудитории и т.д.

Резолюция Совета Безопасности ООН № 2664 и перспективы преодоления гуманитарных последствий санкций

На современном этапе взаимодействие между гуманитарным сообществом и государствами в поиске способов минимизировать гуманитарные последствия точечных санкций и избежать их не-

гитивного воздействия на оказание помощи привело к принятию 9 декабря 2022 г. Советом Безопасности ООН резолюции № 2664³⁴. Документ был вынесен на голосование Ирландией, обозначившей устранение неблагоприятных гуманитарных последствий санкций одной из целей своего членства в Совете³⁵, и США. Резолюция получила 14 голосов государств — членов СБ ООН, Индия воздержалась.

В документе подчеркивается, что санкции не преследуют цели создания неблагоприятных последствий для гражданского населения или для гуманитарной деятельности в целом, а также не должны противоречить нормам международного права, включая международное гуманитарное право. Согласно резолюции предоставление товаров и услуг, необходимых для оказания гуманитарной помощи или «для содействия осуществлению других видов деятельности, способствующих удовлетворению основных человеческих потребностей, <...> разрешается и не является нарушением мер по замораживанию активов, введенных Советом или его комитетами по санкциям»³⁶. Иными словами, данная резолюция вводит стандартизированное гуманитарное исключение из положений о замораживании активов, утвержденных СБ ООН или его комитетами по санкциям. Данное исключение «применяется в отношении всех будущих мер по замораживанию активов, введенных или возобновленных Советом»³⁷.

Таким образом, резолюция расширяет возможности гуманитарных организаций по оказанию помощи населению стран, затронутых санкциями ООН³⁸. В то же время введенное гуманитарное изъятие оживляет алармистские настроения по поводу расширения пространства для манипулирования помощью, которые разделяются многими политиками и экспертами. В частности, именно обесп-

³⁴ Совет Безопасности ООН. Резолюция 2664 (2022). S/RES/2664 (2022). 09.12.2022. Доступ: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/736/77/PDF/N2273677.pdf?OpenElement> (дата обращения: 11.07.2021).

³⁵ Gillard E.-C. Humanitarian exceptions: A turning point in UN sanctions // Chatham House. 20.12.2022. Available at: <https://www.chathamhouse.org/2022/12/humanitarian-exceptions-turning-point-un-sanctions> (accessed: 11.07.2023).

³⁶ Совет Безопасности ООН. Резолюция 2664 (2022). S/RES/2664 (2022). 09.12.2022. Доступ: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/736/77/PDF/N2273677.pdf?OpenElement> (дата обращения: 11.07.2021).

³⁷ Там же.

³⁸ Прежде в санкционных режимах ООН не было стандартизированных исключений по гуманитарным соображениям, в ряде случаев изъятия вовсе отсутствовали.

коенность по поводу того, что данное исключение может увеличить риски захвата или перенаправления средств подсанкционным лицам, использования помощи террористическими группами для сбора средств и вербовки боевиков, определила позицию Индии при голосовании.

Так, объясняя свое отношение к резолюции, представитель Индии³⁹ в ООН Р. Камбой сослалась на примеры нескольких пакистанских террористических групп, под видом гуманитарных организаций «осуществляющих сбор средств для финансирования терроризма и вербовку боевиков», тем самым «издеваясь над санкционными режимами»⁴⁰. Данные опасения в определенной мере нашли отражение в той части резолюции, где отмечается необходимость «прилагать разумные усилия» для сведения к минимуму вероятности прямой или косвенной передачи подсанкционным лицам и организациям средств и ресурсов путем укрепления стратегий и процедур управления рисками и должной осмотрительности⁴¹.

Данная резолюция, безусловно, может стать позитивным толчком к смягчению «чрезмерного соблюдения» санкционных предписаний со стороны банков, компаний и других вовлеченных акторов, что поспособствует гуманитарной деятельности, однако не является панацеей.

Прежде всего, она касается только мер по замораживанию активов. Безусловно, данная рестрикция является ключевым сдерживающим фактором для гуманитарных организаций, однако другие ограничения, в числе которых торговые санкции, эмбарго на поставки вооружений, также могут прямо или опосредованно препятствовать гуманитарной деятельности.

³⁹ Причем в последние годы в СБ ООН между Индией и Китаем неоднократно возникали разногласия по поводу включения тех или иных лиц, преимущественно базирующихся в Пакистане, в санкционный список в качестве террористов, поскольку это блокировалось Пекином.

⁴⁰ United Nations Meeting Coverage and Press Releases. Adopting Resolution 2664 (2022), Security Council Approves Humanitarian Exemption to Asset Freeze Measures Imposed by United Nations Sanctions Regimes. December 9, 2022. Available at: <https://press.un.org/en/2022/sc15134.doc.htm> (accessed: 11.07.2023); India abstains from UNSC vote on humanitarian aid exemption for sanctioned regimes // Statecraft. 12.12.2022. Available at: <https://www.statecraft.co.in/article/india-abstains-from-unscc-vote-on-humanitarian-aid-exemption-for-sanctioned-regimes> (accessed: 11.07.2023).

⁴¹ Совет Безопасности ООН. Резолюция 2664 (2022). S/RES/2664 (2022). 09.12.2022. Доступ: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/736/77/PDF/N2273677.pdf?OpenElement> (дата обращения: 11.07.2023).

Кроме того, серьезным фактором неопределенности и риска для гуманитарных организаций остаются масштабно применяемые односторонние ограничительные меры, в том числе вторичные санкции, на которые исключения в соответствии с резолюцией СБ ООН № 2664 не распространяются. В ходе обсуждения резолюции именно эти опасения выражали Россия и Китай⁴². Западные эксперты, хотя и усмотрели корыстные мотивы в подобной позиции Москвы и Пекина, поскольку оба государства являются объектами западных санкций, тем не менее признали тот факт, что ключевые вызовы для гуманитарной деятельности исходят преимущественно от односторонних рестрикций [Crystal, 2023]. Последнее обстоятельство подчеркивали и представители гуманитарного сообщества. В частности, президент Международного Комитета Красного Креста (МККК) М. Сполярнич отмечала, что «независимо от того, являются ли санкции международными или односторонними по своему происхождению, их влияние на гуманитарную деятельность не различается»⁴³.

Тем не менее с уверенностью можно утверждать, что принятие резолюции СБ ООН № 2664 является большим шагом вперед на пути к решению проблемы влияния санкций на оказание гуманитарной помощи. Ее значение если не сопоставимо с моментом парадигмального перехода СБ ООН от всеобъемлющих к «умным» санкциям, то, по крайней мере в нынешних условиях, очень велико. Данная резолюция, ставшая реакцией на многолетние призывы гуманитарных организаций, гражданского общества, отдельных государств и представителей научного сообщества снизить деструктивное влияние санкций на осуществление гуманитарной деятельности, позволит если не решить проблему полностью, то хотя бы снизить градус ее остроты. Впрочем, опять следует оговориться, что эффективность резолюции зависит от характера ее реализации, т.е. от того, как она отразится на внутреннем законодательстве и практике государств — членов ООН.

Первыми движение к обозначенным в резолюции ориентирам начали США. 20 декабря OFAC выпустило генеральные лицензии

⁴² United Nations Meeting Coverage and Press Releases. Adopting Resolution 2664 (2022), Security Council Approves Humanitarian Exemption to Asset Freeze Measures Imposed by United Nations Sanctions Regimes. December 9, 2022. Available at: <https://press.un.org/en/2022/sc15134.doc.htm> (accessed: 11.07.2023).

⁴³ ICRC President: 'The humanitarian carveouts have allowed people to benefit from life-saving assistance' // International Committee of the Red Cross. 24.05.2023. Available at: <https://www.icrc.org/en/document/humanitarian-carveouts-un-sanctions-implementation-unscl-resolution2664?ysclid=llh1u1nzze313369236> (accessed: 11.07.2023).

и внесло поправки в имеющиеся (*general licenses*, GLs), чтобы облегчить доставку «законной гуманитарной помощи» и обеспечить основу для выдачи разрешений на ее предоставление в рамках большинства санкционных режимов США⁴⁴. Одновременно ОФАС подготовило четыре набора ответов на часто задаваемые вопросы, в которых описаны масштаб разрешенной гуманитарной поддержки и ожидания Управления в отношении должной осмотрительности, а также содержатся дополнительные рекомендации для финансовых учреждений, содействующих деятельности НПО⁴⁵. В связи с этим заместитель министра финансов США У. Адейемо с гордостью отметил, что Соединенные Штаты стали первой страной, выдавшей разрешение и инструкции по его применению в рамках санкционных программ, подчеркнув, что «предоставление гуманитарной помощи для облегчения страданий уязвимых слоев населения занимает центральное место в наших американских ценностях». По его словам, действия США отражают приверженность страны обеспечению того, чтобы гуманитарная помощь и связанная с ней торговля продолжали осуществляться по законным и прозрачным каналам, а таргетированные санкции оставались важным внешнеполитическим инструментом Вашингтона⁴⁶.

Это вписывается в обозначенный Белым домом еще в 2021 г. подход по пересмотру санкционной политики США⁴⁷, центральной идеей которого было повышение эффективности американских санкций при одновременном снижении политических, экономических и гуманитарных издержек от их применения. В обзоре

⁴⁴ U.S. Department of the Treasury. Treasury Implements Historic Humanitarian Sanctions Exceptions. December 20, 2022. Available at: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/jy1175> (accessed: 11.07.2023).

⁴⁵ Ibidem.

⁴⁶ Ibidem.

⁴⁷ С приходом к власти администрация Дж. Байдена обозначила намерение внести корректировки в санкционную политику США, сделав ее менее жесткой, более последовательной и гибкой, в том числе за счет проявления толерантности к мнению американских союзников, чьи интересы при Д. Трампе игнорировались, и координации действий с ними. См.: Biden will keep using U.S. sanctions weapon but with sharper aim // Reuters. 16.12.2020. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-usa-sanctions-insight/biden-will-keep-using-u-s-sanctions-weapon-but-with-sharper-aim-sources-idUSKBN28Q1CV> (accessed: 11.07.2023). К этому призывали как отдельные американские политики, так и яркие представители научного сообщества, в числе которых Д. Дрезнер, Дж. Шотт и др. [Drezner, 2021; Schott, 2021].

санкционной политики США за 2021 г., подготовленном ОФАС, Министерство финансов подчеркивало важность калибровки санкций для смягчения «непреднамеренных гуманитарных последствий», в том числе посредством введения или упорядочивания гуманитарных исключений в рамках санкционных программ. Эти усилия Соединенных Штатов были призваны продемонстрировать миру, что «предоставление законной гуманитарной помощи отражает американские ценности»⁴⁸. В связи с этим коспонсорство США по резолюции СБ ООН № 2664 представляется логичным шагом по продвижению данной повестки на международном уровне и способом демонстрации своего лидерства в этом вопросе.

В свою очередь в начале 2023 г. уже ряд других субъектов санкций, в числе которых и Европейский союз, приняли аналогичные меры по осуществлению резолюции. 14 февраля Совет ЕС внес поправки в некоторые общие позиции и регламенты, касающиеся ограничительных мер, с целью включить положения об исключении по гуманитарным соображениям⁴⁹. 31 марта Совет ЕС принял решение изменить в соответствии с резолюцией СБ ООН № 2664 несколько актов, касающихся рестриктивных мер, тем самым завершив введение исключения в 14 санкционных режимов ООН, перенесенных в законодательство Евросоюза. Данное исключение также будет распространяться на автономные списки ЕС, введенные в дополнение к назначениям ООН, что позволит гуманитарным операторам воспользоваться исключением, «не делая различий между списками ЕС и ООН»⁵⁰.

⁴⁸ U.S. Department of the Treasury. The Treasury 2021 Review. October 2021. Available at: <https://home.treasury.gov/system/files/136/Treasury-2021-sanctions-review.pdf> (accessed: 11.07.2023).

⁴⁹ Official Journal of the European Union. Council Decision (CFSP) 2023/338 of 14 February 2023 amending certain Council decisions and common positions concerning restrictive measures in order to insert provisions on a humanitarian exemption. L 47/50. 15.2.2023. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dec/2023/338> (accessed: 11.07.2023); Official Journal of the European Union. Council Regulation (EU) 2023/331 of 14 February 2023 amending certain Council regulations concerning restrictive measures in order to insert provisions on a humanitarian exemption. L 47/1. 15.2.2023. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32023R0331&from=EN> (accessed: 11.07.2023).

⁵⁰ Council of the EU. Humanitarian action: EU introduces exemptions to sanctions to facilitate the delivery of assistance. March 31, 2023. Available at: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2023/03/31/humanitarian-action-eu-introduces-exemptions-to-sanctions-to-facilitate-the-delivery-of-assistance/> (accessed: 11.07.2023).

При этом, хотя резолюция СБ ООН № 2664 и устраняет некоторые препятствия для оказания гуманитарной помощи, целый ряд конъюнктурных вопросов, с которыми в настоящий момент сталкиваются доноры и гуманитарные организации, остаются без ответа. Прежде всего, следует отметить, что параллельно с увеличением потребности в гуманитарной помощи во многих странах растет дефицит финансирования гуманитарного сектора. В 2022 г. должностные лица ООН констатировали рекордную нехватку финансирования средств на осуществление соответствующих программ. По оценкам организации, к концу 2022 г. порядка 222 млн человек нуждались в чрезвычайной гуманитарной помощи, в 2023 г. их число составит 339 млн человек, треть которых проживает в странах, находящихся под санкциями ООН⁵¹. В условиях роста конфликтности, эпидемиологических вызовов, изменения климата представляется маловероятным в краткосрочной перспективе сломить этот негативный тренд. Кроме того, по-прежнему в ряде подсанкционных государств существуют проблемы с обеспечением гуманитарного доступа в отдельные районы, риски манипулирования и политизации помощи.

Примечательно, что в самой резолюции СБ ООН № 2664 признается наличие проблем в этой сфере, а Генеральному секретарю поручается в течение 9 месяцев после ее принятия представить доклад о непреднамеренных негативных гуманитарных последствиях введенных Советом Безопасности санкций, включив в него рекомендации относительно способов их смягчения, в том числе путем введения дополнительных постоянных исключений⁵². Представляется, что обнародование этого доклада в 2023 г. даст новый импульс для дискуссий о том, как свести к минимуму гуманитарные последствия санкций и защитить уязвимые группы населения, а также к принятию реальных мер в этом направлении. При благоприятном раскладе данное решение должно стать не разовым жестом доброй воли, а одним из шагов на пути к системному решению проблем осуществления гуманитарной деятельности в странах, ставших объектами санкций.

⁵¹ UN launches record \$51.5 billion humanitarian appeal for 2023 // OCHA. 01.12.2022. Available at: <https://www.unocha.org/news/un-launches-record-515-billion-humanitarian-appeal-2023> (accessed: 11.07.2023).

⁵² Совет Безопасности ООН. Резолюция 2664 (2022). S/RES/2664 (2022). 09.12.2022. Доступ: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N22/736/77/PDF/N2273677.pdf?OpenElement> (дата обращения: 11.07.2023).

Спустя более чем два десятилетия с момента перехода от всеобъемлющих к «умным» санкциям можно с уверенностью утверждать, что преодолеть или существенно смягчить их негативные гуманитарные последствия для населения подсанкционных государств, несмотря на принятые международным сообществом меры, не удалось. Санкции по-прежнему влекут за собой нарушения фундаментальных прав человека, прямо и опосредованно препятствуют оказанию гуманитарной помощи нуждающимся. Применение гуманитарных исключений также не позволяет полностью избежать деструктивного воздействия ограничительных мер на доставку помощи и коммерческие поставки продовольствия и медикаментов, поскольку сохраняются серьезные проблемы с точки зрения того, как механизмы изъятий реализуются на практике. Тем не менее решение этих проблем в обозримой перспективе представляется маловероятным, поскольку наряду со сложностями технического характера, связанными в том числе с различиями в подходах стран — инициаторов санкций к применению ограничительных мер и гуманитарных исключений из них, остаются чисто политические дилеммы.

Очевидно, что внешнеполитические приоритеты государств нередко преобладают над гуманитарными императивами, поэтому о снятии санкций из соображений снижения давления на уязвимые слои населения, несмотря на многочисленные призывы к этому со стороны многих политиков, экспертов и представителей гражданского общества, говорить не приходится, причем даже в условиях чрезвычайных ситуаций, как, к примеру, в период пандемии COVID-19. В то же время между государствами, международными организациями, НПО, научным сообществом сложился консенсус по вопросу о том, что необходимо продолжить совместные усилия в поисках способов минимизации деструктивного воздействия санкций на гуманитарную работу.

В этой связи столь значимый шаг, как принятие широкого стандартизированного гуманитарного исключения Советом Безопасности ООН, стал важным сигналом для всех вовлеченных в данный процесс акторов о международной поддержке усилий по обеспечению эффективной доставки гуманитарной помощи. Кроме того, это позволяет смягчить расхожие обвинения в сторону международных организаций и отдельных государств в бездействии перед лицом острейших гуманитарных вызовов. Однако по-прежнему сохраняет

остроту проблема масштабного применения односторонних ограничительных мер, которые являются ключевым вызовом для гуманитарных организаций и на которые исключения в соответствии с резолюцией СБ ООН № 2664 не распространяются.

Таким образом, хотя потенциал и пространство для выработки решений проблемы негативных гуманитарных последствий санкций остаются, государства пока не демонстрируют высокой готовности к их принятию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агеева А.Ф. Гуманитарные последствия всеобъемлющих санкций // Проблемы теории и практики управления. 2022. № 2. С. 20–37.

2. Арапова Е.Я., Кудинов А.С. Особенности санкционного регулирования в США, ЕС и Великобритании: сравнительный анализ // Полис. Политические исследования. 2022. № 6. С. 151–165. DOI: 10.17976/jpps/2022.06.11.

3. Бартенев В.И. Влияние санкционного давления на продовольственную безопасность: традиционные и новые измерения // Пути к миру и безопасности. 2022. № 2 (63). С. 11–37. DOI: 10.20542/2307-1494-2022-2-11-37.

4. Бартенев В.И. Международная помощь и санкционное давление: геометрия взаимного влияния // Полис. Политические исследования. 2022. Т. 31. № 6. С. 23–37. DOI: 10.17976/jpps/2022.06.03.

5. Матвеев И.А. Политэкономическая модель урегулирования ситуации в Сирии в контексте украинского конфликта: рабочая тетрадь № 67/2022. Российский совет по международным делам (РСМД). М.: РСМД, 2022.

6. Оганисян Л.Д. ЕС и страны Ближнего и Среднего Востока: землетрясения в Турции и Сирии и эскалация в зоне палестино-израильского конфликта // Европейский союз: факты и комментарии. Дек. 2022 г. — февр. 2023 г. № 111. С. 118–123. DOI: 10.15211/eufacts12023118123.

7. Тимофеев И.Н. Политика санкций Британии: институциональные механизмы и российское направление // Современная Европа. 2022. № 4. С. 22–36. DOI: 10.31857/S0201708322040027.

8. Тимофеев И.Н. Санкции вместо дипломатии? // Россия в глобальной политике. 07.03.2022. Доступ: <https://globalaffairs.ru/articles/sankczii-vmesto-diplomatii/> (дата обращения: 01.08.2023).

9. Тимофеев И.Н. COVID-19 и политика санкций: опыт ивент-анализа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2020. Т. 13. № 4. С. 449–464. DOI: 10.21638/spbu06.2020.402.

10. Azar N. Navigating humanitarian exceptions to sanctions against Syria. Challenges and recommendations. The Carter Center, 2020.

11. Biersteker T., Eckert S., Halegua A., Romaniuk P. Consensus from the bottom up? Assessing the influence of the sanctions reform process // Interna-

tional sanctions: Between war and words in the international system / Ed. by P. Wallensteen, C. Staibano. London: Routledge, 2005. P. 15–30.

12. Breen E. Corporations and US economic sanctions: The dangers of over-compliance // *Research handbook on unilateral and extraterritorial sanctions* / Ed. by C. Beaucillon. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2021. P. 256–269.

13. Brockmann K., Preble K.A. Mitigating humanitarian impact in a complex sanctions environments. The European Union and the sanctions regimes against Iran. SIPRI, 2021.

14. Bruderlein C. Coping with the humanitarian impact of sanctions: An OCHA perspective. OCHA, 1998.

15. Carter B.E. International economic sanctions: Improving the haphazard U.S. legal regime // *California Law Review*. 1987. Vol. 75. No. 4. P. 1153–1278.

16. Craven M. Humanitarianism and the quest for smarter sanctions // *European Journal of International Law*. 2002. No. 13. No. 1. P. 43–61. DOI: 10.1093/ejil/13.1.43.

17. Crystal C. Landmark UN Humanitarian Sanctions Exemption is a massive win but needs more support // *Carnegie Endowment for International Peace*. 20.03.2023. Available at: <https://carnegieendowment.org/2023/03/20/landmark-un-humanitarian-sanctions-exemption-is-massive-win-but-needs-more-support-pub-89311> (accessed: 01.08.2023).

18. Debarre A. Safeguarding humanitarian action in sanctions regimes. International Peace Institute, 2019.

19. Drezner D.W. Sanctions sometimes smart: Targeted sanctions in theory and practice // *International Studies Review*. 2011. Vol. 13. No. 1. P. 96–108. DOI: 10.1111/j.1468-2486.2010.01001.x.

20. Drezner D.W. The United States of sanctions. The use and abuse of economic coercion // *Foreign Affairs*. September/October 2021. Vol. 100. No. 5. P. 142–154.

21. Fazio A., Reggiani T., Sabatini F. The political cost of sanctions: Evidence from COVID-19 // *Health policy*. 2022. Vol. 126. No. 9. P. 872–878. DOI: 10.1016/j.healthpol.2022.06.008.

22. Ferraro T. International humanitarian law, principled humanitarian action, counterterrorism and sanctions: Some perspectives on selected issues // *International Review of the Red Cross*. 2021. Vol. 103. No. 916–917. P. 109–155. DOI: 10.1017/S1816383121000965.

23. Giumelli F. The purposes of targeted sanctions // *Targeted sanctions. The impacts and effectiveness of United Nations action* / Ed. by T. Beirsteker, S. Eckert, M. Tourihno. New York: Cambridge University Press, 2016. P. 38–59.

24. Gordon J. The invisibility of human harm: How smart sanctions consumed all the oxygen in the room // *Social Research*. 2015. Vol. 82. No. 4. P. 863–874. DOI: 10.1353/sor.2015.0060.

25. Gordon J. Smart sanctions revisited // *Ethics & International Affairs*. 2011. Vol. 25. No. 3. P. 315–335. DOI: 10.1017/S0892679411000323.
26. Haass R.N. Sanctioning madness // *Foreign Affairs*. 1997. Vol. 76. No. 6. P. 74–85.
27. Hausmann P., Pearson E., Liechti M. Assessing the impact of sanctions on humanitarian work. Geneva Graduate Institute, 2022.
28. Hudáková Z., Biersteker T., Moret E. Sanctions relaxation and conflict resolution lessons from past sanctions regimes. The Carter Center, 2021.
29. Hufbauer G., Shott J., Elliott K., Oegg B. Economic sanctions reconsidered. 3rd ed. Peterson Institute for International Economics, 2009.
30. Huvé S., Brubaker R. Humanitarian exemptions in UN sanctions regimes. UN sanctions and humanitarian action policy memo 3/4. United Nations University. Center for Policy Research, 2022.
31. Huvé S., Brubaker R., Day A., Hudáková Z. Enforcing UN sanctions and protecting humanitarian action. Towards a coherent and consistent approach. United Nations University, Center for Policy Research, 2022.
32. Marks S.P. Economic sanctions as human rights violations: Reconciling political and public health imperatives // *American Journal of Public Health*. 1999. Vol. 89. No. 10. P. 1509–1513.
33. Moret E.S. Barriers to Afghanistan's critical private sector recovery. Norwegian Refugee Council, 2023.
34. Moret E.S. Humanitarian impacts of economic sanctions on Iran and Syria // *European Security*. 2014. Vol. 24. No. 1. P. 120–140. DOI: 10.1080/09662839.2014.8934.
35. Müller J., Müller K. Sanctions of mass destruction // *Foreign Affairs*. 1999. Vol. 78. No. 3. P. 43–53.
36. Peksen D. When do imposed economic sanctions work? A critical review of the sanctions effectiveness literature // *Defence and Peace Economics*. 2019. P. 1–12. DOI: 10.1080/10242694.2019.1625.
37. Schott J.J. Raising a caution flag on US financial sanctions against China. Peterson Institute for International Economics, 2021.
38. Smart sanctions: Targeting economic statecraft / Ed. by D. Cortright, G. López. New York: Rowman & Littlefield Publishers, 2002.
39. Thompson E. Technical assessment. Humanitarian use of Hawala in Syria. Beechwood International, 2015.
40. Tostensen A., Bull B. Are smart sanctions feasible? // *World Politics*. 2002. Vol. 54. No. 3. P. 373–403.
41. U.S. and European sanctions on Syria. The Carter Center, 2020.
42. Walker J. Navigating humanitarian exceptions regarding international sanctions. Pt. 1: Challenges, opportunities, and realities for the COVID-19 pandemic response. ACAMS, 2020.

43. Walker J. The public policy of sanctions compliance: A need for collective and coordinated international action // *International Review of the Red Cross*. 2021. Vol. 103. No. 916–917. P. 705–716. DOI: 10.1017/S181638312100093X.

44. Walker J. Risk management principles guide for sending humanitarian funds into Syria and similar high-risk jurisdictions. ACAMS, 2020.

45. Weiss T.G. Sanctions as a foreign policy tool: Weighing humanitarian impulses // *Journal of Peace Research*. 1999. Vol. 36. No. 5. P. 499–509.

REFERENCES

1. Ageeva A.F. 2022. Gumanitarnye posledstviya vseob'emlyushchikh sanktsii [The humanitarian impact of comprehensive sanctions]. *Problemy teorii i praktiki upravleniya*, no. 2, pp. 20–37. (In Russ.)

2. Arapova E.Ya., Kudinov A.S. 2022. Osobennosti sanktsionnogo regulirovaniya v SShA, ES i Velikobritanii: sravnitel'nyi analiz [International sanctions legislation in the U.S., EU and UK: A comparative study]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, no. 6, pp. 151–165. DOI: 10.17976/jpps/2022.06.11. (In Russ.)

3. Bartenev V.I. 2022a. Vliyanie sanktsionnogo davleniya na proizvod'stvennyu bezopasnost': traditsionnye i novye izmereniya [The impact of sanctions on food security: Traditional and new dimensions]. *Puti k miru i bezopasnosti*, no. 2 (63), pp. 11–37. DOI: 10.20542/2307-1494-2022-2-11-37. (In Russ.)

4. Bartenev V.I. 2022b. Mezhdunarodnaya pomoshch' i sanktsionnoe davlenie: geometriya vzaimnogo vliyaniya [International assistance and sanctions pressure: Geometry of interlinkages]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, vol. 31, no. 6, pp. 23–37. DOI: 10.17976/jpps/2022.06.03. (In Russ.)

5. Matveev I.A. 2022. *Politekonomicheskaya model' uregulirovaniya situatsii v Sirii v kontekste ukrainskogo konflikta* [Settling the Syrian conflict amid the Ukrainian crisis: Political economy perspective]. The Russian International Affairs Council. Working paper No. 67/2022. Moscow, RSMD Publ. (In Russ.)

6. Oganisyan L.D. 2023. ES i strany Blizhnego i Srednego Vostoka: zemletryaseniya v Turtsii i Sirii i eskalatsiya v zone palestino-izrail'skogo konflikta [EU and the countries of the Near and Middle East: Earthquakes in Turkey and Syria and escalation in the Palestinian-Israeli conflict zone]. *Evropeiskii soyuz: fakty i kommentarii*, no. 111, pp. 118–123. DOI: 10.15211/eufacts12023118123. (In Russ.)

7. Timofeev I.N. 2022a. Politika sanktsii Britanii: institutsional'nye mekhanizmy i rossiiskoe napravlenie [UK policy of sanctions: Institutional design and the Russian track]. *Sovremennaya Evropa*, no. 4, pp. 22–36. DOI: 10.31857/S0201708322040027. (In Russ.)

8. Timofeev I.N. 2022b. Sanktsii vmesto diplomatii? [Sanctions instead of diplomacy?]. *Russia in Global Affairs*. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/sankczii-vmesto-diplomatii/> (accessed: 01.08.2023). (In Russ.)

9. Timofeev I.N. 2020. COVID-19 i politika sanktsii: opyt ivent-analiza [COVID-19 and the policy of sanctions: An event analysis]. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, vol. 13, no. 4, pp. 449–464. DOI: 10.21638/spbu06.2020.402. (In Russ.)

10. Azar N. 2020. *Navigating humanitarian exceptions to sanctions against Syria. Challenges and recommendations*. The Carter Center.

11. Biersteker T., Eckert S., Halegua A., Romaniuk P. 2005. Consensus from the bottom up? Assessing the influence of the sanctions reform process. In: Wallenstein P., Staibano C. (eds.). *International sanctions: Between war and words in the international system*. London, Routledge, pp. 15–30.

12. Breen E. 2021. Corporations and US economic sanctions: The dangers of overcompliance. In: Beaucillon C. (ed.). *Research handbook on unilateral and extraterritorial sanctions*. Cheltenham, Edward Elgar Publishing, pp. 256–269.

13. Brockmann K., Preble K.A. 2021. *Mitigating humanitarian impact in a complex sanctions environments. The European Union and the sanctions regimes against Iran*. SIPRI.

14. Bruderlein C. 1998. *Coping with the humanitarian impact of sanctions: An OCHA perspective*. OCHA.

15. Carter B.E. 1987. International economic sanctions: Improving the haphazard U.S. legal regime. *California Law Review*, vol. 75, no. 4, pp. 1153–1278.

16. Craven M. 2002. Humanitarianism and the quest for smarter sanctions. *European Journal of International Law*, no. 13 (1), pp. 43–61. DOI: 10.1093/ejil/13.1.43.

17. Crystal C. 2023. Landmark UN Humanitarian Sanctions Exemption is a massive win but needs more support. *Carnegie Endowment for International Peace*. Available at: <https://carnegieendowment.org/2023/03/20/landmark-un-humanitarian-sanctions-exemption-is-massive-win-but-needs-more-support-pub-89311> (accessed: 01.08.2023).

18. Debarre A. 2019. *Safeguarding humanitarian action in sanctions regimes*. International Peace Institute.

19. Drezner D.W. 2011. Sanctions sometimes smart: Targeted sanctions in theory and practice. *International Studies Review*, vol. 13, no. 1, pp. 96–108. DOI: 10.1111/j.1468-2486.2010.01001.x.

20. Drezner D.W. 2021. The United States of sanctions. The use and abuse of economic coercion. *Foreign Affairs*, vol. 100, no. 5, pp. 142–154.

21. Fazio A., Reggiani T., Sabatini F. 2022. The political cost of sanctions: Evidence from COVID-19. *Health Policy*, vol. 126, no. 9, pp. 872–878. DOI: 10.1016/j.healthpol.2022.06.008.

22. Ferraro T. 2021. International humanitarian law, principled humanitarian action, counterterrorism and sanctions: Some perspectives on selected issues. *International Review of the Red Cross*, vol. 103, no. 916–917, pp. 109–155. DOI: 10.1017/S1816383121000965.

23. Giumelli F. 2016. The purposes of targeted sanctions. In: Beirsteker T., Eckert S., Tourihno M. (eds.). *Targeted sanctions. The impacts and effectiveness of United Nations action*. New York, Cambridge University Press, pp. 38–59.
24. Gordon J. 2015. The invisibility of human harm: How smart sanctions consumed all the oxygen in the room. *Social Research*, vol. 82, no. 4, pp. 863–874. DOI: 10.1353/sor.2015.0060.
25. Gordon J. 2011. Smart sanctions revisited. *Ethics & International Affairs*, vol. 25, no. 3, pp. 315–335. DOI: 10.1017/S0892679411000323.
26. Haass R.N. 1997. Sanctioning madness. *Foreign Affairs*, vol. 76, no. 6, pp. 74–85.
27. Hausmann P., Pearson E., Liechti M. 2022. *Assessing the impact of sanctions on humanitarian work*. Geneva Graduate Institute.
28. Hudáková Z., Biersteker T., Moret E. 2021. *Sanctions relaxation and conflict resolution lessons from past sanctions regimes*. The Carter Center.
29. Hufbauer G., Shott J., Elliott K., Oegg B. 2009. *Economic sanctions reconsidered*. 3rd ed. Peterson Institute for International Economics.
30. Huvé S., Brubaker R. 2022. *Humanitarian exemptions in UN sanctions regimes. UN sanctions and humanitarian action policy memo 3/4*. United Nations University, Center for Policy Research.
31. Huvé S., Brubaker R., Day A., Hudáková Z. 2022. *Enforcing UN sanctions and protecting humanitarian action. Towards a coherent and consistent approach*. United Nations University, Center for Policy Research.
32. Marks S.P. 1999. Economic sanctions as human rights violations: Reconciling political and public health imperatives. *American Journal of Public Health*, vol. 89, no. 10, pp. 1509–1513.
33. Moret E.S. 2023. *Barriers to Afghanistan's critical private sector recovery*. Norwegian Refugee Council.
34. Moret E.S. 2014. Humanitarian impacts of economic sanctions on Iran and Syria. *European Security*, vol. 24, no. 1, pp. 120–140. DOI: 10.1080/09662839.2014.8934.
35. Müller J., Müller K. 1999. Sanctions of mass destruction. *Foreign Affairs*, vol. 78, no. 3, pp. 43–53.
36. Peksen D. 2019. When do imposed economic sanctions work? A critical review of the sanctions effectiveness literature. *Defence and Peace Economics*, pp. 1–12. DOI: 10.1080/10242694.2019.1625.
37. Schott J.J. 2021. *Raising a caution flag on US financial sanctions against China*. Peterson Institute for International Economics.
38. Cortright D., López G. (eds.). 2002. *Smart sanctions: Targeting economic statecraft*. New York, Rowman & Littlefield Publishers.
39. Thompson E. 2015. *Technical assessment. Humanitarian use of Hawala in Syria*. Beechwood International.

40. Tostensen A., Bull B. 2002. Are smart sanctions feasible? *World Politics*, vol. 54, no. 3, pp. 373–403.

41. *U.S. and European Sanctions on Syria*. 2020. The Carter Center.

42. Walker J. 2020a. *Navigating humanitarian exceptions regarding international sanctions. Pt. 1: Challenges, opportunities and realities for the COVID-19 pandemic response*. ACAMS.

43. Walker J. 2021. The public policy of sanctions compliance: A need for collective and coordinated international action. *International Review of the Red Cross*, vol. 103, no. 916–917, pp. 705–716. DOI: 10.1017/S181638312100093X.

44. Walker J. 2020b. *Risk management principles guide for sending humanitarian funds into Syria and similar high-risk jurisdictions*. ACAMS.

45. Weiss T.G. 1999. Sanctions as a foreign policy tool: Weighing humanitarian impulses. *Journal of Peace Research*, vol. 36, no. 5, pp. 499–509.

Статья поступила в редакцию 03.07.2023; одобрена после рецензирования
23.08.2023; принята к публикации 21.09.2023

The paper was submitted 03.07.2023; approved after reviewing 23.08.2023;
accepted for publication 21.09.2023

В.И. Батюк*

ПОДХОДЫ США К СДЕРЖИВАНИЮ РОССИИ И КИТАЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ДОКУМЕНТОВ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ АДМИНИСТРАЦИИ ДЖ. БАЙДЕНА)

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт Соединенных Штатов Америки и Канады
Российской академии наук»
123995, Москва, Хлебный пер., 2/3*

Современный мировой порядок стремительно меняется, что выражается, в частности, в нарастающей эрозии глобального американского военного превосходства. Это обстоятельство признается и в американских документах военно-стратегического и политического планирования. Особую обеспокоенность американских правящих элит вызывает усиление военного потенциала Российской Федерации и КНР, подкрепляемое расширением политического и экономического сотрудничества между ними. В то же время признание проблемы не означает ее корректной оценки. Анализ ключевых стратегических документов, изданных в последние годы, позволяет заключить, что если с политико-военной точки зрения американские стратеги формулируют в целом рациональный перечень мер, направленных на противодействие России и КНР, то с точки зрения идеологии в них продолжают господствовать жесткие либерально-гегемонистские установки, которые всё меньше отвечают современным международно-политическим реалиям. Так, высокой степенью преемственности характеризуется политика администраций Д. Трампа и Дж. Байдена по отношению к Китаю. Основную роль в его сдерживании должна сыграть система военно-политических союзов со странами Юго-Восточной и Южной Азии, расположенными по периметру границ КНР. В дополнение к унаследованным со времен холодной войны альянсам администрация Дж. Байдена стремится развивать новые «блоковые структуры» в Индо-Тихоокеанском регионе, в частности Четырехсторонний диалог по вопросам безопасности (QUAD). Однако далеко не все страны региона, в частности

* Батюк Владимир Игоревич — доктор исторических наук, руководитель Центра военно-политических исследований Института США и Канады РАН (ИСКРАН) (e-mail: ctas@inbox.ru; ORCID: 0000-0003-1838-8616).

Индия, поддерживают антикитайскую направленность американских инициатив. Отношения Вашингтона с Москвой резко ухудшились после начала специальной военной операции на Украине, но и до нее США сталкивались с серьезными проблемами в поддержании стратегического паритета с Российской Федерацией. Автор подчеркивает, что речь идет прежде всего не о количественной, а о качественной стороне проблемы: по признанию американских военных стратегов, Россия добилась значительных успехов в модернизации своих стратегических ядерных сил и разработке принципиально новых типов ядерных носителей. При этом подходы администрации Дж. Байдена к выстраиванию отношений с РФ отличаются не меньшей идеологизированностью, чем в случае с КНР, что делает перспективы возобновления российско-американских (а в идеале — трехсторонних российско-американо-китайских) переговоров по ограничению стратегических вооружений крайне туманными. Возникает вопрос, в какой мере эта идеологизированность внешнеполитических установок администрации Дж. Байдена отвечает новым международным реалиям и стратегическим интересам самих США.

Ключевые слова: военно-политическая стратегия, военная стратегия, стратегия национальной безопасности, стратегия национальной обороны, национальная военная стратегия, обзор ядерной политики, стратегическая стабильность, ревизионистские державы, США, КНР, Россия, стратегический треугольник, Дж. Байден

Для цитирования: Батюк В.И. Подходы США к сдерживанию России и Китая (по материалам документов стратегического планирования администрации Дж. Байдена) // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2023. Т. 15. № 2. С. 153–183. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-1-153-183.

Vladimir I. Batyuk

US DETERRENCE AGAINST RUSSIA AND CHINA (BASED ON STRATEGIC DOCUMENTS OF J. BIDEN ADMINISTRATION)

*Institute for the US and Canadian Studies,
Russian Academy of Sciences
2/3 Khlebnii Pereulok, Moscow, 123995*

The contemporary world order is rapidly changing, which is manifested, inter alia, in the growing erosion of the US global military superiority. This trend

is acknowledged in the US military-strategic and policy planning documents. In this context the strengthening of the military potential of both the Russian Federation and the PRC, coupled by the expansion of political and economic cooperation between them, is a matter of particular concern for the US ruling elites. At the same time, recognizing a problem does not mean assessing it correctly. A closer examination of key strategic documents published in recent years shows that if from a political and military point of view, the US strategists come up with a generally rational list of measures aimed at countering the challenge, posed by Russia and China, from an ideological point of view they doggedly follow liberal-hegemonic premises that are increasingly inconsistent with current international political realities. The author notes that the policy of D. Trump and J. Biden administrations towards China is characterized by a high degree of continuity. The main role in containing the PRC should be played by a system of military-political alliances with the countries of Southeast and South Asia located along the perimeter of its borders. In addition to the alliances inherited from the Cold War, the Biden administration is seeking to develop new 'bloc structures' in the Indo-Pacific region, in particular the Quadrilateral Security Dialogue (QUAD). However, not all countries in the region, in particular India, support the anti-Chinese orientation of the US initiatives. Washington's relations with Moscow deteriorated sharply after the start of the special military operation in Ukraine, but even before that, the United States faced serious challenges in maintaining strategic parity with the Russian Federation. This primarily concerns the quantitative, rather than qualitative side of the equation: according to the US military strategists, Russia has made significant progress in modernizing its strategic nuclear forces and developing fundamentally new types of nuclear delivery vehicles. At the same time, the Biden administration's approaches to building relations with Moscow are no less ideological than in the case of the PRC, which makes the prospects for resuming Russian-American (and ideally trilateral Russian-American-Chinese) negotiations on strategic arms control extremely vague. The question arises to what extent this ideologized foreign policy of the Biden administration meets the new international realities and the strategic interests of the United States itself.

Keywords: military-political strategy, military strategy, national security strategy, national defense strategy, national military strategy, nuclear policy review, strategic stability, revisionist powers, USA, China, Russia, strategic triangle, J. Biden

About the author: *Vladimir I. Batyuk* — Doctor of Sciences (History), Head of the Center for Military and Political Studies, Institute for the US and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (e-mail: ctas@inbox.ru; ORCID: 0000-0003-1838-8616).

For citation: Batyuk V.I. 2023. US Deterrence against Russia and China (based on strategic documents of J. Biden administration). *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 15, no. 2, pp. 153–183. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-2-153-183. (In Russ.)

Военная стратегия Соединенных Штатов (Национальная военная стратегия, разрабатывается Объединенным комитетом начальников штабов (ОКНШ); National Military Strategy, NMS) призвана обеспечить достижение военными средствами тех целей, которые поставлены в Стратегии национальной безопасности (СНБ, подготавливается Советом национальной безопасности при президенте США; National Security Strategy, NSS). Соответственно военно-политическая стратегия, или Стратегия национальной безопасности, первична, в то время как военная стратегия меняется в зависимости от изменившихся политических установок СНБ [см. подробнее: Арбатов, 1984; Киссинджер, 2015; Кокошин, 1981; Люттвак, 2021; Рогов, 1989; Трофименко, 1976]. Правда, иногда бывает и так, что военные первыми указывают на перемены в военном балансе, а политическое руководство в дальнейшем вынуждено прислушиваться к мнению Пентагона (где помимо ОКНШ расположено также Министерство обороны США, в задачи которого входит подготовка отличного от NMS документа стратегического планирования — Стратегии национальной обороны (National Defense Strategy, NDS)).

Так, в утвержденной в 2015 г. председателем ОКНШ ВС США Национальной военной стратегии констатировались эрозия глобального американского военного превосходства, а также возникновение вызовов безопасности Соединенных Штатов со стороны враждебных государств¹. В этой связи, как указывалось в документе, главная задача, которая стоит перед американскими военными, — «сдерживать, блокировать и побеждать враждебные государства»².

Эти тенденции к трансформации американской военной и военно-политической стратегий получили дальнейшее развитие при администрации Д. Трампа (2017–2021). Высшее политическое ру-

¹ The National Military Strategy of the United States of America 2015: The United States Military's Contribution to National Security, June 2015 // National Security Strategy Archive. P. i. Available at: https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/2015_National_Military_Strategy.pdf (accessed: 05.07.2023).

² Ibid. P. 5.

ководство США прислушалось к мнению американских военных, выраженному в NMS 2015 г. В СНБ-2017, утвержденной Д. Трампом в декабре 2017 г., среди угроз американской безопасности на первом месте указаны враждебные великие державы: «Китай и Россия бросают вызов американской мощи, влиянию и интересам, пытаются подорвать американскую безопасность и процветание <...>. В то же время диктаторские режимы Корейской Народно-Демократической Республики и Исламской Республики Иран намерены дестабилизировать свои регионы, угрожать американцам и их союзникам и притеснять собственные народы. Транснациональные группы, несущие угрозу, от террористов-джихадистов до международных преступных организаций, предпринимают активные усилия, направленные на нанесение ущерба американцам»³.

Утвержденная 19 января 2018 г. канцелярией министра обороны США Стратегия национальной обороны призвана была конкретизировать цели и задачи СНБ-2017 с точки зрения наиболее общих приоритетов военного планирования. В ней следующим образом определяется характер *военных* угроз Соединенным Штатам: «Центральным вызовом американскому процветанию и безопасности является *восстановление долгосрочного стратегического соперничества* со стороны тех, кого Стратегия национальной безопасности классифицирует как ревизионистские державы. Становится всё более ясно, что Китай и Россия хотят изменить мир в соответствии со своей авторитарной моделью»⁴.

В этой связи в NDS-2018 на первый план поставлено противостояние крупным военным державам, прежде всего КНР и РФ, в меньшей степени — КНДР и Ирану. Что касается террористических группировок и организованной преступности, то борьба с данными вызовами американской национальной безопасности рассматривалась в указанном документе как второстепенная задача.

Авторы NDS-2018 не скрывали тревоги по поводу того, что американские вооруженные силы утрачивают свое некогда неоспо-

³ National Security Strategy of the United States of America, December 2017 // National Security Strategy Archive. P. 3–4. Available at: <http://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/2017.pdf> (accessed: 05.07.2023).

⁴ Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America: Sharpening the American Military's Competitive Edge // U.S. Department of Defense. P. 2. Available at: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf> (accessed: 05.07.2023).

римое и абсолютное превосходство. «На протяжении нескольких десятилетий Соединенные Штаты обладали неоспоримым или внушительным превосходством в любом операционном пространстве, — указывается в Стратегии национальной обороны. — Мы могли размещать наши войска там, где хотим, собирать их там, где хотим, и действовать так, как мы хотим. Сегодня же в любой сфере мы сталкиваемся с противоборством — в воздухе, на земле, на море, в космическом и киберпространствах»⁵.

В целях противостояния этим вызовам американское военно-политическое руководство сочло необходимым осуществить широкомасштабные инвестиции в национальную оборону, чтобы «восстановить боеготовность и обеспечить боевую мощь <...>. Страна должна обладать достаточными и боеготовыми силами для нанесения поражения врагам и достижения таких результатов, которые обеспечат надежную безопасность американскому народу и защиту нашим жизненно важным интересам»⁶.

Для достижения этих целей в NDS-2018 были предусмотрены модернизация ядерных сил, инвестиции в американские силы и средства, предназначенные для проведения операций в космическом и киберпространствах, дальнейшее развитие систем связи, вычислительных устройств, боевого управления, контроля, разведки и рекогносцировки (*command, control, communications, computers and intelligence, surveillance, and reconnaissance* (C4ISR)), развитие систем противоракетной обороны (ПРО), борьба с мобильными боевыми платформами в сфере действия вражеских систем противовоздушной обороны (ПВО) и ПРО, увеличение возможностей американских вооруженных сил по осуществлению маневра и обороны в условиях неприятельского нападения, инвестиции в автономные боевые системы с использованием элементов искусственного интеллекта и, наконец, укрепление устойчивости и надежности боевого снабжения и обеспечения⁷.

В соответствии с этими переменами в американских военно-политической, военной и оборонной стратегиях в Обзоре ядерной политики (ОЯП; Nuclear Posture Review, NPR) 2018 г. предусматривались серьезные новации в ядерной политике США. Как подчеркивается

⁵ Ibid. P. 3.

⁶ Ibid. P. 5.

⁷ Ibid. P. 6–7.

в данном документе, «со времени последнего ОЯП, подготовленного в 2010 г., ситуация в плане глобальных угроз, в том числе всё более явных ядерных угроз со стороны потенциальных противников, заметно ухудшилась. Сегодня Соединенные Штаты оказались перед лицом ядерной угрозы, более сложной и разноплановой, чем когда-либо, при которой потенциальные противники весьма активно реализуют свои программы разработки и развертывания ядерного оружия и средств его доставки»⁸.

В этой связи в ОЯП-2018, в отличие от ОЯП-2010, предусматривалось не сокращение роли ядерного оружия в американских оборонной и военной стратегиях, а, напротив, ее увеличение. Пентагон готовится не уменьшать, а наращивать и совершенствовать американский ядерный арсенал, развивая стратегическую триаду (межконтинентальные баллистические ракеты (МБР), баллистические ракеты на подводных лодках (БРПЛ), стратегическую авиацию). Кроме того, американское военно-политическое руководство предполагало серьезно укрепить нестратегические ядерные силы США, а также системы боевого управления и связи.

Серьезная трансформация американских стратегических приоритетов в начале XXI в. обусловлена тем глубоким кризисом, в котором оказались как американская внешняя политика, так и однополярный либеральный миропорядок во главе с США, установившийся после окончания холодной войны. О кризисе либерального глобализма написано немало. Эксперты-международники указывают на несостоятельность расчетов либеральных глобалистов на формирование некоего наднационального международного сообщества во главе с Соединенными Штатами — единого, целостного и взаимозависимого мира, который будет строиться на принципах либеральной демократии [Киссинджер, 2015; Лукин, 2016]⁹.

⁸ Nuclear Posture Review, February 2018 // U.S. Department of Defense. P. V. Available at: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-REPORT.PDF> (accessed: 05.07.2023).

⁹ См. также: Garfinkle A. Same world, lonely world, cold world // The American Interest. 24.01.2017. Available at: <http://www.the-american-interest.com/2017/01/24/same-world-lonely-world-cold-world/> (accessed: 05.07.2023); Кортунов А.В. От постмодернизма к неомодернизму, или воспоминания о будущем // Россия в глобальной политике. 2017. Т. 15. № 1. С. 8–19. Доступ: <http://www.globalaffairs.ru/number/Ot-postmodernizma-k-neomodernizmu-ili-Vospominaniya-o-buduschem-18552> (дата обращения: 05.07.2023); «14 пунктов» Вильсона сто лет спустя: как переизобрести

Все вооруженные конфликты, в которых участвовали Соединенные Штаты в XXI в., не принесли Вашингтону ожидаемых политических результатов. Американское вторжение в Афганистан в 2001 г. закончилось полным провалом — в стране вновь у власти движение «Талибан»¹⁰. Именно в условиях американской военной оккупации Афганистан стал крупнейшим в мире наркогосударством — вряд ли такой результат соответствует и либеральным ценностям, и национальным интересам США.

Важнейшим последствием интервенции американцев и их союзников в Ирак в 2003 г. стало не формирование в этой стране устойчивой либеральной демократии, а появление так называемого Исламского государства Ирака и Леванта (ИГИЛ)¹¹. Появились боевики ИГИЛ и в Ливии — после того как в результате американской и натовской интервенции в этой стране в 2011 г. был свергнут режим М. Каддафи. А вот добиться свержения Б. Асада в Сирии США и их союзники и вовсе не смогли.

Таким образом, все войны, которые Соединенные Штаты вели в XXI в., закончились неудачей: не были достигнуты *политические* цели, которые ставил перед собой Вашингтон, развязывая эти конфликты. При этом расходы на данные военные кампании оказались астрономическими: согласно исследованию, завершеному в начале 2018 г. в Брауновском университете, США затратили на войны, которые они вели в Азии и на Ближнем Востоке с начала столетия, в общей сложности 5,6 трлн долл.¹²

И в Афганистане, и в Ираке американские военные столкнулись с серьезными трудностями, вызванными не столько нехваткой современного оружия, сколько недостижимостью тех политических целей, которые поставили американские политики: принести на штыках демократию Большому Ближнему Востоку, а затем и всему миру. В своей программной речи по Афганистану 16 августа 2021 г. президент Дж. Байден вынужден был признать: «Наши истинные стратегические конкуренты — Китай и Россия — больше всего хотят,

мировой порядок, январь 2018 // Центр стратегических разработок. Доступ: <https://www.csr.ru/uploads/2018/01/Report-Wilson-Web-RU.pdf> (дата обращения: 05.07.2023).

¹⁰ Запрещено в Российской Федерации.

¹¹ Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация.

¹² Lubold G. U.S. spent \$5.6 trillion on wars in Middle East and Asia: Study // The Wall Street Journal. 08.11.2017. Available at: <https://www.wsj.com/articles/study-estimates-war-costs-at-5-6-trillion-1510106400> (accessed: 05.07.2023).

чтобы Соединенные Штаты продолжали бесконечно направлять миллиарды долларов, а также ресурсы и внимание на стабилизацию Афганистана <...>. Я не буду повторять ошибки, которые мы совершили в прошлом, — ошибки, заключающиеся в том, что мы остаемся и сражаемся бесконечно в конфликте, который не отвечает национальным интересам Соединенных Штатов, в попытке переделать страну с помощью бесконечного развертывания американских войск. Это те ошибки, которые мы не можем продолжать повторять, потому что у нас есть важные жизненные интересы в мире, которые мы не можем позволить себе игнорировать»¹³.

Вашингтон был вынужден фактически снять задачу глобальной демократизации по американскому образцу. США столкнулись с ситуацией, которую трудно было представить в начале 1990-х годов: распределение политических, экономических и военных сил в мире становится всё более рассредоточенным. Подъем Китая и Индии, других центров силы привел к формированию новой, полицентричной системы международных отношений, в которой США останутся влиятельным игроком, но всё больше вынуждены будут полагаться на ключевых союзников и партнеров для поддержания мира и стабильности.

Несмотря на серьезнейшие политические разногласия между лидером республиканцев Д. Трампом и президентом-демократом Дж. Байденом, последний продолжил те перемены в американской стратегии (в широком смысле), которые наметились при его предшественнике. При этом эволюция американских военно-политической, оборонной и военной стратегий в последние годы и последствия этой эволюции всё еще недостаточно изучены в отечественной и зарубежной историографии.

В СНБ-2022, утвержденной президентом Дж. Байденом в октябре 2022 г., указывается, что США сталкиваются со стратегическим вызовом, который исходит от держав, сочетающих авторитарное управление с ревизионистской внешней политикой, а именно от России и Китая. При этом в документе утверждается, что Россия «представляет непосредственную угрозу свободной и открытой международной системе»; «КНР, напротив, является единственным

¹³ Remarks by President Biden on Afghanistan // The White House. 16.08.2021. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/08/16/remarks-by-president-biden-on-afghanistan/> (accessed: 05.07.2023).

конкурентом, имеющим как намерение изменить международный порядок, так и, во всё большей степени, экономическую, дипломатическую, военную и технологическую мощь для достижения этой цели»¹⁴.

В опубликованной через несколько дней после СНБ-2022 Стратегии национальной обороны говорится, что главной угрозой для национальной безопасности США являются «насильственные и всё более агрессивные усилия» КНР «по переформатированию Индо-Тихоокеанского региона и международной системы, чтобы они в большей степени служили интересам Пекина и его авторитарным предпочтениям»¹⁵. В то же время согласно NDS-2022 Россия представляет собой «острую угрозу» ввиду попыток Москвы воссоздать свою «империалистическую сферу влияния» и расколоть НАТО, а также наличия у нее потенциала в таких сферах, как ядерные вооружения, крылатые ракеты большой дальности, кибернетические и информационные операции, противоспутниковые системы, химическое и бактериологическое оружие, возможности для ведения войны под водой и операции в «серой зоне»¹⁶.

В этой связи актуализируется вопрос, каким образом официальный Вашингтон собирается противодействовать этим новым вызовам. Министерство обороны США определяет для себя следующие приоритеты:

- защита Соединенных Штатов в условиях растущей многодоменной угрозы, исходящей от КНР;
- сдерживание стратегических атак против США, их союзников и партнеров;
- сдерживание агрессии при одновременной готовности одержать верх в конфликте, когда это необходимо (при этом вызовам со стороны КНР в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР) и со стороны России в Европе необходимо уделять приоритетное внимание);
- создание устойчивой экосистемы Объединенных сил и обороны¹⁷.

¹⁴ National Security Strategy, October 2022 // The White House. P. 8. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed: 05.07.2023).

¹⁵ Ibid. P. 4.

¹⁶ Ibid. P. 5.

¹⁷ 2022 National Defense Strategy of the United States of America: Including 2022 Nuclear Posture Review and the 2022 Missile Defense Review // U.S. Department of

Особая роль отводится также взаимодействию с американскими союзниками, объединенными не только общими интересами, но и общими ценностями.

Как указывается в СНБ-2022, «мы [США] будем:

1) инвестировать в основные источники и инструменты американской мощи и влияния;

2) создавать как можно более сильную коалицию наций для повышения нашего коллективного влияния на формирование глобальной стратегической обстановки и решение общих задач;

3) модернизировать и укреплять наши вооруженные силы, чтобы они были оснащены для эпохи стратегического соперничества с крупными державами»¹⁸.

Как отмечено ранее, ставка на развитие союзнических и партнерских отношений объясняется тем, что американские правящие круги всё больше начинают избавляться от иллюзий о всемогуществе США, доминировавших в американском политикуме после окончания холодной войны. В NDS-2022 подчеркивается, что Соединенные Штаты не могут в одиночку справиться с теми вызовами, с которыми они сталкиваются на международной арене. В этих условиях союзы и партнерские отношения являются величайшим стратегическим преимуществом официального Вашингтона. «Мы будем укреплять основные структуры региональной безопасности с нашими союзниками и партнерами на основе современных требований; комбинированных совместных операций и планирования сил; расширения обмена разведданными и информацией; новых оперативных концепций и нашей способности использовать Объединенные силы по всему миру», — говорится в документе¹⁹.

В то же время эта переоценка стратегического положения США и их военно-политических возможностей не была быстрой и безболезненной и едва ли полностью завершилась к настоящему моменту. В этом контексте особый интерес, на наш взгляд, представляют подходы американской политико-академической элиты к вопросу о том, каким образом противостоять российско-китайскому вызову.

В американской внешнеполитической стратегии исторически сложились два доминирующих тренда: идеализм и реализм [Шле-

Defense. P. 7. Available at: <https://media.defense.gov/2022/Oct/27/2003103845/-1/-1/1/2022-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY-NPR-MDR.PDF> (accessed: 05.07.2023).

¹⁸ National Security Strategy, October 2022... P. 11.

¹⁹ 2022 National Defense Strategy of the United States of America... P. 2.

зингер, 1992: 78]. На протяжении всей истории «первой холодной войны» в американском политикуме шли так называемые великие дебаты между представителями обоих трендов, но с крахом биполярного мира и прекращением советско-американского соперничества лидирующие позиции в американской политической мысли заняла именно идеалистская парадигма.

После окончания «первой холодной войны» настроения эйфории и триумфализма доминировали в сознании американских правящих кругов. Они верили, что крах биполярного мира коренным образом изменил международную политику и что новый, либерально-глобалистский миропорядок окончательно пришел на смену реалистской логике. В этих условиях Соединенные Штаты стали-де единственной сверхдержавой, «незаменимой нацией» (по выражению Мадлен Олбрайт), а также «доброжелательным гегемоном»²⁰.

Отказ от этих иллюзий оказался очень болезненным для американской политико-академической элиты. Можно констатировать, что большая часть американского политического класса по-прежнему сохраняет верность идее американской либеральной гегемонии. Именно с этих позиций они оценивают перспективы противостояния Соединенных Штатов российско-китайскому тандему. Большинство американских экспертов исходят из того, что наметившемуся альянсу Москвы и Пекина необходимо дать отпор, объединив США и их демократических союзников в борьбе против российско-китайского «авторитаризма»²¹.

Сторонники альтернативного подхода, выступающие за взаимовыгодный компромисс с РФ и КНР на реалистической, внеидеологической основе, в настоящее время находятся в довольно слабом меньшинстве в американской политико-академической элите. Некоторые американские реалисты указывают на необходимость сближения с Китаем как с более привлекательным и предсказуемым

²⁰ Mearsheimer J.J. The great delusion: Liberal dreams and international realities // The National Interest. 05.10.2018. Available at: <https://nationalinterest.org/feature/great-delusion-liberal-dreams-and-international-realities-32737> (accessed: 05.07.2023).

²¹ Kendall-Taylor A., Shullman D.O. How Russia and China undermine democracy: Can the West counter the threat? // Foreign Affairs. 02.10.2018. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-10-02/how-russia-and-china-undermine-democracy> (accessed: 05.07.2023).

партнером по диалогу, чем Россия²². Вместе с тем такие видные эксперты по внешней политике США, как Г. Эллисон и Д. Саймс, полагают, что, решая задачу развала российско-китайского альянса, направленного против Соединенных Штатов, американцам следует сделать ставку как раз на Россию²³ [см. также: Лукин, 2015: 368–369].

Как бы то ни было, не реалисты доминируют в настоящее время в американском политикуме. Правящая элита исходит из того, что именно приверженность американским идеалам позволит восстановить глобальное лидерство США. Как указывалось в СНБ-2022, «Соединенные Штаты остаются ведущей мировой державой <...>. Идея о том, что мы должны конкурировать с крупнейшими автократическими державами за формирование международного порядка, пользуется широкой поддержкой, которая является двухпартийной внутри страны и углубляется за рубежом»²⁴.

Тем не менее дискуссия в американской политико-академической элите о целях и средствах американской внешней политики продолжается, и это обстоятельство, на наш взгляд, определяет актуальность данной статьи. В ней мы предприняли попытку проследить, каким образом проблемы сдерживания России и Китая осмысливаются в документах стратегического планирования администрации Дж. Байдена.

Американская стратегия: китайский фактор

В Вашингтоне исходят из того, что в настоящее время КНР проводит быструю всеобъемлющую военную модернизацию в сухопутной, морской, воздушной, космической, кибернетической и информационной областях, уделяя особое внимание системам, предназначенным для ограничения доступа / воспреещения присутствия (*anti-access / area denial*, A2/AD) по всему региону, а также повышению

²² Manuel A. It's not too late to prevent a Russia-China axis. Here's how the U.S. can avoid driving the two countries together // The Atlantic. 14.09.2018. Available at: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2018/09/china-russia-alliance-military-exercises/570202/> (accessed: 05.07.2023); Palmer J. Russia is 4chan, China is Facebook: Mike Pence's equation of Beijing's influence with Moscow's hacking was misleading and dangerous // Foreign Policy. 10.10.2018. Available at: <https://foreignpolicy.com/2018/10/10/russia-is-4chan-china-is-facebook/> (accessed: 05.07.2023).

²³ Allison G.T., Simes D.K. A Sino-Russian entente again threatens America // The Wall Street Journal. 29.01.2019. Available at: <https://www.wsj.com/articles/a-sino-russian-entente-again-threatens-america-11548806978> (accessed: 05.07.2023).

²⁴ National Security Strategy, October 2022... P. 7.

национального потенциала стратегического сдерживания. Уже сейчас КНР располагает крупнейшими в мире военно-морскими силами, численность которых за последние два десятилетия увеличилась втрое. ВМС КНР ввели в эксплуатацию более 25 крупных кораблей только в 2020 г., включая боевые корабли, боевые судна на воздушной подушке и две атомные подводные лодки с баллистическими ракетами. Большим успехом ВВС Народно-освободительной армии Китая (НОАК) стало развертывание первого китайского истребителя-невидимки пятого поколения J-20. Американские военные приходят к следующему выводу: в ИТР Соединенные Штаты теряют качественное превосходство над потенциальным противником²⁵.

Более того, согласно оценкам американского военного ведомства к 2030 г. общее количество ядерных боеголовок на вооружении КНР достигнет 1000 единиц²⁶. Это вдвое больше, чем имеют в настоящее время такие ядерные державы, как Великобритания и Франция, вместе взятые [Ежегодник СИПРИ 2020..., 2021]. Некоторые высокопоставленные американские военные утверждают, что в ближайшее время Стратегическому командованию ВС США придется уделять стратегическому ядерному сдерживанию Китая не меньше (а может быть, и больше) внимания и сил, чем сдерживанию России²⁷.

В настоящее время можно говорить о наличии двух основных «конфликтогенных узлов» в военно-политическом противостоянии КНР и США — это Тайвань и Южно-Китайское море. У Пекина и Вашингтона имеются трудносовместимые подходы к решению этих проблем [Морозов, Батюк, 2022: 92]. В таких условиях в американской политико-академической элите крепнет уверенность в том, что, только опираясь на своих партнеров и союзников в ИТР, США смогут дать отпор увеличивающемуся военно-политическую мощь Китаю. Как утверждается в NDS-2022, сотрудничество с региональ-

²⁵ Military and Security Development Involving the People's Republic of China, 2021: Annual Report to Congress // U.S. Department of Defense. P. VI–XII. Available at: <https://media.defense.gov/2021/Nov/03/2002885874/-1/-1/0/2021-CMPR-FINAL.PDF> (accessed: 05.07.2023).

²⁶ 2022 Nuclear Posture Review. In: 2022 National Defense Strategy of the United States of America... P. 4. Available at: <https://media.defense.gov/2022/Oct/27/2003103845/-1/-1/1/2022-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY-NPR-MDR.PDF> (accessed: 05.07.2023).

²⁷ Tirpak J.A. Strategic Command needs new three-way deterrence model, Deputy Commander says // Air & Space Forces Magazine. 27.08.2021. Available at: <https://www.airandspaceforces.com/strategic-command-new-three-way-nuclear-deterrence-model/> (accessed: 05.07.2023).

ными союзниками и партнерами США позволит укрепить объединенный потенциал с помощью военных учений, взаимодействия в разработке технологий, более широкого обмена разведанными и информацией, а также совместного военного планирования²⁸.

Образование военно-политического альянса AUKUS, куда вошли Австралия, Великобритания и Соединенные Штаты, стало попыткой Вашингтона изменить неблагоприятный для США баланс сил в ИТР. Неудивительно, что первым шагом этого нового объединения было решение о строительстве австралийского атомного подводного флота, главной задачей которого станет сдерживание ВМС НОАК²⁹. И в этой связи нельзя не указать на высокий уровень преемственности в китайской политике администраций Д. Трампа и Дж. Байдена. Именно при Д. Трампе была выдвинута Индо-Тихоокеанская стратегия Соединенных Штатов, суть которой — выстраивание «санитарного кордона» вдоль южного и восточного рубежей КНР.

Изначально, правда, идея индо-тихоокеанского сотрудничества была выдвинута японским премьер-министром С. Абэ в ходе его выступления в индийском парламенте в августе 2007 г.³⁰ Однако в дальнейшем она была использована Вашингтоном для реализации своих стратегических целей в отношении Китая.

В дополнение к унаследованным со времен холодной войны альянсам с Японией, Южной Кореей, Таиландом, Филиппинами и Сингапуром Вашингтон при Д. Трампе стремился выстроить и новые военно-политические партнерства со странами Юго-Восточной и Южной Азии по периметру границ КНР. Именно поэтому Азиатско-Тихоокеанская стратегия Б. Обамы и трансформировалась в Индо-Тихоокеанскую стратегию Д. Трампа. Основные положения последней были унаследованы администрацией Дж. Байдена, пришедшей к власти 20 января 2021 г.

²⁸ 2022 National Defense Strategy of the United States of America... P. 2.

²⁹ Remarks by President Biden, Prime Minister Morrison of Australia, and Prime Minister Johnson of the United Kingdom announcing the creation of AUKUS // The White House. 15.09.2021. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/09/15/remarks-by-president-biden-prime-minister-morrison-of-australia-and-prime-minister-johnson-of-the-united-kingdom-announcing-the-creation-of-aukus/> (accessed: 05.07.2023).

³⁰ 'Confluence of the Two Seas'. Speech by H.E. Mr. Shinzo Abe, Prime Minister of Japan at the Parliament of the Republic of India // Ministry of Foreign Affairs of Japan. 22.08.2007. Available at: <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/pmv0708/speech-2.html> (accessed: 05.07.2023).

Другой пример преемственности в политике Д. Трампа и Дж. Байдена на китайском направлении — Четырехсторонний диалог по вопросам безопасности (Quadrilateral Security Dialogue, QUAD) в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Начало QUAD положила рабочая встреча дипломатов США, Японии, Индии и Австралии, состоявшаяся в ноябре 2017 г. на полях Восточноазиатского саммита в Маниле. В дальнейшем такие встречи проходили регулярно.

В феврале 2022 г. состоялась встреча глав внешнеполитических ведомств государств — членов QUAD в Мельбурне. Министр иностранных дел Австралии призвал страны «четверки» объединиться против «авторитарных режимов» в Китае, КНДР и России. Этот призыв был поддержан государственным секретарем США Э. Блинкеном³¹. Однако накануне мельбурнской встречи Министерство иностранных дел Индии выступило с заявлением, что переговоры должны быть посвящены прежде всего таким социально-экономическим проблемам, как пандемия COVID-19, цепочки поставок, технологии, изменение климата и инфраструктура³². Как видно, в Нью-Дели не торопятся присоединиться к американской политике сдерживания Китая и России. Американские союзники и в Европе, и в Азии слишком заинтересованы в торгово-экономическом сотрудничестве с КНР, чтобы пойти на разрыв взаимовыгодных экономических связей.

Не оправдались и надежды американских правящих кругов на то, что им удастся убедить Пекин осудить российскую военную операцию на Украине. Это стало совершенно невозможным после того, как американо-китайские отношения вышли на новый уровень противостояния в результате провокационного визита спикера палаты представителей Конгресса США Н. Пелоси на Тайвань в начале августа 2022 г. И, разумеется, после данного инцидента администрация Дж. Байдена может оставить всякие надежды на то, что удастся вбить некий «клин» в российско-китайские отношения в связи с событиями на Украине. Так, в ходе состоявшейся через три

³¹ Secretary Antony J. Blinken and Australian Foreign Minister Marise Payne before their meeting // U.S. Department of State. 10.02.2022. Available at: <https://www.state.gov/secretary-antony-j-blinken-and-australian-foreign-minister-marise-payne-before-their-meeting-3/> (accessed: 05.07.2023).

³² Строкань С. «Российскую угрозу» протянули до Австралии // Коммерсантъ. 10.02.2022. Доступ: <https://www.kommersant.ru/doc/5207592> (дата обращения: 05.07.2023).

дня после визита Н. Пелоси встречи министров иностранных дел РФ и КНР стороны осудили усиливающуюся активность «США и их сателлитов по созданию узкоблоковых структур в Азиатско-Тихоокеанском регионе»³³. В этой связи следует отметить, что состоявшийся в июне 2023 г. визит госсекретаря США Э. Блинкена в Пекин не привел к желательным для Белого дома подвижкам в подходах Китая к конфликту на Украине.

Говоря о высоком уровне преемственности в американской политике и стратегии на китайском направлении, следует подчеркнуть, что речь не идет о полной идентичности индо-тихоокеанских стратегий Д. Трампа и Дж. Байдена. Так, при нынешней администрации оживился трехсторонний американо-японо-южнокорейский диалог, который находился в забвении и пренебрежении при Д. Трампе³⁴.

Помимо усилий по созданию «блоковых структур» в ИТР американское военно-политическое руководство предпринимает шаги по наращиванию военного присутствия в регионе. Как указывается в NDS-2022 и ОЯП-2022, Вашингтон собирается противостоять Китаю за счет как новых оперативных концепций, так и сохранения американского технологического превосходства. В частности, Соединенные Штаты будут сдерживать КНР посредством таких американских систем вооружений, как боеголовки для БРПЛ типа W-76-2 пониженной мощности, стратегические бомбардировщики, истребители-бомбардировщики двойного назначения и крылатые ракеты воздушного базирования³⁵.

Американская стратегия: проблемы сдерживания России

После 24 февраля 2022 г. в американских правящих кругах серьезно пересмотрели подходы к сдерживанию России. Соединенные Штаты, по сути, стали участниками российско-украинского конфликта, оказав серьезную военную помощь Киеву (поставив

³³ О беседе Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова с Министром иностранных дел Китайской Народной Республики Ван И // МИД РФ. 22.09.2022. Доступ: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1830618/ (дата обращения: 05.07.2023).

³⁴ Истомин И. Треугольник США — Республика Корея — Япония в доктрине Байдена // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 03.04.2023. Доступ: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/treugolnik-ssha-respublika-koreya-yaponiya/> (дата обращения: 05.07.2023).

³⁵ См. подробнее: 2022 National Defense Strategy of the United States of America... P. 10; 2022 Nuclear Posture Review... P. 11.

вооружения и снаряжение на сумму 24,2 млрд долл. в период между 24 февраля 2022 г. и 6 января 2023 г.)³⁶ и введя широкомасштабные экономические санкции в отношении Москвы (по состоянию на 28 сентября 2022 г. в отношении России было введено 12 000 санкций — в несколько раз больше, чем в отношении Ирана и Северной Кореи)³⁷.

9 мая 2022 г. президент Дж. Байден направил в Конгресс запрос на дополнительное финансирование поставок вооружений для Украины на сумму 33 млрд долл. После того как американские законодатели одобрили запрос Белого дома, общий объем американской военной помощи Киеву превысил только в 2022 г. 50 млрд долл. — это больше годового бюджета Государственного департамента США³⁸. Кроме того, в соответствии с оборонным бюджетом на 2023 фин. г. Соединенные Штаты должны выделить 800 млн долл. на военную помощь Украине³⁹.

Вместе с тем официальный Вашингтон был и остается очень осторожен относительно своего прямого военного участия в конфликте. Так, в заявлении от 24 февраля Дж. Байден особо подчеркнул: «Позвольте мне еще раз сказать: наши силы не участвуют и не будут участвовать в конфликте с Россией на Украине. Наши войска направляются в Европу не для того, чтобы воевать на Украине, а для того, чтобы защищать наших союзников по НАТО и успокаивать этих союзников на востоке»⁴⁰. При этом руководство Европейским командованием ВС США заявляет, что в ближайшее время предполагается создать на восточном фланге НАТО достаточные складские

³⁶ Immediate release: Fact sheet on U.S. security assistance to Ukraine // U.S. Department of Defense. 06.01.2023. Available at: <https://media.defense.gov/2023/Jan/06/2003141218/1/-1/1/UKRAINE-FACT-SHEET-JAN-6.PDF> (accessed: 05.07.2023).

³⁷ Russia sanctions dashboard // Castellum.AI. 19.06.2023. Available at: <https://www.castellum.ai/russia-sanctions-dashboard> (accessed: 05.07.2023).

³⁸ Heuvel vanden K. Endless war in Ukraine hurts national and global security // The Washington Post. 11.05.2022. Available at: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2022/05/11/endless-war-in-ukraine-is-bad-for-everyone/> (accessed: 05.07.2023).

³⁹ Garamone J. Biden signs National Defense Authorization Act into law // U.S. Department of Defense. 23.12.2022. Available at: <https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/3252968/biden-signs-national-defense-authorization-act-into-law/> (accessed: 05.07.2023).

⁴⁰ Remarks by President Biden on Russia's unprovoked and unjustified attack on Ukraine // The White House. 24.02.2022. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/02/24/remarks-by-president-biden-on-russias-unprovoked-and-unjustified-attack-on-ukraine/> (accessed: 05.07.2023).

запасы для развертывания дивизии в непосредственной близости от границ России в случае необходимости⁴¹. Решения сессии Североатлантического совета на уровне министров иностранных дел от 4 марта 2022 г., которые исключили участие НАТО в украинских событиях и создание бесполетной зоны над Украиной, были бы невозможны без одобрения их Вашингтоном⁴².

Таким образом, американское руководство собирается вести против России преимущественно прокси-войну, воздерживаясь при этом от участия в войне настоящей. Свидетельством того, что Вашингтон действительно хотел бы избежать прямых военных столкновений с Россией из-за Украины, является соглашение о создании линии прямой связи между Пентагоном и Министерством обороны РФ для предотвращения просчетов и военных инцидентов⁴³.

Вместо этого американская сторона хотела бы превратить Украину во «второй Афганистан» (только теперь не для СССР, а для Российской Федерации) за счет массированных поставок вооружений украинскому правительству. Оптимистичные заявления американских должностных лиц о том, что украинские военные якобы одерживают победы на поле боя, об «огромных потерях» российских войск, серьезных проблемах ВС РФ с логистикой, вооружениями, боевой подготовкой и т.д.⁴⁴ рассчитаны, по всей видимости, на то, чтобы убедить американских избирателей, что миллиарды на помощь Украине были потрачены даром.

Впрочем, к началу осени 2022 г. завышенные ожидания американской стороны относительно перспектив Вооруженных сил Украины

⁴¹ Statement of General Tod D. Wolters, United States Air Force Commander, United States European Command, 30 March 2022. United States House Armed Services Committee. In: House Hearing, 117th Congress [H.A.S.C. No. 117-72]: National Security Challenges and U.S. Military Activities in Europe // U.S. Government Information. P. 87–88. Available at: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CHRG-117hhrg48615/pdf/CHRG-117hhrg48615.pdf> (accessed: 05.07.2023).

⁴² NATO foreign ministers meet amidst escalating Russian aggression in Ukraine // North Atlantic Treaty Organization. 04.03.2022. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_192795.htm (accessed: 05.07.2023).

⁴³ Reuters сообщил о создании Пентагоном линии связи с Минобороны России // РБК. 04.03.2022. Доступ: <https://www.rbc.ru/politics/04/03/2022/622124399a7947d0fde0db33> (дата обращения: 05.07.2023).

⁴⁴ Garamone J. Russian mobilization may be reinforcing failure in Ukraine // U.S. Department of Defense. 22.09.2022. Available at: <https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/3168183/russian-mobilization-may-be-reinforcing-failure-in-ukraine/> (accessed: 05.07.2023).

начали сменяться иными настроениями. Эксперты поставили под сомнение казенный оптимизм украинских и американских властей, указав на очень тяжелое военное и экономическое положение Киева, огромные потери и в живой силе, и в вооружениях, и в инфраструктуре, которые ставят под вопрос продолжение сопротивления украинских войск. «Украина несет просто катастрофические потери <...>. В данный момент истощение остатков боевого потенциала Киева вряд ли поможет сохранить украинское государство», — пишет бывший военный советник президента Д. Трампа Д. Макгрегор⁴⁵.

Видные американские эксперты-международники, такие как редактор раздела «Мнения» журнала Newsweek Дж. Хаммер или президент Центра за национальную безопасность Д. Саймс, выступают за отказ от мечтаний о военной победе над Россией на Украине и за поиск мирного урегулирования этого конфликта⁴⁶.

Что касается стратегического ядерного сдерживания Российской Федерации, то здесь американская сторона сталкивается в последние годы с серьезными проблемами. Следует подчеркнуть, что они носят не столько количественный, сколько *качественный* характер.

С одной стороны, согласно официальным данным о состоянии российских и американских стратегических наступательных вооружений, которыми обмениваются Москва и Вашингтон в соответствии с Договором СНВ-3, между ними существует примерный стратегический паритет и ни одна из них не может при нынешнем соотношении стратегических ядерных сил рассчитывать на победу в результате первого обезоруживающего удара (это соотношение соответствует тому определению стратегической стабильности, которое содержится в Совместном советско-американском заявлении относительно будущих переговоров по ядерным и космическим вооружениям и дальнейшему укреплению стратегической стабильности от 4 июня 1990 г.; в нем, в частности, указано, что стратегическая

⁴⁵ Macgregor D. War and regrets in Ukraine // The American Conservative. 19.10.2022. Available at: <https://www.theamericanconservative.com/war-and-regrets-in-ukraine/> (accessed: 05.07.2023).

⁴⁶ Hammer J. The U.S. needs to change course right now in Ukraine // Newsweek. 07.10.2022. Available at: <https://www.newsweek.com/us-needs-change-course-right-now-ukraine-opinion-1749740> (accessed: 05.07.2023); Simes D.K. How to avoid nuclear war over Ukraine // The National Interest. 16.10.2022. Available at: <https://nationalinterest.org/feature/how-avoid-nuclear-war-over-ukraine-205384> (accessed: 05.07.2023).

стабильность достигается посредством договоренностей, устраняющих стимулы для нанесения первого ядерного удара⁴⁷⁾ (таблица).

**О суммарных количествах стратегических наступательных вооружений
России и США в соответствии с Договором СНВ-3**

Наименование СНВ	Россия	США ⁴⁸⁾
Развернутые МБР, развернутые БРПЛ и развернутые тяжелые бомбардировщики	540	659
Боезаряды на развернутых МБР, боезаряды на развернутых БРПЛ и ядерные боезаряды, засчитываемые за развернутыми тяжелыми бомбардировщиками	1549	1420
Развернутые и неразвернутые пусковые установки МБР, развернутые и неразвернутые пусковые установки БРПЛ, развернутые и неразвернутые тяжелые бомбардировщики	759	800

Источник: О суммарных количествах стратегических наступательных вооружений России и США в соответствии с Договором о СНВ // МИД РФ. 01.09.2022. Доступ: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1833766/ (дата обращения: 05.07.2023).

Информация о суммарных количествах стратегических наступательных вооружений России и США приведена на основе предусмотренных Договором СНВ-3 уведомлений, которыми стороны обменялись в сентябре 2022 г. в соответствии с п. 2 Раздела II Главы четвертой Протокола к Договору.

⁴⁷⁾ Совместное заявление относительно будущих переговоров по ядерным и космическим вооружениям и дальнейшему укреплению стратегической стабильности // Государственный визит президента СССР М.С. Горбачева в Соединенные Штаты Америки, 30 мая — 4 июня 1990 года: Документы и материалы. М.: Политиздат, 1990. С. 197–199.

⁴⁸⁾ Заявленное США количество имеющихся у них СНВ не учитывает тяжелые бомбардировщики В-52Н, которые объявлены американской стороной переоборудованными (в настоящее время их 41), и засчитываемые за ними ядерные боезаряды, а также 56 пусковых установок БРПЛ «Трайдент-II», тоже объявленных переоборудованными, и 4 шахтные пусковые установки (ШПУ) МБР, предназначенные для обучения и переименованные в «учебные шахты». Российская сторона не может подтвердить приведение этих СНВ в состояние, непригодное для использования ядерного вооружения тяжелых бомбардировщиков и БРПЛ, как это предусмотрено п. 3 Раздела I Главы третьей Протокола к Договору, а также возражает против произвольной переквалификации ШПУ МБР, предназначенных для обучения, в непредусмотренную Договором категорию «учебные шахты» в целях невключения их в зачет.

С другой стороны, в последние годы российско-американский стратегический баланс претерпел серьезные качественные перемены. В то время как российская сторона смогла не только осуществить обновление своей стратегической ядерной триады почти на 90% [Khristensen, Korda, 2022], но и разработать принципиально новые типы стратегических ядерных носителей, не входящих в традиционную ядерную триаду, Соединенные Штаты обеспечивают поддержание стратегического баланса за счет стратегических носителей, принятых на вооружение еще в прошлом столетии.

Так, в ОЯП-2018 констатировалось, что после 2010 г. Россия приняла на вооружение МБР «Ярс» (натовское обозначение — SS27 Mod. 2 ICBM), ПЛАРБ⁴⁹ «Борей» и БРПЛ «Булава» (натовское обозначение — SS-N-32), ПЛАРК⁵⁰ «Ясень» и крылатую ракету морского базирования «Калибр» (натовское обозначение — SS-N-30 SLCM), а также крылатую ракету воздушного базирования Х-102. В стадии разработки находится МБР «Сармат» и тяжелый бомбардировщик ПАК-ДА.

В то же время обширные планы США по переоснащению американской стратегической ядерной триады, которые предусматривают принятие на вооружение новой МБР (типа GBSD), новой ПЛАРБ типа «Колумбия», нового тяжелого бомбардировщика типа B-21 Raider и новой крылатой ракеты воздушного базирования типа LRSO, остаются планами. На стадии разработки находится только тактический ядерный носитель на базе истребителя-невидимки F-35⁵¹.

Соединенные Штаты только планируют приступить к обновлению своей стратегической ядерной триады в конце 2020-х — начале 2030-х годов. Все эти планы по модернизации стратегических ядерных сил выглядят впечатляюще, но, по оценке американских экспертов, США отстают в данной области от России, где модернизация триады близка к завершению. По словам заместителя председателя ОКНШ США генерала Дж. Хэйтена, в то время как Москва завершает свою программу модернизации ядерного арсенала, Вашингтон только начинает ее⁵².

⁴⁹ Атомная подводная лодка с баллистическими ракетами.

⁵⁰ Атомная подводная лодка с крылатыми ракетами.

⁵¹ Nuclear Posture Review, February 2018... P. 8.

⁵² Grady J. Hyten: U.S. 'Not in a very good position' due to Chinese and Russian missile capabilities // USNI News. 24.02.2021. Available at: <https://news.usni.org/2021/02/24/>

«Более 20 лет Россия проводит широкомасштабную программу военной модернизации, которая включает устаревшие стратегические ядерные системы и неуклонно расширяющиеся и диверсифицирующиеся ядерные системы, представляющие прямую угрозу для НАТО и соседних стран, — с горечью констатируют авторы ОЯП-2022. — Аналогичным образом Россия разрабатывает несколько новых стратегических систем, предназначенных для того, чтобы подвергать риску США или союзников и партнеров. Некоторые из этих систем не учитываются в соответствии с новым Договором по СНВ»⁵³.

Очевидно, что составители ОЯП-2022 имеют в виду такие новейшие российские системы доставки ядерного оружия межконтинентальной дальности, как торпеда с атомным двигателем «Посейдон» и крылатая ракета с атомным двигателем «Буревестник». Российская сторона может наращивать количество этих систем в неограниченном количестве, не нарушая положения Договора СНВ-3.

Некоторые высокопоставленные американские военные (например, заместитель командующего Стратегическим командованием ВС США генерал-лейтенант Т. Бусьер) указывают и на потенциальную угрозу со стороны российских гиперзвуковых систем, в частности ракеты воздушного базирования «Кинжал»⁵⁴. В случае оснащения такими ракетами среднего бомбардировщика типа Ту-22М последний фактически становится стратегическим носителем, способным нанести удар по цели на американской территории и вернуться на свой аэродром.

Успешное применение ракеты «Кинжал» по высокозащищенному объекту в Ивано-Франковской области 18 марта 2022 г. означает, что гиперзвуковые системы такого типа могут поражать и стратегические цели с высокой степенью защиты (включая командные бункеры и ракетные шахты).

До сих пор считалось, что высокоточное оружие с неядерной головной частью может уничтожить лишь незащищенные стратегические объекты (например, радары системы предупреждения о ракетном нападении, системы связи с подводными атомными ракетноносцами, находящимися на боевом патрулировании, стратегические бомбардировщики на аэродромах). Теперь же выясняется, что

hyten-u-s-not-in-a-very-good-position-due-to-chinese-and-russian-missile-capabilities (accessed: 05.07.2023).

⁵³ 2022 Nuclear Posture Review... P. 4.

⁵⁴ Tirpak J.A. Op cit.

неядерные гиперзвуковые системы могут нанести серьезный ущерб и высокозащищенным стратегическим целям, что открывает новые возможности для державы, имеющей такие системы на вооружении. Например, возникает перспектива нанесения превентивного удара по важнейшим стратегическим целям потенциального противника без применения ядерного оружия.

Такая ситуация, безусловно, может представлять угрозу сложившемуся в мире стратегическому балансу. И всё это происходит в условиях, когда механизм контроля над ядерными вооружениями находится на грани полного паралича.

Эта ситуация, безусловно, скажется на позициях официального Вашингтона в ходе будущих российско-американских переговоров по стратегическим вооружениям (разумеется, если они вообще начнутся). Наверное, впервые с конца 1960-х годов, когда стартовали переговоры по стратегическим вооружениям между Москвой и Вашингтоном, американская сторона будет вынуждена вести их с позиции относительной стратегической слабости. Отставание Соединенных Штатов в перевооружении своей стратегической ядерной триады лишает американцев технологических козырей на предстоящих переговорах по выработке нового договора по контролю над стратегическими ядерными вооружениями, который должен прийти на смену СНВ-3.

В этих условиях Пентагон, пытаясь найти ответ на российскую угрозу, делает ставку на повышение уровня взаимодействия с вооруженными силами своих союзников по НАТО, укрепление конвенционального военного потенциала Североатлантического альянса и расширение ядерного сдерживания РФ⁵⁵. Последнее, по мнению американского военно-политического руководства, должно быть достигнуто посредством развертывания в Европе американских истребителей двойного назначения типа F-35, оснащенных гравитационными атомными бомбами B61-12, перевооружения американских БРПЛ Trident-2 ядерными боеголовками пониженной мощности типа W76-2 и принятия на вооружение крылатых ракет воздушного базирования нового поколения типа LRSO⁵⁶. Представляется, что эти меры сами по себе не смогут изменить сложившийся военный баланс между США и РФ.

⁵⁵ National Defense Strategy of the United States of America... P. 10.

⁵⁶ 2022 Nuclear Posture Review... P. 11.

И без того непростая ситуация в российско-американских отношениях дополнительно усугубляется в связи с обострением идеологической борьбы между Москвой и Вашингтоном. Администрация Дж. Байдена рассматривает Россию в качестве своего противника на международной арене, причем речь идет именно об идеологическом противоборстве. Так, в своем выступлении в Госдепартаменте США Дж. Байден заявил: «Американское руководство должно встретить этот новый момент развития авторитаризма, включая растущие амбиции Китая в соревновании с Соединенными Штатами и решимость России нанести ущерб и разрушить нашу демократию»⁵⁷.

Идеологическое противостояние России и США вышло на качественно новую ступень после того, как Москва начала специальную военную операцию на Украине 24 февраля 2022 г. Как подчеркивалось в СНБ-2022, «на протяжении последнего десятилетия российское правительство проводило империалистическую внешнюю политику в целях уничтожения ключевых элементов международного порядка. Кульминацией этого стало полномасштабное вторжение на Украину в попытке свергнуть ее правительство и поставить ее под контроль России <...>. Сейчас в России застойная политическая система, которая не реагирует на потребности своего народа»⁵⁸.

Это резко обострившееся идеологическое противоборство Москвы и Вашингтона уже крайне негативно сказывается на российско-американском диалоге по стратегической стабильности. Как заявила 4 апреля 2022 г. заместитель государственного секретаря по контролю над вооружениями и международной безопасности Б. Дженкинс, Вашингтон не теряет заинтересованности в выработке с РФ соглашения на смену Договору о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (СНВ-3), но этот разговор сейчас не ведется: «В настоящий момент мы не можем поддерживать диалог с Россией в связи с ситуацией, с которой мы сталкиваемся [на Украине] <...>. Однако в США по-прежнему идет работа, чтобы, когда придет время, мы смогли начать вновь взаимодействовать с ними. Заинтересованность никуда не делась. У нас все еще есть важные вопросы, которые нужно ре-

⁵⁷ Remarks by President Biden on America's place in the world // U.S. Department of State. 04.02.2021. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/02/04/remarks-by-president-biden-on-americas-place-in-the-world/> (accessed: 05.07.2023).

⁵⁸ National Security Strategy, October 2022... P. 25.

шить, в числе которых другой договор о сокращении стратегических вооружений. Просто сейчас мы не в том положении, чтобы вести подобные дискуссии»⁵⁹.

В этих условиях логичным представляется решение российской стороны о приостановлении действия Договора СНВ-3⁶⁰. Даже если в ближайшее время Москва возобновит соблюдение этого соглашения, действие которого истекает в 2026 г., и стороны приступят к переговорам по выработке нового договора, они потеряют драгоценное время. И даже если эти переговоры начнутся, РФ и США столкнутся с серьезными препятствиями как политического, так и технического характера.

Во-первых, сложившийся в настоящее время российско-американский стратегический баланс, как уже было сказано, не устраивает официальный Вашингтон. Видимо, именно это обстоятельство является одной из важнейших причин затягивания американской стороной начала переговоров по выработке нового соглашения об ограничении стратегических ядерных вооружений.

Во-вторых, нельзя не отметить и тот факт, что гонка ядерных вооружений возобновилась в XXI столетии в условиях технологического прорыва в сфере высокоточного обычного оружия. В настоящее время конвенциональные высокоточные боеприпасы большой дальности могут в ряде случаев выполнять те задачи, которые еще 40–50 лет тому назад могли выполнить только ядерные боезаряды. И это обстоятельство, разумеется, не может не влиять на состояние стратегического баланса в мире.

Как полагает крупнейший российский эксперт по вопросам контроля над ядерными вооружениями академик А.Г. Арбатов, с появлением высокоточных систем большой дальности появилась возможность поражать ядерные силы противника и его центры управления конвенциональными боеприпасами, что создает эффект «переплетения» (смешивания) ядерных и обычных вооружений. В случае их применения характер нападения (ядерный или обычный)

⁵⁹ Госдеп: США не теряют заинтересованности в выработке с Россией договора на смену ДСНВ // ТАСС. 04.04.2022. Доступ: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14278717> (дата обращения: 05.07.2023).

⁶⁰ Подписан закон о приостановлении действия Договора о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений // Президент России. 28.02.2023. Доступ: <http://www.kremlin.ru/acts/news/copy/70599> (дата обращения: 05.07.2023).

нельзя определить до подрыва боеголовок. Денонсация Договора о ракетах средней и меньшей дальности еще более усугубила эту ситуацию, как и появление гиперзвуковых систем [Арбатов, 2022].

Еще совсем недавно казалось, что удар высокоточными конвенциональными ударными средствами по стратегическим системам потенциального противника может нанести лишь ядерная сверхдержава. Конфликт на Украине, однако, показал, что это не так. 5 декабря 2022 г. Киев предпринял попытку нанести удар с помощью ударных беспилотных летательных аппаратов, созданных на основе системы Ту-141 «Стриж», по российской авиабазе «Энгельс-2», где базируются российские стратегические бомбардировщики. В результате этого нападения два российских тяжелых бомбардировщика Ту-95 получили повреждения. Технический прогресс, таким образом, внес значительный вклад в кризис контроля над вооружениями, с которым в настоящее время сталкивается международное сообщество.

В-третьих, американская сторона настойчиво требует начать диалог и по нестратегическим ядерным вооружениям, где у России, по американским данным, имеется превосходство в силах. В то же время российская сторона настаивает на выводе американских тактических ядерных боеголовок из Европы⁶¹. В любом случае, достижение договоренности по нестратегическим ядерным вооружениям станет одной из важнейших задач для Москвы и Вашингтона, поскольку носители нестратегических ядерных боезарядов относятся к силам общего назначения (истребители-бомбардировщики, тяжелая артиллерия, тактические ракеты) и ограничение пусковых установок нестратегических ядерных вооружений означало бы радикальное сокращение этих сил. Да и контроль над тактическими ядерными боезарядами, которые находятся на хранении, потребовал бы такого уровня взаимного доверия между ядерными сверхдержавами, который отсутствует в настоящее время [Арбатов, 2022].

В-четвертых, Москва настаивает на включении в переговорный процесс по стратегическим вооружениям систем ПРО, что до сих пор было неприемлемо для США⁶². Правда, в «Обзоре политики

⁶¹ Рогов С. В российско-американских отношениях открылась «форточка возможностей» // Независимая газета. 12.12.2021. Доступ: https://www.ng.ru/dipkurer/2021-12-12/9_8324_negotiation.html (дата обращения: 05.07.2023).

⁶² Рябков рассказал, почему на переговорах не обсуждали ядерное вооружение // РИА Новости. 28.07.2021. Доступ: <https://ria.ru/20210728/ryabkov-1743348334.html> (дата обращения: 05.07.2023).

в сфере ПРО» (Missile Defense Review, MDR) за 2022 г. указывается, что «в рамках комплексного подхода к сдерживанию Соединенные Штаты признают взаимосвязь между стратегическими наступательными вооружениями и стратегическими оборонительными системами. Повышение взаимной прозрачности и предсказуемости в отношении этих систем могло бы помочь снизить риск возникновения конфликтов»⁶³. Неизвестно, в какой мере этот вывод найдет отражение в позиции американской стороны на будущих переговорах по ограничению стратегических вооружений.

В-пятых, как уже было отмечено, вполне возможно превращение Китая в ближайшие годы в еще одну ядерную сверхдержаву. Как указано в MDR-2022, к 2030 г. Соединенные Штаты впервые в их истории столкнутся с двумя ядерными державами, выступающими как их потенциальные стратегические противники⁶⁴. И в этих условиях неизбежно возникает вопрос о преобразовании двустороннего (советско/российско-американского) формата диалога об ограничении стратегических вооружений в трехсторонний (американо-российско-китайский). Перспективы такого преобразования, однако, весьма туманны [Арбатов, 2022].

* * *

Таким образом, стратегический баланс в мире меняется, и не в пользу Соединенных Штатов. Они явно проигрывают гонку стратегических ядерных вооружений Российской Федерации, которая не только обновила свою стратегическую триаду, но и смогла развернуть новые системы доставки ядерного оружия стратегической дальности, а также гиперзвуковые системы, способные выводить из строя стратегические объекты.

Вместе с тем рост военно-технического потенциала НОАК изменил соотношение военных сил в ИТР. По некоторым параметрам военной мощи (например, по количеству развернутых ракет средней и промежуточной дальности, по общему количеству боевых кораблей и уровню развития гиперзвуковых систем) Китай уже опережает ВС США.

Попытки нынешней американской администрации осуществлять двойное сдерживание — и России, и Китая — за счет укрепления

⁶³ 2022 Missile Defense Review. In: 2022 Nuclear Posture Review... P. 6. Available at: <https://media.defense.gov/2022/Oct/27/2003103845/-1/-1/1/2022-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY-NPR-MDR.PDF> (accessed: 05.07.2023).

⁶⁴ Ibid. P. 4.

проамериканских альянсов в Европе и ИТР до сих пор особых успехов не имели. Наличие крепнущих военно-политических связей между РФ и КНР делает любые планы стратегического окружения этих стран совершенно нереальными. Москва и Пекин едины в том, что однополярный мир во главе с США неприемлем. Как указано в Совместном заявлении Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии от 4 февраля 2022 г., стороны выступают против дальнейшего расширения НАТО, а также против формирования в Азиатско-Тихоокеанском регионе закрытых блоковых структур⁶⁵.

Взаимная заинтересованность в возобновлении и даже интенсификации российско-американского диалога по проблемам безопасности в настоящее время сталкивается с идеологической несовместимостью двух великих держав. Российская сторона, безусловно, стремится к уменьшению идеологического противостояния в российско-американских отношениях, чтобы создать необходимые политико-психологические условия для этого диалога.

Идеологические противоречия в настоящее время стали серьезным препятствием и для американо-китайского диалога, в том числе в сфере безопасности. Назвав КНР страной с «авторитарным режимом», который «экспортирует нелиберальную модель международного порядка»⁶⁶, администрация Дж. Байдена тем самым фактически заморозила конструктивное взаимодействие с Пекином в международной сфере.

В директивных документах по вопросам национальной стратегии, которые приняла администрация Дж. Байдена, Китай и Россия провозглашены главными идеологическими противниками Вашингтона. В этих документах мир выглядит как поле боя «демократии» и «авторитаризма», и в данном вопросе миропонимание нынешней американской администрации ничем не отличается от взгляда на окружающий мир ее предшественницы. Возникает, однако, вопрос: достижимы ли цели такой стратегии при сегодняшнем соотношении сил на международной арене?

⁶⁵ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии // Президент России. 04.02.2022. Доступ: <http://kremlin.ru/supplement/5770> (дата обращения: 05.07.2023).

⁶⁶ National Security Strategy, October 2022... P. 8.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арбатов А.Г. Военно-стратегический паритет и политика США. М.: Политиздат, 1984.
2. Арбатов А.Г. Стратегическая стабильность и китайский гамбит // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66. № 3. С. 5–22. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-3-5-22.
3. Ежегодник СИПРИ 2020: вооружения, разоружение и международная безопасность. М.: ИМЭМО РАН, 2021.
4. Киссинджер Г.А. Мировой порядок. М.: АСТ, 2015.
5. Кокошин А.А. США: за фасадом глобальной политики. Внутренние факторы формирования внешней политики американского империализма на пороге 80-х годов. М.: Политиздат, 1981.
6. Лукин А.В. Возвышающийся Китай и будущее России (Работы о Китае и российско-китайских отношениях): Сборник статей. М.: Международные отношения, 2015.
7. Лукин А.В. Новая международная идеократия и Россия // Сравнительная политика. 2016. № 1 (22). С. 41–57. DOI: 10.18611/2221-3279-2016-7-1(22)-41-57.
8. Люттвак Э.Н. Стратегия: логика войны и мира. М.: АСТ, 2021.
9. Морозов Ю.В., Батюк В.И. Стратегический треугольник США — КНР — РФ: вызовы и перспективы безопасности России. М.: Институт Китая и современной Азии РАН, 2022.
10. Рогов С.М. Советский Союз и США: поиск баланса интересов. М.: Международные отношения, 1989.
11. Трофименко Г.А. США: политика, война, идеология. М.: Мысль, 1976.
12. Шлезингер А.М. Циклы американской истории. М.: Прогресс, 1992.
13. Khristensen H.M., Korda M. Russian nuclear weapons, 2022 // Bulletin of the Atomic Scientists. 2022. Vol. 78. No. 2. P. 98–121. DOI: 10.1080/00963402.2022.2038907.

REFERENCES

1. Arbatov A.G. 1984. *Voenno-strategicheskii paritet i politika SShA* [Military-strategic parity and US policy]. Moscow, Politizdat Publ. (In Russ.)
2. Arbatov A.G. 2022. Strategicheskaya stabil'nost' i kitaiskii gambit [Strategic stability and Chinese gambit]. *World Economy and International Relations*, vol. 66, no. 3, pp. 5–22. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-3-5-22. (In Russ.)
3. *SIPRI yearbook 2020: Armaments, disarmament and international security*. 2020. Oxford, Oxford University Press [Russ. ed.: *Ezhegodnik SIPRI 2020: vooruzheniya, razoruzhenie i mezhdunarodnaya bezopasnost'*. 2021. Moscow, IMEMO RAN Publ.].

4. Kissinger H. 2014. *World order: Reflections on the character of nations and the course of history*. London, Allen Lane [Russ. ed.: Kissindzher G.A. 2015. Mirovoi poryadok. Moscow, AST Publ.].
5. Kokoshin A.A. 1981. *SShA: za fasadom global'noi politiki* [USA: Behind the facade of global politics.]. Moscow, Politizdat Publ. (In Russ.)
6. Lukin A.V. 2015. *Vozvyschayushchiysya Kitai i budushchee Rossii* [The rising China and the future of Russia]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. (In Russ.).
7. Lukin A.V. 2016. Novaya mezhdunarodnaya ideokratiya i Rossiya [New international ideocracy and Russia]. *Comparative Politics*, no. 1 (22), pp. 41–57. DOI: 10.18611/2221-3279-2016-7-1(22)-41-57. (In Russ.)
8. Luttwak E.N. 1987. *Strategy: The logic of war and peace*. Cambridge, Belknap Press of Harvard University Press [Russ. ed.: Lyutvak E.N. 2021. Strategiya: logika voiny i mira. Moscow, AST Publ.].
9. Morozov Yu.V., Batyuk V.I. 2022. *Strategicheskii treugol'nik SShA — KNR — RF: vyzovy i perspektivy bezopasnosti Rossii* [The strategic USA — China — Russia triangle: Challenges and prospects for Russia's security]. Moscow, Institut Kitaya i sovremennoi Azii RAN Publ. (In Russ.)
10. Rogov S.M. 1989. *Sovetskii Soyuz i SShA: poisk balansa interesov* [The Soviet Union and the USA: In search for a balance of interests]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. (In Russ.)
11. Trofimenko G.A. 1976. *SShA: politika, voina, ideologiya* [USA: Politics, war and ideology]. Moscow, Mysl' Publ. (In Russ.)
12. Schlesinger A.M. 1986. *The cycles of American history*. Boston, Houghton Mifflin Company [Russ. ed.: Shlezinger A.M. 1992. Tsikly amerikanskoi istorii. Moscow, Progress Publ.].
13. Khristensen H.M., Korda M. 2022. Russian nuclear weapons, 2022. *Bulletin of the Atomic Scientists*, vol. 78, no. 2, pp. 98–121. DOI: 10.1080/00963402.2022.2038907.

Статья поступила в редакцию 13.01.2023; одобрена после рецензирования 22.06.2023; принята к публикации 31.08.2023

The paper was submitted 13.01.2023; approved after reviewing 22.06.2023; accepted for publication 31.08.2023

А.В. Нефёдов*

АФРИКА МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ: ПОИСК СОБСТВЕННОГО ПУТИ

***Рецензия на книгу Ф.К.Н. Эдзимби «Россия и Запад
в Центральной Африке: как африканским странам
приспособиться к вызовам постбиполярной эпохи»*****

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Рецензия посвящена книге камерунского исследователя Франсуа Ксавье Ноа Эдзимби (François Xavier Noah Edzimbi) «Россия и Запад в Центральной Африке: как африканским странам приспособиться к вызовам постбиполярной эпохи» («La Russie face aux Occidentaux en Afrique centrale: Pour un arrimage des Africains aux enjeux de puissance post-bipolarité»), опубликованной во Франции в 2022 г. Актуальность данной работы обусловлена тем, что в условиях нового обострения великодержавного соперничества на Африканском континенте она показывает, как эта ситуация воспринимается в самой Африке, что в свою очередь может помочь России лучше понять мотивацию центральноафриканских партнеров и выстроить более сбалансированную политику в регионе. Элементом новизны рецензируемого издания является синтез реалистского и конструктивистского подходов к анализу взаимодействий африканских государств и внерегиональных держав, их интересов и ценностных установок. Исследование построено вокруг центрального вопроса о причинах усиливающегося присутствия России в Центральной Африке, при этом рассмотрение автором подходов иных международных игроков (США и Франции) к оформлению отношений с африканскими государствами в постбиполярную эпоху призвано скорее высветить специфику применения российского внешнеполитического инструментария в регионе.

* Нефёдов Алексей Владимирович — аспирант кафедры международных отношений и интеграционных процессов факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: danrousivanov1@gmail.com; ORCID: 0009-0009-8082-036X).

** Edzimbi F.X.N. La Russie face aux Occidentaux en Afrique centrale: Pour un arrimage des Africains aux enjeux de puissance post-bipolarité. Paris: L'Harmattan, 2022.

По мнению Н. Эдзимби, российская внешняя политика в Центральной Африке отличается двойственностью: с одной стороны, она уравнивает влияние США и Франции, с другой — преследует собственные, вполне прагматичные интересы и в этом смысле мало отличается от действий других держав. С учетом того, что за внешне дружественной риторикой внерегиональных игроков скрываются великодержавные амбиции, превращающие Центральную Африку в арену межгосударственного соперничества, автор обосновывает необходимость формирования африканскими странами независимой внешнеполитической стратегии, включающей среди прочего и силовой компонент. При этом камерунский исследователь подчеркивает, что данная задача может быть решена только в том случае, если африканские государства преодолеют «синдром выученной беспомощности» и откажутся от роли подчиненного в пользу разработки собственной силовой политики. Рецензент заключает, что данная работа представляет интерес для широкого круга читателей, но она будет особенно полезной для специалистов-африканистов и экспертов-международников, углубленно изучающих проблемы Африки и российско-африканских отношений.

Ключевые слова: Африка, Центральная Африка, Африка южнее Сахары, Россия, Франция, США, соперничество великих держав, неокOLONизм, неоимпериализм

Для цитирования: Нефёдов А.В. Африка между Востоком и Западом: поиск собственного пути. Рецензия на книгу Ф.К.Н. Эдзимби «Россия и Запад в Центральной Африке: как африканским странам приспособиться к вызовам постбиполярной эпохи» // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2023. Т. 15. № 2. С. 184–200. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-2-184-200.

Aleksei V. Nefedov

AFRICA BETWEEN EAST AND WEST: SEARCHING FOR ITS OWN PATH

Book Review of 'La Russie face aux Occidentaux en Afrique centrale: Pour un arrimage des Africains aux enjeux de puissance post-bipolarité' by F.X.N. Edzimbi

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The book under review is a new research by Cameroonian scholar François Xavier Noah Edzimbi 'Russia and the West in Central Africa: How African

countries can adapt to the challenges of the post-bipolar era' ('La Russie face aux Occidentaux en Afrique centrale: Pour un arrimage des Africains aux enjeux de puissance post-bipolarité'), published in France in 2022. The reviewer emphasizes that in the context of a new exacerbation of great power rivalry on the African continent this research is particularly relevant since it shows how the situation is perceived directly in Africa, which in turn can help Russia better understand the worldviews of Central African partners and develop a more balanced policy in the region. The book under review synthesizes the elements of realist and constructivist approaches in order to provide a comprehensive view of interactions between African states and extra-regional powers, their respective interests and values. The research focuses on the reasons for Russia's growing presence in Central Africa. It is in this context, and in order to illuminate the specifics of Russia's foreign policy in the region that the author addresses the approaches of other actors (namely, the United States and France) towards the relations with African states in the post-bipolar era. According to N. Edzimbi, Russian foreign policy in Central Africa is rather ambiguous: on the one hand, Russia counterbalances the influence of the United States and France, but, on the other hand, it pursues its own pragmatic goals and in this sense differs little from other leading powers. The author argues that despite seemingly friendly rhetoric, all global actors regard Central Africa as yet another arena of interstate rivalry, and suggests that the African countries should develop an independent foreign policy strategy, including, among other things, a force component. At the same time, the Cameroonian researcher emphasizes that this issue can be addressed if African states overcome the 'learned helplessness syndrome' and abandon the subordinate role in favor of developing their own power policy. The reviewer concludes that this work may be of interest to a wide range of readers, but it will be especially useful for specialists in African studies and international relations experts who specialize on the challenges faced by Africa and on the Russian-African relations.

Keywords: Africa, Central Africa, Sub-Saharan Africa, Russia, France, USA, great power rivalry, neo-colonialism, neo-imperialism

About the author: *Aleksei V. Nefedov* — PhD Candidate at the Chair of International Relations and Integration Processes, School of Political Science, Lomonosov Moscow State University (e-mail: danrousivanov1@gmail.com; ORCID: 0009-0009-8082-036X).

For citation: Nefedov A.V. 2023. Africa between East and West: Searching for its own path. Book review of 'La Russie face aux occidentaux en Afrique centrale: Pour un arrimage des Africains aux enjeux de puissance post-bipolarité' by F.X.N. Edzimbi. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 15, no. 2, pp. 184–200. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-2-184-200. (In Russ.)

В книге камерунского автора Франсуа Ксавье Ноа Эдзимби «Россия и Запад в Центральной Африке: как африканским странам приспособиться к вызовам постбиполярной эпохи» описаны инструменты влияния великих держав (России, Франции и США) в регионе Центральной Африки с акцентом на российской внешней политике. Н. Эдзимби является доктором политических наук по специальности «Международные отношения и стратегические исследования» (Университет Дуалы, Камерун), ассоциированным членом множества научных журналов и сотрудником консалтингового агентства Lucem Global Consulting S.A.R.L. Взгляд африканских экспертов на современную международную обстановку представляет большой интерес для российских исследователей и политиков, поскольку позволяет понять мотивацию африканских акторов и скорректировать отношения с ними в нужном направлении.

Следует отметить, что стратегии великих держав по укреплению своего влияния в Африке в целом и в Центральноафриканском регионе в частности неоднократно становились предметом российских и зарубежных исследований. Активные действия России в Центральноафриканской Республике (ЦАР) в последнее время всё больше привлекают внимание ученых-международников. Этим вопросам посвящена серия работ российского исследователя В.Р. Филиппова¹. Например, в статье «Центральноафриканская Республика: противостояние Кремля и Елисейского дворца» автор полагает, что развитие российско-центральноафриканского сотрудничества наносит серьезный удар по интересам Парижа в регионе². В.Р. Филиппов отмечает, что Франция не собирается мириться с проникновением РФ в ЦАР и, возможно, будет готовить провокации с участием исламистов на севере страны. России и президенту ЦАР придется еще долго бороться за удержание имеющихся позиций³. Выводы В.Р. Филиппова подтвер-

¹ Филиппов В.Р. Африканский капкан для Эммануэля Макрона // Известия Алтайского государственного университета. 2019. № 2 (106). С. 80–86; Он же. Выборы 2020–2021 гг. в Центральноафриканской Республике // Азия и Африка сегодня. 2021. № 6. С. 42–49; Он же. Сердце Черной Африки: запланированный инфаркт // Международные отношения. 2014. № 2. С. 164–179; Он же. Центральноафриканская Республика: свет в конце тоннеля? // Геополитический журнал. 2015. № 4 (11). С. 30–45; Он же. Урановый фактор в африканской политике Франции // Национальная безопасность / Nota Bene. 2015. № 5 (40). С. 705–720.

² Филиппов В.Р. Центральноафриканская Республика: противостояние Кремля и Елисейского дворца // Локус: люди, общество, культура, смыслы. 2019. № 1. С. 124–143.

³ Там же. С. 124.

дились в ходе выборов 2020–2021 гг., когда вооруженные группировки под руководством бывшего президента Ф. Бозизе и при косвенной поддержке Франции попытались сорвать голосование и взять штурмом столицу страны — город Банги. Однако тогда помощь России и Руанды не позволила этим планам осуществиться⁴.

Представляет интерес и работа отечественных исследователей М.А. Буланаковой и А.Н. Семёновой⁵, которые проанализировали роль России и ЕС в урегулировании кризиса в ЦАР. Ученые приходят к выводу, что заключение хартумских соглашений в 2019 г. между правительством ЦАР и 14 оппозиционными группировками, состоявшееся при посредничестве России, позволило добиться стабилизации обстановки в стране. Авторы отмечают, что РФ, в отличие от ЕС, не просто оказывает военную и гуманитарную помощь, но и старается возродить государственность ЦАР⁶. Что касается работ по развитию сотрудничества двух стран, то необходимо также отметить исследования следующих авторов: С. Рамани⁷, М. Кимберли⁸, Л. Хайрапетян и Ж. Кусера⁹, М. Амоа¹⁰ и др.

Д. Миреваль в книге «Чад, секретные войны Франции: ловушки французской разведки (1969–1990)» анализирует, как Пятая республика использовала Чад для реализации своих военных и разведывательных интересов в регионе¹¹. Эпоха Франсафрики заложила прочные связи между Парижем и Нджаменой, которые остаются

⁴ Rolland A. La Russie et le Rwanda envoient des troupes en République centrafricaine // Reuters. 21.12.2020. Available at: <https://www.reuters.com/article/republique-centrafricaine-election-secur-idFRKBN28V1RQ> (accessed: 30.08.2023).

⁵ Буланакова М.А., Семёнова А.Н. Роль ЕС и России в урегулировании центральноафриканского кризиса // Закон и власть. 2020. № 4. С. 38–44.

⁶ Там же. С. 41–42.

⁷ Ramani S. Russia's strategy in the Central African Republic // RUSI. 12.02.2021. Available at: <https://www.rusi.org/explore-our-research/publications/commentary/russias-strategy-central-african-republic> (accessed: 30.08.2023).

⁸ Kimberly M. Russ-Afrique? Russia, France, and the Central African Republic // PONARS Eurasia. 21.08.2019. Available at: <https://www.ponarseurasia.org/russ-afrique-russia-france-and-the-central-african-republic/> (accessed: 30.08.2023).

⁹ Hayrapetyan L., Kučera J. Russian foot on the Central African Republic's soil: An example of a tactical alliance // Central European Journal of International and Security Studies. 2022. Vol. 16. No. 3. P. 34–55.

¹⁰ Amoah M. Private military companies, foreign legions and counterterrorism in Mali and Central African Republic // Alternatives. 2023. Vol. 48. No. 2. P. 133–150.

¹¹ Mireval D. Tchad, les guerres secrètes de la France: Les arcanes du renseignement français (1969–1990). Versailles: VA Éditions, 2021.

такowymi до сих пор. Франция применяла множество методов для сохранения своего присутствия в этой стране: оказание финансовой и военной помощи, политическая поддержка действующего режима и др. Однако автор отмечает, что национальные интересы Чада в свете французской неокOLONиальной политики часто оказывались отодвинуты на второй план¹².

Работа «Габон: невозможность деколонизации в рамках Франсафрики» посвящена проблеме французского влияния в этой стране¹³. М.-Т. Ландон осуждает стратегию Парижа по оказанию помощи авторитарным режимам в целях сохранения своего присутствия. Автор полагает, что подобные практики не только сдерживают развитие гражданского общества в Габоне, но и наносят серьезный ущерб экономике страны¹⁴. М.-Т. Ландон приходит к выводу о том, что эпоха Франсафрики далека от завершения¹⁵.

Книга Ж. Олланде «Франция и Конго-Браззавиль: история одного пути» демонстрирует инструменты влияния Парижа в этой центральноафриканской стране¹⁶. Автор полагает, что Франция длительное время использовала ресурсы Республики Конго в своих целях, поддерживая у власти лояльный Парижу режим¹⁷. Ж. Олланде убежден, что независимое развитие страны позволило бы ей достичь больших успехов, поскольку любая помощь со стороны Елисейского дворца связана с реализацией французских национальных интересов¹⁸.

Что касается африканских авторов, то они не только уделяют внимание соперничеству великих держав, но и пытаются наметить шаги по выводу своих стран из состояния кризиса. Например, Ш.А. Дубан, бывший постоянный представитель ЦАР в ООН, во второй части своей автобиографической книги «Моя жизнь, мое видение для ЦАР» предлагает пятилетнюю антикризисную программу действий¹⁹. Автор считает необходимым сконструировать

¹² Ibidem.

¹³ Landon M.-T. Gabon: L'impossible décolonisation dans la françafrique. Paris: Fauves Éditions, 2017.

¹⁴ Ibidem.

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ Ollandet J. La France et le Congo-Brazzaville: Histoire d'une marche singulière. Paris: L'Harmattan, 2023.

¹⁷ Ibidem.

¹⁸ Ibidem.

¹⁹ Doubane C.A. Ma vie, ma vision pour le Centrafrique. Paris: L'Harmattan, 2015.

национальную идентичность и призывает не искать виновных за пределами ЦАР, а попытаться понять вину самих центральноафриканцев, допустивших скатывание страны в последовательность бесконечных кризисов²⁰. А. Амибиака в своей книге «Чад, пути развития» указывает на то, что страна может столкнуться с недовольством молодежи, вынужденной существовать в нищете²¹. Автор считает, что Чаду необходимо развивать собственную школу мысли, чтобы избежать навязывания решений, выгодных иностранным державам, но при этом наносящих ущерб национальным интересам²². Следует отметить и работу Э.Т. Мокнга «Эссе о реформировании Чада», в которой автор анализирует проблемы политического устройства страны и угрозу ее целостности со стороны ряда регионов, желающих выйти из-под контроля центра²³. Комплексный обзор проблем Камеруна представлен в книге Э.Н. Муэлле «Мое видение для Камеруна», где в том числе рассмотрен раскол общества по лингвистическому признаку (англофоны и франкофоны) и предложены пути решения социальных и экономических трудностей²⁴. Представляют интерес также работы габонского автора С. Акюр-Давина²⁵ и центральноафриканского исследователя Л. Моссоа²⁶.

На этом фоне работа Н. Эдзимби отличается тем, что в ней особенно последовательно проводится мысль о том, что Африка может и должна развивать собственную, независимую политику вместо того, чтобы быть объектом воздействия со стороны других государств. Книга состоит из введения, четырех глав и заключения. Во введении автор специально останавливается на теоретико-методологических вопросах. Так, указано, что работа в целом выдержана в духе классического политического реализма, в частности идей Г. Моргантау²⁷, согласно которым в основе внешней политики государств находятся неизменные национальные интересы. В силу непримиримости национальных интересов разных стран основ-

²⁰ Ibidem.

²¹ Amibiaka A. Tchad, les voies de l'émergence. Paris: L'Harmattan, 2023.

²² Ibidem.

²³ Mocnga É.T. Essai pour la refondation du Tchad. Paris: L'Harmattan, 2021.

²⁴ Mouellé E.N. My vision for Cameroon. Paris: L'Harmattan, 2022.

²⁵ Akure-Davain S. Le Gabon est malade: Diagnostic et traitement. Paris: L'Harmattan, 2023.

²⁶ Mossoa L. Où va la Centrafrique? Paris: L'Harmattan, 2015.

²⁷ Morgenthau H. Politics among nations. The struggle for power and peace. New York: Alfred A. Knopf, 1985.

ными процессами в международных отношениях являются войны и конфликты: «...международные отношения — непрерывные усилия по поддержанию и увеличению могущества своей нации и сдерживанию и уменьшению могущества других» (с. 44). В то же время при изучении российского и западного внешнеполитических дискурсов Н. Эдзимби также опирается на работы одного из основателей конструктивизма А. Вендта²⁸ и французских социологов Ф. Коркуфа и Ф. де Сангли²⁹, изучавших проблемы конструирования социальной реальности. Н. Эдзимби указывает на то, что одним из измерений современных конфликтов выступает информационное, которое представляется не менее значимым, чем размер армии и географическое положение страны: «...инфосфера — новое пространство столкновения держав в постбиполярную эпоху» (с. 174). Таким образом, автор использует комплексный теоретический подход к анализу предмета исследования.

Н. Эдзимби задается вопросами, почему Россия «возвращается» в Африку и почему именно Центральная Африка оказалась в фокусе российских интересов. В этой связи он выдвигает гипотезу, состоящую из двух частей (с. 42). Во-первых, по его мнению, Москва стремится установить паритет с Вашингтоном и удовлетворить потребности внутреннего развития и в этом контексте считает Центральную Африку своим «окном возможностей» для проецирования статуса великой державы. Во-вторых, внимание России именно к Центральной Африке Н. Эдзимби объясняет отсутствием у местных элит стратегического мышления, что облегчает проникновение и закрепление в регионе различных внешних сил.

При этом позиция автора по отношению к присутствию России в регионе также отличается двойственностью. С одной стороны, РФ, по его мнению, является альтернативой отношениям африканских стран с ЕС и США. С другой стороны, несмотря на все преимущества российской политики, Москва преследует только свои национальные интересы, не отличаясь в этом вопросе от других внерегиональных игроков (с. 96). По этой причине Н. Эдзимби полагает, что Африка не должна безоговорочно полагаться на поддержку России, Запада или Китая, а должна стараться сформировать собственную стратегию

²⁸ Wendt A. Anarchy is what states make of it: The social construction of power politics // International Organization. 1992. Vol. 46. No. 2. P. 391–425.

²⁹ Corcuff P., De Singly F. Les nouvelles sociologies: Constructions de la réalité sociale. Paris: Nathan, 1995.

развития, прекратить занимать подчиненную позицию в мировых делах (с. 169).

Так или иначе, указанная гипотеза предопределила всю структуру работы: в первых двух главах Н. Эдзимби описывает особенности внешней политики России в Центральной Африке, в третьей главе сравнивает ее с политикой Франции и США, а в последней — пытается предложить решение структурных проблем африканской государственности.

Н. Эдзимби начинает первую главу книги с обзора российского внешнеполитического дискурса после распада СССР. В бывших советских республиках начался рост национализма, который затронул и некоторые регионы России. Страна оказалась в ситуации кризиса идентичности. Ощущение утраты статуса великой державы негативно повлияло на настроения в российском обществе; широкой популярностью стали пользоваться идеи о необходимости возрождения международного престижа страны. Автор отмечает, что концептуальными основами новой российской политики стали понятия «державность» и «евразийство» в интерпретации отечественного философа А.Г. Дугина (с. 51). Евразийство является разновидностью цивилизационных концепций исторического развития, например концепции «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона³⁰. Соответственно, по мнению автора, российская идея многополярности опирается на цивилизационную концепцию исторического процесса, которая подразумевает, что каждая цивилизация представляет собой отдельный центр силы. Попытки одного из таких центров подчинить себе все остальные представляют угрозу существованию их цивилизации, ее самобытности (с. 52). По этой причине Россия активно противостоит стремлению США навязать свою волю другим странам. Однако, как отмечает автор, сплочивание российского населения осуществляется на негативной основе — по принципу «противостояния врагам России», а не через формулирование собственной национальной идеи (с. 54). В российских СМИ, осуществляющих вещание в Африке, продвигаются нарративы о зависимости Европы от США и неизбежности упадка Запада и его либеральных ценностей (с. 99). В противовес западному миропорядку Россия предлагает образ мира, в котором бы уважался суверенитет и защищались традиционные устои общества. Эти идеи, как отмечает

³⁰ См. подробнее: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2022.

автор, находят широкий отклик у африканцев. В мире происходит «деуниверсализация западных ценностей» (с. 79).

Говоря об экономических ресурсах внешней политики России, Н. Эдзимби указывает на их сокращение в силу снижения роста показателей российского ВВП с 2014 г. Российская экономика сталкивается со множеством системных проблем, таких как высокая доля госсектора, низкий объем инвестиций в НИОКР, неэффективная охрана прав интеллектуальной собственности, излишнее государственное регулирование (с. 60–68). В этой связи экономический компонент российской внешней политики в Африке не развит в достаточной степени, а военное и политическое сотрудничество всё еще остается приоритетным.

Во второй главе Н. Эдзимби приводит ключевые факторы, обуславливающие интерес России и других стран к региону Центральной Африки. Автор замечает: «...понимая, что земли Африки богаты ресурсами, качество, разнообразие и доступность которых соседствуют со стратегической слепотой африканских лидеров, великие державы после окончания холодной войны развернули в регионе свои конкурирующие геополитические и геостратегические проекты» (с. 92). Россия, по мнению Н. Эдзимби, обладает значительными конкурентными преимуществами в сфере нефтедобычи и стремится поставить своих африканских партнеров в зависимость от российских технологий (с. 90). В последнее время особый интерес у РФ и других держав вызывают запасы редкоземельных металлов, необходимых для производства электроники, которыми богата Центральная Африка.

Однако этот регион представляет ценность не только с точки зрения природных ресурсов, но и ввиду его географического положения. Ссылаясь на одного из чиновников ООН, автор утверждает: «Россия стремится укрепить свое влияние в ЦАР, чтобы оказывать воздействие на север континента через Судан и на юг через Анголу» (с. 84). Действительно, Центральная Африка является своего рода связующим звеном, имеющим выход ко всем другим регионам этого континента. Укрепление позиций в ЦАР, по мнению автора, дает России возможность потеснить Францию и США в регионе и тем самым продемонстрировать им статус великой державы.

Говоря о политических инструментах российского влияния в Центральной Африке, Н. Эдзимби акцентирует внимание на том факте, что африканские страны очень часто чувствуют себя ущем-

ленными в современной мирополитической системе (например, в силу недостаточной представленности в Совете Безопасности ООН). Россия эффективно использует эти настроения в своих целях и предлагает Африке альтернативу сотрудничеству с Западом: «...Россия видит в высокомерном отношении Запада к Африке “окно возможностей”. <...> опираясь на принципы равенства и взаимопомощи в случае угрозы миру на международной арене, российская дипломатия оказывает поддержку государствам Центральной Африки в решении их проблем безопасности, что является серьезным фактором российского влияния» (с. 96). По мнению автора, Москва использует зоны нестабильности в регионе, что облегчает проникновение на континент через оказание военной помощи. Кроме того, большая часть государств Африки являются гибридными режимами и не признаются Западом в качестве полноценно демократических (с. 92). Такая позиция США и ЕС часто приводит к свертыванию программ помощи, сокращению финансирования. Российская же поддержка позволяет африканским странам сохранять доступ к источникам вложений для своего развития, несмотря на уменьшение западных инвестиций (с. 86).

Автор не без сожаления отмечает, что африканские ресурсы очень часто растрачиваются на противостояние с мировыми центрами силы или между самими африканскими странами, вместо того чтобы быть вложенными в собственное развитие. Африка, по его мнению, может и должна играть на противоречиях великих держав, чтобы извлечь пользу для себя. Что касается российских экономических проектов в регионе, то, по мнению Н. Эдзимби, они могут быть навязаны масштабной китайской инициативой «Один пояс — один путь». Например, Россия, как и Китай, заинтересована во вложениях в африканскую инфраструктуру (проект нефтепровода в Республике Конго, развитие порта в Кирби, Камерун) (с. 107). Однако российские экономические проекты в Центральной Африке остаются немногочисленными.

Обращаясь к проблеме российской военной помощи, Н. Эдзимби рассматривает кейс ЦАР. В 2017 г. президент Ф.А. Туадера встретился с С. Лавровым и попросил оказать военную поддержку в борьбе с повстанцами (с. 102). Россия добилась смягчения эмбарго на поставки оружия в страну, и уже в 2018 г. в Банги начали прибывать российские военные советники. При помощи России центральное правительство смогло восстановить контроль над большей частью

территории страны. Москва часто обуславливает оказание военной помощи африканским странам предоставлением доступа к их месторождениям природных ресурсов. Российские компании, такие как «Алроса», Росатом и Lobaye Invest, активизировали свою работу в ЦАР (с. 105). В этой связи Н. Эдзимби достаточно критично оценивает российскую военную помощь, полагая, что доступ к месторождениям и добыче полезных ископаемых открывает возможности контролировать цены на ресурсы на мировых рынках: «На самом деле, военная помощь России является продолжением ее энергетической дипломатии. Москва, используя мировую повестку борьбы с пиратством, терроризмом и сепаратизмом, стремится контролировать стратегические африканские ресурсы и пути их транспортировки» (с. 103).

В качестве инструментов информационного влияния на Африку автор называет такие российские СМИ, как Russia Today и Sputnik, и отмечает также попытки РФ создать локальные СМИ. Например, в ЦАР при российской поддержке было создано радио Lengo Songo, осуществляющее вещание на официальном языке этой страны (с. 106). Н. Эдзимби пишет, что «цель данной политики состоит в продвижении особого видения мира, чтобы в случае конфликта аудитория уже изначально расценивала российскую позицию как правильную и обоснованную» (с. 100). Такой вывод автор подкрепляет примером мультфильма для детей, выпущенного на ТВ в ЦАР при поддержке компании Lobaye Invest. В нем повествуется о нападении гиен на африканскую ферму, однако ее владелец (лев) не смог отразить атаку своими силами и обратился за помощью к медведю. Тот проделал большой путь, чтобы добраться до Африки, но в итоге смог помочь льву в борьбе с гиенами (с. 100). За образом медведя легко угадывается Россия, за львом — африканские страны, а за гиенами — бывшие колониальные державы.

Во второй главе Н. Эдзимби представил комплексный обзор интересов России в регионе с акцентом на ЦАР. Следует отметить, что основное внимание автора сосредоточено на российско-центральноафриканских отношениях, через их призму он рассматривает взаимодействие Москвы со всеми другими государствами региона. При этом снова подчеркивается двойственность в восприятии позиции и роли РФ на Черном континенте африканскими странами, в частности ЦАР: признавая ее значение в сфере безопасности, они выражают озабоченность в отношении проектов по добыче

полезных ископаемых. В этой связи можно заключить, что России еще предстоит приложить существенные усилия, чтобы убедить африканских партнеров в том, что экономическое и военное сотрудничество с ней носит взаимовыгодный характер и отличается от неокOLONиальной политики западных стран.

В третьей главе описываются методы, с помощью которых в Центральной Африке осуществляли свое влияние Франция и США. В период холодной войны у Пятой республики сложилась система неформальных связей со странами континента, которая получила название «Франсафрика». Эти связи были нужны, чтобы «устранить любую силу, которая покушается на французские интересы в регионе» (с. 120). Франсафрика подразумевала подписание договоров о сотрудничестве, к которым иногда прилагались секретные протоколы, позволявшие Парижу напрямую вмешиваться в ситуацию в той или иной стране. По словам автора, несмотря на заявления Э. Макрона о том, что эпохе Франсафрики пришел конец, текущая политика Франции в регионе практически не изменилась.

Африканские страны этнически разнообразны, поэтому Елисейский дворец делает ставку на одну из групп общества, предоставляя ей доступ к власти и лишая всех остальных возможности влиять на государственные решения. Например, в Чаде Париж поддерживает клан Загава, что порождает трения в обществе и вынуждает правящую элиту снова и снова обращаться за помощью к французским партнерам (с. 123). В итоге создаются искусственные препятствия для формирования национальной идентичности.

Еще одним методом французской политики в Африке является внедрение своих советников в государственные учреждения африканских стран. Например, французские эксперты из числа бывших сотрудников Центрального банка Франции работали в генеральном секретариате президента Камеруна³¹ и передавали всю информацию о ситуации в стране на родину (с. 127). Президенту Камеруна в разные периоды помогали французские советники: Патриция Балм, ответственная за имиджевую кампанию главы государства в 2018 г., и Стефан Фукс, организовавший встречи французской и камерунской молодежи (с. 126).

Франция использует и прямое политическое давление на африканских коллег. Например, в 2003 г. после единогласного одобрения

³¹ Аналог администрации президента в России.

декларации по Ираку президент Руанды Поль Кагаме отметил: «Мы толком-то не обсудили вопрос, моего мнения никто не спрашивал» (с. 129).

Париж имеет разветвленную систему военных баз на континенте, но последние операции оказались не очень удачными. Например, операция «Сангарис» в ЦАР закончилась тем, что правительство этой страны обратилось за помощью к России, а операция «Бархан» была завершена в 2022 г. в связи с протестами против нее во многих африканских странах³².

Н. Эдзимби также отмечает, что Париж оказывает влияние на школьные программы в своих бывших колониях, делая акцент на личностях, имевших хорошие отношения с Францией. Кроме того, откровенно политизированный характер имеет французская помощь развитию. Например, Французское агентство развития (Agence Française de Développement, AFD) в 2013 г. по политическим мотивам отказало китайским фирмам в строительстве моста в Дуале (Камерун) в пользу французской компании Vinci, несмотря на то что китайский проект был почти в два раза дешевле (с. 142).

Политизированностью и идеологизированностью характеризуются и подходы к оказанию помощи африканским странам со стороны США. Вашингтон не только настаивает на проведении демократических реформ по западному образцу, но и в целом рассматривает свою внешнюю политику в регионе в конфронтационном ключе. Еще Г. Киссинджер говорил: «Отсутствие стратегического оппонента, угрожающего континенту, или враждебного африканского государства, питающего гегемонистские амбиции, делает невозможным обоснование африканской политики [США]» (с. 115). И в качестве таких оппонентов для Соединенных Штатов выступают Москва и Пекин.

США активно используют механизмы непрямого продвижения своей культуры через социальные сети, программы обмена и изучение английского языка. Вашингтон тратит значительные средства на борьбу со СПИДом и малярией. При этом автор указывает, что отношения Соединенных Штатов с африканскими странами имеют неравноправный характер. С одной стороны, Закон о росте

³² Vincent E. Fin officielle de l'opération militaire française «Barkhane» au Sahel, après presque dix ans d'existence // Le Monde. 09.11.2022. Available at: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2022/11/09/fin-officielle-de-l-operation-militaire-barkhane-apres-presque-dix-ans-d-existence_6149123_3212.html (accessed: 30.08.2023).

и возможностях для Африки (The African Growth and Opportunity Act, AGOA), принятый в 2000 г. в США, дает беспопытный доступ африканским товарам на американский рынок. С другой стороны, детальный анализ двусторонней торговли показывает, что 80% этих товаров составляет нефть и лишь небольшая доля приходится на текстильную продукцию (с. 156–157). Кроме того, американские проекты в Африке ориентированы на американские же компании. Например, 65% мощностей прокачки нефти по нефтепроводу «Камерун–Чад» принадлежит компаниям из США (с. 159).

В целом в третьей главе основной акцент был сделан на африканской политике Франции, что объясняется более глубокими историческими связями Парижа с Центральной Африкой. Можно согласиться с выводом автора, что на самом деле эпоха Франсафрики не закончилась, а инструменты влияния изменились таким образом, чтобы сделать французское присутствие менее заметным (использование многосторонних миротворческих миссий, разнообразные гуманитарные инициативы и др.). Политика США освещена не так подробно, но Н. Эдзимби, тем не менее, удалось раскрыть ее ключевые особенности.

В заключительной, четвертой главе автор пытается сформулировать программу действий для африканских стран на основе анализа их внутренних проблем. Прежде всего, Н. Эдзимби, опираясь на идеи конструктивистов, указывает на то, что для формирования сильных национальных государств в Африке необходима соответствующая внутренняя мотивация. Колониальные державы долгое время воспитывали в своих владениях чувство покорности, поэтому стремление к силе не так часто встречается у африканского населения.

Кроме того, государства континента испытывают потребность в создании собственных инструментов анализа своих ресурсов и возможностей, потому что большая часть информации до сих пор собирается и обрабатывается не африканскими правительствами, а зарубежными транснациональными корпорациями. Автор отмечает, что складывается парадоксальная ситуация, когда страны Африки не только не имеют инструментов оценки своих природных ресурсов, но и оказываются отстранены от международных переговоров, на которых обсуждаются проблемы их экономики и развития.

Н. Эдзимби приводит в качестве обратного примера Японию, Южную Корею и Китай, которые находились в крайне неблагоприятных экономических условиях после Второй мировой войны, но

смогли преодолеть послевоенные трудности и построить сильные государства. Так же, как и африканские страны, они испытывали нехватку технологий, информации и финансовых ресурсов, однако применили тактику промышленного шпионажа и получили доступ к передовым западным инновациям. Н. Эдзимби, в частности, так пишет про Японию: «Менталитет “шпиона по духу”, привитый японским гражданам после поражения в 1945 г., жив и сегодня: на архипелаге до сих пор можно купить, например, шпионский зонтик. <...> Это стремление японцев к сбору информации неоднократно критиковалось со стороны ЦРУ, которое высказывало опасение по поводу того, что будущее компаний Кремниевой долины находится под угрозой из-за действующих там японских шпионов» (с. 175). Автор книги полагает, что африканским странам «нужно использовать как все легальные (совместные предприятия, соглашения о сотрудничестве), так и нелегальные (нелицензионное копирование и пиратство) средства для поддержания своих технологических позиций в мире и сохранения конкурентоспособности» (с. 191).

Н. Эдзимби отмечает, что Африка должна не отдавать научно-исследовательские проекты на откуп иностранцам, а стремиться развивать собственный инновационный потенциал: «Мы пришли к ситуации, когда исследования управляются африканцами, но на деле их реализуют иностранцы» (с. 185). Автор считает также необходимым побуждать иностранные фирмы делиться своими технологиями, чтобы сократить технологическое отставание: «Понимая структуру технологической гонки, в которую вовлечены развитые страны, правящая африканская элита должна с помощью совместных предприятий стимулировать их к трансферу технологий и компетенций» (с. 193). Н. Эдзимби замечает, что современная эпоха характеризуется не прямым военным противостоянием, а столкновением экономик и технологий, которые и дают преимущества государствам. Автор книги также указывает на то, что более рациональное использование имеющихся ресурсов позволит привлечь дополнительные средства для развития. Например, теневой сектор африканской экономики оценивается в 50 млрд долл., что в два раза превышает размер всей помощи в целях развития, выделяемой континенту (с. 196). В целом Н. Эдзимби убежден, что все обозначенные им проблемы преодолимы, однако следует помнить, что опыт других стран требует адаптации к местным условиям и не всегда может быть повторен даже в близкой в культурном отношении среде.

В заключении Н. Эдзимби резюмирует результаты своего исследования и приходит к выводу, что африканские страны должны сформировать собственную политику и включиться в борьбу великих держав. Углубление региональной интеграции может помочь государствам Черного континента повысить их вес в мировых делах. Автор полагает, что успешное «возвращение» России в Африку связано со стратегической недальновидностью местных элит. РФ, как Франция и США, стремится реализовать свои национальные интересы. Для Н. Эдзимби это является дополнительным подтверждением его тезиса о необходимости обретения полной независимости африканскими государствами. Несмотря на то что позиция автора в отношении внешней политики РФ достаточно неоднозначна, он также высказывает свое неудовлетворение диктатом США и Запада в целом на международной арене. В этом выводы Н. Эдзимби созвучны концепции многополярного мира. По мнению автора книги, именно самостоятельный выбор пути развития странами Африки приведет их к стабильности и процветанию.

Таким образом, в книге Н. Эдзимби дается комплексный обзор внешней политики России, США и Франции в регионе Центральной Африки. Автор последовательно выступает за формирование собственного стратегического курса государствами континента. Он приводит примеры того, как ресурсы Африки используются на благо других держав, а не в целях развития самих африканских стран. Данная работа позволяет глубже понять подлинные настроения африканской политической и научной элиты и может послужить основой для внесения соответствующих коррективов в российский внешнеполитический курс для достижения лучшего взаимопонимания с африканскими партнерами, поиска конструктивных решений их проблем. В качестве дальнейшего направления исследований представляется целесообразным провести сравнительный анализ политических программ России, Китая и стран Запада в данном регионе.

Книга представляет интерес для широкого круга читателей, но она будет особенно полезной для специалистов-африканистов и экспертов-международников, углубленно изучающих проблемы Африки и российско-африканских отношений.

Статья поступила в редакцию 03.04.2023; одобрена после рецензирования 14.06.2023; принята к публикации 13.09.2023

The paper was submitted 03.04.2023; approved after reviewing 14.06.2023; accepted for publication 13.09.2023